ИСТОРИКО-ЮРИДИЧЕСКОЕ

ИЗСЛѢДОВАНІЕ

УЛОЖЕНІЯ

ИЗДАННАГО

ЦАРЕМЪ АЛЕКСѢЕМЪ МИХАЙЛОВИЧЕМЪ,

ВЪ 1649 ГОДУ.

СОЧИНЕНІЕ ВЛАДИМІРА СТРОЕВА.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

При Императорской Академіи Наукъ.

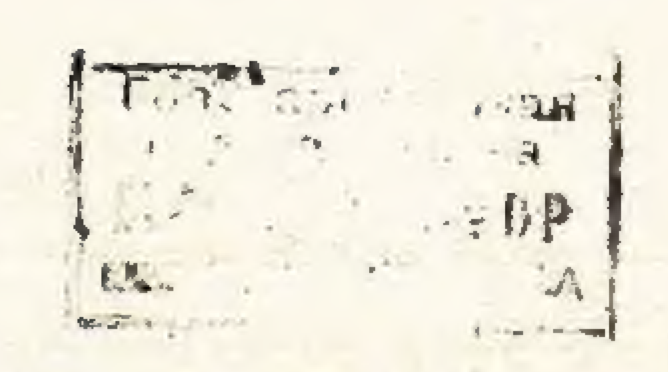
1833.

Печатать позволяется,

съ тѣмъ, чтобы по напечатаніи представлены были въ Ценсурный Комитетъ три экземпляра. С. Петербургъ. 22 Октября 1832 года.

Ценсоръ В. *Семеновъ.*

ИСТОРИКО-ЮРИДИЧЕСКОЕ

ИЗСЛѢДОВАНІЕ УЛОЖЕНІЯ ЦАРЯ АЛЕКСѢЯ МИХАЙЛОВИЧА.

ВВЕДЕНІЕ.

„Я всегда зналъ, что Уложеніе было издано для Москвы, а не для Россіи, болѣе для Россіянъ того времени, нежели для Россіянъ вообще.„

Вотъ единственное сужденіе объ Уложеніи Царя Алексѣя Михайловича, существующее на Русскомъ языкѣ: оно принадлежитъ Императору Александру Павловичу, и произнесено въ 1801 году, когда Императоръ приступалъ къ великому дѣлу преобразованія отечественныхъ законовъ. (*)

Повторяю, что сіе сужденіе есть единственное, ибо до сихъ поръ никто не занимался у насъ критическою Исторіею отечественныхъ законовъ, а сужденіе объ

(*) См. Рескриптъ Императора Александра Павловича Графу Заводовскому, отъ 5 Іюня 1801, напечатанный въ полномъ Собраніи Законовъ подъ № 19.104.

Уложеніи, произнесенное Императрицею Екатериною, относится только къ его слогу. Такимъ образомъ Уложеніе, важнѣйшій памятникъ нашего законодательства, до сихъ поръ остается явленіемъ неразсмотрѣннымъ, необъясненнымъ и неопредѣленнымъ.

Сіе невниманіе къ Уложенію происходитъ не отъ того, чтобы оно не стоило вниманія; нѣтъ! Самый недальновидный умъ легко понять можетъ важность Уложенія относительно отечественнаго Права и Исторіи. Какъ представитель умственнаго и гражданскаго состоянія Россіи въ первой половинѣ XVII столѣтія, Уложеніе можетъ назваться сокровищницею Исторіи; какъ основаніе отечественнаго законодательства, оно есть необходимая принадлежность знаній Русскаго Законовѣдца, безъ которой онъ не можетъ уразумѣть силы духа и настоящаго развитія нашего Права.

Хотя у насъ много писали и теперь пишутъ объ *историческомъ направленіи настоящаго вѣка*, однакоже наше Русское историческое направленіе ограничивается, по большой части, только *историческими*

романами. Произведеній же чисто-историческихъ мы видимъ очень, очень мало; до сихъ поръ у насъ нѣтъ Исторіи нашей Литературы, нашей образованности, нашего просвѣщенія, нашей дипломатіи, нашего законодательства.

Изслѣдовавъ Уложеніе Царя Алексѣя Михайловича въ историческомъ и юридическомъ отношеніяхъ, я трудился для Исторіи Русскаго Законодательства.

Уложеніе есть первый памятникъ нынѣ существующаго въ Россіи Права, ибо всѣ узаконенія, до Уложенія изданныя, принадлежатъ только Исторіи, ни мало не входя въ составъ настоящаго Законодательства: разсмотрѣніе ихъ относится къ долгу Историка, а не Законовѣдца.

При изслѣдованіи Уложенія, цѣль моя состояла въ томъ, чтобы опредѣлить значеніе Уложенія (въ обширномъ смыслѣ).

Для сего я долженъ быть опредѣлить его духъ и форму. Духъ Уложенія могъ быть опредѣленъ только чрезъ изслѣдованіе условій историческихъ, при коихъ Уложеніе образовалось. Форма же Уложенія могла быть опредѣлена только чрезъ изслѣдованіе условій юридическихъ, принятыхъ при составленіи Уложенія.

Вотъ почему, для полнаго разсмотрѣнія Уложенія, я изслѣдовалъ его историко-юридически.

(Не довольствуясь опредѣленіемъ значенія Уложенія въ XVII вѣкѣ, я, хотя кратко, разобралъ его послѣдствія, означивъ вліяніе его на Россію и Россійское Законодательство.)

Не имѣя предшественниковъ на поприщѣ науки, для которой я трудился, чувствую, что опытъ мой далеко не достигъ той степени совершенства, которую наука Исторіи Русскаго Законодательства можетъ получить со временемъ, при постепенныхъ усиліяхъ и трудахъ отечественныхъ ученыхъ. Многія положенія и выводы могутъ теперь показаться недостаточно-доказанными единственно потому, что *мы не привыкли еще смотрѣть на отечественные законы, какъ на элементы науки*. Вотъ настоящая причина жалкаго состоянія науки Русскаго Права! До сихъ поръ, всѣ наши юридическія теоретическія сочиненія, за исключеніемъ изданныхъ бывшею Коммиссіею Составленія Законовъ, суть только нестройныя компиляціи, въ которыхъ нѣтъ ни

системы, ни вѣрности, ни полноты. Но во всякомъ случаѣ наука Права богачѣ науки Исторіи Права: первая имѣла Вельяминова Зернова, Дегая, Горегляда, между тѣмъ какъ послѣдняя почти никѣмъ не была обработана.

Г. Берхъ, издавая описаніе царствованія Царя Алексѣя Михайловича, имѣлъ случай разобрать *Уложеніе*, хотя въ историческомъ отношеніи. Не извѣстно по какой причинѣ ученый Историкъ не занялся симъ предметомъ, и взглядъ свой на *Уложеніе* ограничилъ только хронологическимъ извѣстіемъ о времени его изданія.

Однакоже пришло время, когда слѣдуетъ обратить вниманіе на изученіе отечественнаго Права, не поверхностное, опытное, но на изученіе основательное, расположенное по строгой системѣ и на критикѣ ума основанное. Образованность общественная сего требуетъ; къ сему же призываетъ насъ мудрое Правительство. Изданіемъ Полнаго Собранія Законовъ, оно дало возможность съ успѣхомъ обработать Исторію отечественнаго Законодательства, ибо всѣ нужные къ оной матеріалы собраны и изданы; вѣрность и полнота

сихъ матеріаловъ не подлежатъ сомнѣнію, ибо на изданіи ихъ лежитъ печать Правительства. Теперь нельзя отговариваться недостаткомъ средствъ и сбивчивостію Элементовъ, входящихъ въ составъ отечественнаго Права:—въ лабиринтѣ Полнаго Собранія Законовъ нельзя заблудиться при помощи Аріадниной нити разсудка.

Предлежащее сочиненіе удостоено поощрительной преміи отъ Императорской Академіи Наукъ. Авторъ чувствуетъ, что въ семъ случаѣ онъ болѣе обязанъ благосклонному снисхожденію Ададеміи, чѣмъ собственнымъ своимъ усиліямъ.

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

О причинахъ изданія Уложенія.

Изъ всѣхъ разнообразныхъ явленій, представляемыхъ мыслящему человѣку поучительною картиною вселенной, болѣе всего привлекаютъ его вниманіе образованныя гражданскія общества. Безпрерывныя возобновленія поколѣній, влекущія за собою перемѣну въ образѣ мыслей, въ обычаяхъ и желаніяхъ народныхъ; гармоническое соучастіе милліоновъ людей въ высокомъ дѣлѣ совершенствованія гражданственности и просвѣщенія; благоденствіе, какъ Фениксъ, возраждающееся на алтарѣ общества изъ согласія и любви къ порядку: — вотъ что поражаетъ мыслителя при разсматриваніи огромныхъ человѣческихъ соединеній. Занимательные, истинно высокіе предметы!

Но, при разсматриваніи жизни гражданственной, не менѣе любопытны тѣ трудныя эпохи испытанія, которымъ часто подвергаются Государства по неразумѣнію Правителей или по непостоянству народному. Онѣ поучительны, ибо показываютъ путь, по коему общество шло къ возстановленію порядка; и достойны

вниманія, ибо, среди раздоровъ, мятежей и междоусобій, голосъ истины и вѣрности слышнѣе, хотя не всегда доступнѣе, сердцу человѣка.

Начало XVII столѣтія было таковою тяжкою эпохою испытанія для Россіи. Двѣнадцатилѣтнія бѣдствія (съ 1600 по 1612 годъ) довели ее до края гибели. Внутреннія волненія, Правители безъ силы, самозванцы, голодъ, вторженія иноземцевъ, все соединилось и влекло ее къ безначалію, къ своеволію, къ буйству.

Дѣйствительно, если разсмотримъ Россію временъ Царя Шуйскаго, то въ ней едва можно узнать Россію Царей Василія и Іоанна Грознаго. Какое измѣненіе въ самыхъ основныхъ стихіяхъ гражданскаго быта! Было время, когда Псковъ, по вѣрности и приверженности, совершенно безпредѣльной, къ Царю Василію, посягнулъ на политическое самоубійство (1); когда Россія, орошенная кровію и оглушенная стонами жертвъ Іоанновыхъ, въ слезахъ и на колѣнахъ молила Грознаго не оставлять престола. (2) Такихъ примѣровъ народной преданности не видно при Годуновыхъ и Шуйскомъ. Напротивъ, Россія, въ теченіи двухъ лѣтъ, совершаетъ два цареубійства, избираетъ Шуйскаго, потомъ свергаетъ его съ престола и насиліемъ постригаетъ въ иноки. Отъ чего же, въ столь короткое время, послѣдовало столь разительное измѣненіе въ характерѣ народномъ? Каково оно было? Къ чему оно привело Россію? Вотъ вопросы,

требующіе точнаго разрѣшенія, по важности своей относительно отечественнаго законодательства.

Годуновъ, вступивъ на престолъ непрародительскій, чувствовалъ необходимость удержаться на ономъ мѣрами насильственными; для собственной безопасности, ему слѣдовало укрѣпиться въ любви народной. До него народъ стоналъ, тѣснимый Духовенствомъ, Боярами, торговцами. Годуновъ облегчилъ его страданія; дозволилъ кресьянамъ свободный переходъ отъ одного помѣщика къ другому; довелъ снисхожденіе до слабости и потворства, равно стараясь привязать къ себѣ всѣхъ и каждаго узами любви и признательности. Только на Бояръ наложилъ онъ свинцовую руку, думая, что между ими находятся враги его. (3) Горестная участь Бѣльскаго, Романовыхъ, Черкасскихъ, Рѣпниныхъ и многихъ другихъ знатныхъ Сановниковъ, (4) достаточно свидѣтельствуетъ, что между Боярами Борисъ опасался совмѣстниковъ и завистниковъ. Въ семъ послабленіи къ народу, оказанномъ Борисомъ по видамъ властолюбія, заключались недобрыя сѣмена народнаго своеволія, вполнѣ развившагося при самозванцахъ и Шуйскомъ.

Еще при Борисѣ Годуновѣ (въ 1604 году) возстала на западѣ туча, оросившая кровію поля Русскія: я говорю объ Отрепьевѣ. Разглашая чудесное свое избавленіе отъ смерти, онъ есте-

ственно долженъ былъ стараться дѣйствовать на народъ, какъ на массу необразованную, легковѣрную, способную къ принятію всякой новизны и неправды. Не имѣя опоры въ высшемъ сословіи, гдѣ достовѣрно была извѣстна участь несчастнаго младенца Димитрія, отважный монахъ обратился къ толпамъ черни и къ войску казаковъ, къ которымъ обыкновенно самыя важнѣйшія событія доходили только по слухамъ невѣрнымъ или были извѣстны только по преданіямъ темнымъ и необстоятельнымъ. Народъ принялъ участіе въ Самозванцѣ, и Отрепьевъ, постигая выгоды свои, по вступленіи на престолъ, продолжалъ дѣйствовать въ духѣ Бориса Годунова, для пріобрѣтенія любви народной. Унижая Бояръ въ глазахъ черни (5), онъ старался благотворить низшему классу подданныхъ, освободилъ людей, лишенныхъ свободнаго состоянія насиліемъ, и не принималъ никакихъ мѣръ къ укрощенію строптивости народной, возраставшей по мѣрѣ ослабленія Правительства.

Когда Отрепьевъ погибъ и Шуйскій вступилъ на престолъ по избранію, теченіе дѣлъ приняло совершенно противное направленіе. Возведенный въ санъ Царя не любовію народа, а происками собственной своей партіи, состоявшей изъ Бояръ, Шуйскій искалъ въ нихъ опоры, привлекалъ ихъ милостями и наградами, забывалъ величіе свое, угождая Боярамъ. При семъ случаѣ, онъ употребилъ народъ средствомъ къ

достиженію своей цѣли, пожертвовалъ имъ для своихъ доброжелателей. Не почитая любовь народную вѣрнымъ орудіемъ личнаго самоохраненія, помня недавній примѣръ Годунова и Самозванца Отрепьева, Шуйскій желалъ обуздать народъ и прикрѣпилъ крестьянъ къ землѣ, ими занимаемой. (6) Но, угнѣтая и обуздывая чернь, онъ не могъ удержать возраставшаго своеволія Бояръ и кончилъ тѣмъ, что развратилъ ихъ (въ гражданственномъ смыслѣ) точно такъ же, какъ Борисъ и Григорій развратили народъ.

Такимъ образомъ эгоизмъ Годунова, Отрепьева и Шуйскаго послужилъ причиною того быстраго и разительнаго измѣненія въ народномъ характерѣ, о коемъ сказано выше. Посмотримъ какъ сіе измѣненіе подѣйствовало въ отечествѣ нашемъ, каково было его вліяніе на Россію.

Народъ и Бояре, равно развращенные слабостію и намѣреніями временщиковъ - правителей, стремились къ двумъ противуположнымъ цѣлямъ, народъ къ безначалію, Бояре къ владычеству; первыхъ влекла корысть, послѣднихъ манило властолюбіе. Шуйскій погибъ очистительною жертвою своихъ собственныхъ поступковъ и дѣйствій своихъ предшественниковъ, какъ орудіе, обѣимъ государственнымъ стихіямъ равно противное. Съ его погибелью открылось обширное поприще для дѣятельности умовъ безпокойныхъ: мечъ, огонь, измѣна, все дѣйствовало и ни

кто не пребывалъ въ покоѣ. Заботясь только о себѣ, всѣ забывали Отечество,—и иноземецъ, какъ тать, внезапно явился въ Москвѣ. Здѣсь только опомнилось безначаліе и властолюбіе, когда иноземецъ, появленіемъ своимъ въ сердцѣ Россіи, далъ почувствовать, что Отечество въ опасности. Здѣсь всѣ виды Бояръ, всѣ расчеты народа слились въ одно стремленіе къ отпору противъ политической смерти, которая предстояла предъ ними во всей ужасной наготѣ своей. Сыны Россіи принялись за оружіе, на защиту отчизны—и кровавая, почти междоусобная война закипѣла подъ стѣнами Москвы.

Такъ подѣйствовало на Россію означенное выше измѣненіе ея характера. Война была необходима, какъ бываетъ иногда необходима гроза въ мірѣ физическомъ, для возстановленія прежняго порядка. Къ чему же привела она Россію?

Народный патріотизмъ съ патріотизмомъ аристократіи, Мининъ съ Пожарскимъ спасли Отечество и изгнали Ляховъ изъ его предѣловъ. Освободясь отъ враговъ, Россія стоятѣла безъ законнаго Царя; въ ней царствовало, по словамъ современныхъ Бояръ, *безгосударное время.* (7) Измучившійся безначаліемъ народъ, утомленные отъ безпорядковъ Бояре искали, требовали общаго покоя, обратились къ Монархіи, какъ единственному средству вѣрнаго и прочнаго благосостоянія общественнаго,—и на Михаила Рома-

нова возложили вѣнецъ Царскій, ему вручили мечь войны и вѣсы правосудія.

Великій трудъ предстоялъ Монарху. Всѣ узы общественности были разторгнуты: народъ помнилъ еще свои грабежи, Бояре не совсѣмъ еще забыли свои замыслы и сіи гражданственныя стихіи все еще волновались послѣ сильной бури. Самозванецъ и иноземцы, пребывая въ Россіи, силились уничтожить вѣру, законы, обычаи Русскіе, и хотя не успѣли низпровергнуть ихъ совершенно, однакоже значительно поколебали. Верховная власть упала до нельзя, (до minimum), презрѣніе къ власти возрасло до чрезмѣрности, (до maximum): ни одно сословіе не вѣдало начальства. Изъ смѣшенія воспоминаній съ дѣйствительностію, иноземнаго съ туземнымъ, возникло совершенное разстройство политическаго, гражданскаго и семейственнаго быта: слѣдовало возсоздать Россію.

Таковый подвигъ предстоялъ новоизбранному Монарху, подвигъ трудный и тяжелый! Слѣдовало каждому гражданину начертать обязанности, дать права, означить возможный кругъ дѣятельности, словомъ: необходимо было дать законы.

Сія потребность вѣка совершенно изъясняетъ появленіе Уложенія въ данную эпоху, а не прежде или послѣ. Царь Михаилъ Ѳеодоровичъ не успѣлъ удовлетворить сей потребности, но мудрый сынъ его, вполнѣ постигая всю

ея важность, предпринялъ изданіе законовъ и въ 1649 году обнародовалъ *Уложеніе,* до сихъ поръ служащее основаніемъ нашему отечественному праву.

Будучи замѣчательнѣйшимъ памятникомъ Россійскаго законодательства, Уложеніе особенно важно потому, что оно есть источникъ, изъ коего проистекло настоящее наше право. Съ перваго взгляда на сіе безсмертное, для Русскихъ, произведеніе XVII вѣка, оно представляется почти чудовищемъ, кровожаднымъ и до невѣроятности свирѣпымъ. Въ немъ всѣ казни, самыя грозныя, самыя мучительныя, собраны строгимъ воображеніемъ и систематически расположены холоднымъ умомъ законовѣдца. Филантропъ изумляется, читая Уложеніе и едва вѣритъ, что когда-то сіи казни существовали дѣйствительно, были точно исполняемы, и спрашиваетъ въ недоумѣніи: неужели сіе Уложеніе издано Царемъ, который предъ лицемъ Вселенскихъ Патріарховъ всенародно сказалъ, что онъ *рожденъ и воспитанъ въ благочестіи?*

Но, при внимательномъ изученіи Уложенія, открывается, что оно не есть плодъ личной мести или злобы. Оно свирѣпо и кровожадно единственно потому, что оно есть выраженіе вѣка, въ которомъ слабость законной власти и необузданная дерзость развращенной воли породили духъ совершеннаго безначалія и худопонятой вольности. Прейдя всѣ возможныя степени

злодѣйства и буйства, развращенная воля могла быть обуздана только мукою; порокъ не страшился угрызеній стыда или наказаній исправительныхъ; его страшили единственно страданія тѣлесныя. Законодатель покорился по необходимости сему требованію своего вѣка. Безъ сего согласія съ духомъ времени, великій трудъ Уложенія былъ бы неполнымъ, безполезнымъ и ничтожнымъ, онъ не произвелъ бы дѣйствія и остался бы безъ послѣдствій, какъ малый пріемъ лекарства въ сильной болѣзни.

Кромѣ потребности вѣка, были еще другія столь же важныя причины, условившія жестокость Уложенія. Наказанія нравственныя не могли оказывать благодатнаго дѣйствія на народъ, столь мало развившійся въ нравственномъ отношеніи и столь развращенный, какъ Русскіе въ XVII столѣтіи. Наказанія исправительныя не могли имѣть мѣста, ибо обратились въ привычную необходимость, которая въ то время всегда сопровождала низшія сословія. Наказанія денежныя равно не были достойны выбора, ибо съ одной стороны оставались нечувствительными для Бояръ, какъ для людей, владѣвшихъ богатыми сокровищами, а съ другой не были удобоисполнимы съ народомъ, какъ съ сословіемъ чрезвычайно бѣднымъ. И потому ни Бояре, по своему богатству, ни народъ, по своей бѣдности, не могли чувствовать наказанія отъ денежнаго взысканія, которое, въ первомъ случаѣ

было бы всегда слабымъ, а въ послѣднемъ, только воображаемымъ. Слѣдовательно изъ всѣхъ родовъ наказаній, Законодатель могъ рѣшиться только на одни *карательныя* (или казни), желая успѣха въ трудѣ своемъ и возстановленія общаго порядка въ Государствѣ.

Съ сей точки зрѣнія должно смотрѣть на Уложеніе, дабы вполнѣ уразумѣть его сущность и достоинство; нельзя разбирать его абсолютно, ибо оно не есть плодъ теоріи, но слѣдуетъ разсматривать его какъ слѣдствіе извѣстной потребности вѣка. Тогда только совершенно убѣдиться можно, что Уложеніе должно было быть точно такимъ, какимъ издано, и что оно не могло имѣть другаго духа и другой формы.

На семъ основаніи мы разберемъ Уложеніе, какъ источникъ отечественныхъ законовъ, не совершенно изсякшій въ теченіи почти двухъ столѣтій; укажемъ на способъ его составленія, на его источники, на его значеніе, идею, расположеніе, содержаніе и на послѣдствія, отъ него проистекшія. Уложеніе есть богатый рудникъ, досёлѣ не разработанный и оцѣненный только Императрицею Екатериною, Которой дальновидный взоръ съ особенною смѣтливостію умѣлъ отличать все превосходное въ твореніяхъ Законодательства. (8)

ГЛАВА ВТОРАЯ.

О составленіи и утвержденіи Уложенія.

Видя общее растройство Государства, безсиліе законовъ и упадокъ власти, Царь Алексѣй Михайловичъ искалъ средствъ къ возстановленію порядка. Въ три года правленія Россіею, онъ убѣдился, что возстановленіе порядка въ Государствѣ можетъ послѣдовать только отъ возстановленія силы закона. Для сего въ концѣ 1648 года (Іюня 16-го) (9) Царь *совѣтовался* съ Патріархомъ Іосифомъ, съ Митрополитами, Архіепископами, Епископами и прочимъ священнымъ Духовенствомъ, и *говорилъ* съ Боярами, Окольничими и Думными людьми. Въ семъ совѣтѣ положено было (а) что нѣкоторыя статьи, содержащіяся въ правилахъ Святыхъ Отцевъ и Апостоловъ и въ градскихъ законахъ Греческихъ Царей, *пристойны* къ Государственнымъ и земскимъ дѣламъ (10) а потому приказано было ихъ выписать; (б) Собрать прежнихъ Россійскихъ Князей и Царей Указы и Боярскіе приговоры на *всякія* Государственныя и земскія дѣла, и *справить* (11) ихъ съ старыми судебниками. (в) Означить статьи, на которыя въ прежнихъ годахъ не положено Государевыхъ Указовъ и небыло Боярскихъ приговоровъ, и изложить ихъ по Государеву указу общимъ совѣтомъ. (12)

Такимъ образомъ воля Царя и совѣтъ Цар-

скихъ Сановниковъ состояли въ томъ, чтобы *собрать* прежнія постановленія, выписать нѣкоторыя правила изъ Святыхъ Отцевъ и Апостоловъ и изъ законовъ Греческихъ Царей и *разрѣшить* неразрѣшенные случаи прежнихъ годовъ; потомъ справить (13) все сіе вмѣстѣ и изъ *справленнаго* составить книгу законовъ.

Изъ сего видно, что Царь Алексѣй Михайловичъ не предпринималъ сочиненія новыхъ законовъ. Признавая существовавшее законодательство достаточнымъ, онъ желалъ только исправить его и, соединяя во едино, дать ему болѣе силы и прочности. Впрочемъ безразсудно было бы приниматься за сочиненіе новыхъ законовъ при богатой сокровищницѣ отечественнаго законодательства. (14) Нужды вѣка требовали не введенія новизны, но возобновленія прежняго, забытаго среди мятежей и междоусобій непрерывныхъ. Сочиненіемъ новаго Уложенія Царь не достигъ бы своей цѣли, ибо Русскій смотритъ на наслѣдіе предковъ, какъ на святыню, обычай прародителей также ему драгоцѣненъ, какъ родительская хижина, какъ отечество. Намъ извѣстно, какими трудами Петръ Великій произвелъ въ нашемъ Отечествѣ преобразованія, выходившія изъ круга обычаевъ русской старины! Уничтоженіе прежнихъ законовъ и введеніе новыхъ послужило бы только къ ослабленію закона, скрѣпивъ общество новыми, малоизвѣстными узами. Къ новымъ законамъ слѣдовало бы привыкать, между тѣмъ какъ старые

были почти врожденнымъ чуствомъ, ибо подданные Царя Алексѣя Михайловича съ ними родились и съ ними росли. Слѣдуя внушеніямъ благоразумія и правиламъ осторожности, Царь и Совѣтъ Царскій, какъ сказано выше, рѣшились на составленіе собранія законовъ, исправленнаго и пополненнаго; для исправленія положили справить всѣ прежнія постановленія; для полноты - заимствоваться изъ правилъ Святыхъ Отцевъ и Апостоловъ и изъ законовъ Греческихъ Царей. Легко уразумѣть причину, почему для пополненія отечественнаго законодательства, повелѣно было обратиться къ правиламъ Св. Отцевъ и Апостоловъ. Исполненные вѣры и почтенія ко всему священному, Царь, Духовенство и Бояре искали разрѣшенія своихъ недоумѣній въ писаніяхъ мужей, свыше вдохновенныхъ. Считая разумъ человѣческій весьма ограниченнымъ, а мудрость Святыхъ Отцевъ безпредѣльною, они естественно должны были обратиться къ Священному писанію, какъ источнику непреложныхъ истинъ, изобрѣтенныхъ не человѣкомъ, но довѣренныхъ человѣчеству отъ Бога чрезъ откровеніе. (15)

Что же касается до законовъ Греческихъ Царей, то къ нимъ обратились составители Уложенія единственно потому, что со временъ Царя Василія Ивановича, Греки имѣли большое вліяніе на просвѣщеніе и образованность Россіи. (16) Кромѣ сего, градскіе законы Греческихъ Царей были соединены съ правилами Святыхъ

Отцевъ и составляли какъ бы одно тѣло, на разложеніе котораго составители Уложенія не рѣшились. (17) Если сообразить положеніе отечественнаго Законодательства съ состояніемъ Греческихъ законовъ (въ Россіи тогда извѣстныхъ), то легко убѣдиться, что польза отъ сего пополненія изъ Греческихъ *градскихъ* узаконеній не могла быть при составленіи Уложенія важною; а потому слѣдуетъ думать, что Царь и Совѣтъ Царскій обратились къ нимъ только потому, что они, вмѣстѣ съ правилами Святыхъ Отцевъ, въ Россіи уже были извѣстны и, можетъ быть, вкоренились въ народѣ, какъ часть закона, заключавшаго въ правилахъ Святыхъ Отцевъ и Апостоловъ, народомъ особенно уважаемыхъ.

Означивъ средства и порядокъ къ составленію Уложенія, Царь поручилъ исполненіе сего дѣла Боярамъ Князю Никитѣ Ивановичу Одоевскому и Князю Семену Васильевичу Прозоровскому, Окольничему Князю Ѳедору Ѳедоровичу Волконскому, Дьякамъ Гаврилѣ Леонтьеву и Ѳедору Грибоѣдову. (18)

Выборъ Царскій палъ на людей достойныхъ и къ дѣлу способныхъ, и могло ли быть иначе, когда выборъ зависѣлъ отъ Монарха мудраго и прозорливаго, постигавшаго всю важность великаго, предпринимаемаго имъ дѣла? Князь Никита Ивановичъ Одоевскій славился между Боярами и въ совѣтахъ. Иностранецъ, современно

писавшій о Россіи и оставившій описанія характеровъ знатнѣйшихъ Бояръ временъ Царя Алексѣя Михайловича, описанія строгія, болѣе клонящіяся къ хулѣ, чѣмъ къ лести, говоритъ, что современники удивлялись уму Одоевскаго. (19) Сему-то отличному мужу ввѣрено было составленіе Уложенія; Князь Прозоровскій, Волконскій и Дьяки находились при немъ въ качествѣ товарищей. (20)

Начавъ собираніе и изложеніе матеріаловъ въ Іюнѣ мѣсяцѣ 1648 года, составители Уложенія привели трудъ свой къ окончанію съ небольшимъ въ три мѣсяца, быстрота едва вѣроятная, если вспомнимъ, что въ послѣдующія времена составленіе новаго Уложенія нѣсколько разъ было предпринимаемо съ большими средствами, производимо по нѣсколько лѣтъ сряду и всегда кончалось тѣмъ, что трудъ прекращался отъ видимой невозможности привести его къ окончанію. Петръ Великій, совершившій столь много трудныхъ предпріятій, возымѣлъ мысль объ исправленіи законовъ, но скончался, не увидѣвъ плода отъ всѣхъ своихъ усилій, стараній и мѣръ строгости. Начавъ дѣло съ 1700 года, Петръ Великій, приказалъ съ 1720 года начать слушаніе новосоставлявшагося Уложенія, подъ опасеніемъ, въ противномъ случаѣ, жесточайшаго взысканія. Не смотря на то, что всѣмъ извѣстна была строгость и твердость Петра, Уложеніе нетолько не слушано въ 1720 году,

но даже едва начато. Послѣ многихъ подтвердительныхъ Указовъ, исполненіе предпріятія шло весьма медленнымъ шагомъ и наконецъ остановилось безъ всякаго успѣха, и такимъ образомъ въ теченіи двадцати лѣтъ Великій Геній Россіи ничего не сдѣлалъ для Уложенія. (21) Таковый же успѣхъ имѣла Императрица Елисавета. Въ 1754 году, по внушенію Шувалова, она предприняла сочиненіе ясныхъ Законовъ, согласныхъ съ духомъ времени. (22) Она начертала планъ, показала путь къ достиженію предполагаемой цѣли; учредила для сего Коммиссію, коей Члены, работая около десяти лѣтъ, разобрали только нѣкоторые Указы по матеріямъ и разъѣхались, не сдѣлавъ ничего цѣлаго. (23) Обогащенная опытами Петра и Елисаветы, Императрица Екатерина съ основательностію обдуманною и съ торжественностію принялась за сочиненіе Уложенія. Опредѣливъ Манифестомъ 1766 года (24) цѣль свою и порядокъ ея исполненія, она созвала Депутатовъ, издала *Наказъ*, который навсегда останется величайшимъ памятникомъ и лучшимъ свидѣтелемъ Ея доброй воли и искренняго стремленія къ совершенствованію отечественнаго законодательства. Устройство уложенной Коммиссіи, выборъ ея Членовъ, изданіе Наказа, все ручалось за успѣхъ; однакоже изъ всѣхъ ея усилій намъ не осталось ничего, кромѣ Наказа. Императоръ Павелъ, находя устройство Коммиссіи не соотвѣтствую-

щимъ цѣли, поручилъ ее Генералъ-Прокурору, что однакоже не имѣло вліянія на ея улучшеніе. (25) Императоръ Александръ, поручивъ ее Графу Заводовскому, казалось, могъ ожидать успѣшнаго окончанія ея дѣйствій. Но, не смотря на безпрерывныя переобразованія Коммиссіи, на значительныя для нея издержки, существованіе ея кончилось тѣмъ, что ея труды (осмѣливаемся выразиться словами Государя Императора Николая Павловича) не достигли своей цѣли. (26)

Таковы были усилія всѣхъ наслѣдниковъ Царя Алексѣя Михайловича къ составленію Уложенія, усилія погибшія безъ успѣха! Вѣковые труды не привели ни къ чему положительному. Но, при воззрѣніи на нихъ, родится вопросъ: почему же Уложеніе Царя Алексѣя Михайловича составлено въ три мѣсяца?

Разсмотрѣвъ условія, при коихъ составлялись Уложенія Царя Алексѣя Михайловича и Его Вѣценосныхъ Наслѣдниковъ, можно отвѣчать на вопросъ сей довольно удовлетворительно. Вѣкъ Петра Великаго не требовалъ новаго Уложенія, ибо народъ Русскій могъ управляться прежнимъ Уложеніемъ; измѣненія въ народномъ духѣ не послѣдовало во время введенія иноземныхъ обычаевъ, ибо они только еще прививались, а не успѣли вкорениться. Тоже можно сказать и объ Императрицѣ Елисаветѣ. Предпріятіе Екатерины Великой не могло

исполниться, ибо не могло быть вполнѣ понято подданными. Просвѣщеніе и образованіе Екатерины находило представителей только въ самомъ высшемъ кругѣ Вельможъ. Работы Коммиссіи Составленія Законовъ были слишкомъ отвлеченны и не сообразовались съ потребностями вѣка. Но Уложеніе 1649 года предпринято, какъ необходимость, требуемая самымъ положеніемъ государства; Уложеніе должно было появиться въ эпоху возстановленія Россіи; оно было слѣдствіемъ нужды народной. Такова власть потребности вѣка, что трудъ, совершенный въ три мѣсяца, въ послѣдствіи не могъ быть совершенъ въ теченіи цѣлаго столѣтія. Она кажется еще сильнѣйшею, когда сравнимъ средства Царя Алексѣя Михайловича съ средствами Петра, Елисаветы и Екатерины!

Окончивъ трудъ свой, Князь Одоевскій съ товарищами поднесъ новосоставленное Уложеніе Царю. Царь по совѣту Патріарха и Бояръ, приказалъ выбрать представителей для *своего Государева и земскаго великаго царственнаго дѣла*. Мѣра сія была необходима, ибо какъ Уложеніе было дѣломъ общимъ, то оно не могло быть ввѣрено разсмотрѣнію одного какого либо сословія. Царь желалъ утвердить Уложеніе вмѣстѣ съ выборными, привести его въ дѣйствіе, дабы оно впредь было нерушимо. (27)

Если бы оно не подверглось слушанію выборныхъ, то въ послѣдствіи приверженцы безпоряд-

ковъ и безпокойства могли бы жаловаться на стѣсненія или непомѣрную строгость. Но при утвержденіи его выборными, не оставалось никакого сомнѣнія, что оно удовлетворяло желаніямъ и требованіямъ всѣхъ сословій.

Выборъ былъ распредѣленъ такъ, что изъ Стольниковъ, Стряпчихъ, Дворянъ Московскихъ и жильцевъ выбрано было по два человѣка, изъ большихъ городовъ, кромѣ Новгорода (28), изъ Дворянъ и дѣтей Боярскихъ взято по два человѣка; изъ Новгорода съ пятины по человѣку; изъ меньшихъ городовъ по одному выборному; изъ гостей—три человѣка, изъ гостиной и суконной сотенъ (29) по два человѣка; а изъ черныхъ сотенъ, изъ слободъ и изъ городовъ съ посадовъ (30) по одному человѣку. Качества выборныхъ ограничивались двумя: добротою и смышленостію.

Въ началѣ 1649 года (съ 3 Октября) началось чтеніе Уложенія, при Царѣ, Патріархѣ, Митрополитахъ, Архіепископахъ, Епископахъ, Боярахъ, Окольничихъ и Думныхъ людяхъ. За симъ оно читано въ Отвѣтной Палатѣ, при Бояринѣ Князѣ Юрьѣ Алексѣевичѣ Долгорукомъ, всѣмъ выборнымъ, дабы Уложеніе *впредь было прочно и неподвижно*. По выслушаніи, Уложеніе было списано на списокъ, *закрѣпленный* всѣми слушавшими. (31) Съ сего списка оно было списано въ книгу, закрѣпленную Дьяками Леонтьевымъ и Грибоѣдовымъ. Съ сей письмен-

*

ной книги печатано Уложеніе для разсылки по городамъ, дабы *всякія дѣла дѣлать по тому Уложенію.*

Уложеніе предпринято въ 7156 (1648) году Іюня 16; составлено въ 7157, 3 Октября; совершено въ 7157 (1649) Генваря въ 29 день. Вѣрнѣйшее печатное Уложеніе содержится въ Полномъ Собраніи Законовъ, изданномъ Собственною Канцеляріею Государя Императора (32). На семъ-то экземплярѣ, какъ неподлежащемъ никакому сомнѣнію, должно основать изслѣдованіе текста Уложенія.

ГЛАВА ТРЕТІЯ.

Объ Источникахъ Уложенія.

Опредѣленные къ составленію Уложенія, Князь Одоевскій и товарищи его, дѣйствовали не по собственной волѣ, но по предписаніямъ Царя, которыя заключались, какъ сказано выше, въ томъ, чтобы источниками Уложенія служили:

1. Правила Святыхъ Отцевъ и Апостоловъ.

2. Градскіе законы Греческихъ Царей.

3. Прежніе Судебники, Указы Государей и Боярскіе приговоры.

4. Статьи, еще нерѣшенныя ни прежними Судебниками, ни Царскими Указами, ни Боярскими приговорами. Къ симъ источникамъ, волею

Царя назначеннымъ, составители Уложенія присоединили, вѣроятно съ дозволенія Царя, 5 Литовскій Статутъ.

Разберемъ каждый изъ сихъ пяти источниковъ Уложенія въ частности, дабы яснѣе видѣть какіе элементы вошли въ составъ Уложенія, а потомъ разсмотримъ ихъ вообще, дабы уразумѣть, какимъ образомъ сіи элементы соединились въ одно цѣлое и такъ въ немъ уравновѣсились, что не смотря на ихъ разнородность, они превратились изъ многоразличія въ единство. (33)

1. Правила Святыхъ Отцевъ и Апостоловъ.

Первоначальныя Греческія Правила Святыхъ Отцевъ и Апостоловъ составились не вдругъ, а повременно на Вселенскихъ и Помѣстныхъ Соборахъ. Предметъ нашъ не требуетъ изложенія постепеннаго ихъ хода: намъ должно только объяснить переходъ ихъ въ Россію. (34)

Императоръ Юстиніанъ, издавая въ VI вѣкѣ новое Уложеніе (Codex repetitae praelectionis), помѣстилъ въ первой книгѣ сего Уложенія Правила Святыхъ Отцевъ, кои вошли также въ составъ изданныхъ имъ Новеллъ. Патріархъ Іоаннъ составилъ сводъ изъ сихъ правилъ, помѣщенныхъ въ Уложеніи и Новеллахъ Императора Юстиніана и сіи церковныя постановленія, сведенныя имъ во едино, вошли въ составъ нашей Кормчей книги. (35) Еще въ XIII вѣкѣ труды Патріарха Іоан-

на переведены на Славянскій языкъ. (36) Недовольствуясь своими трудами, Патріархъ Іоаннъ присоединилъ къ церковнымъ правиламъ и гражданскіе законы, и такимъ образомъ составилъ Номоканонъ, то есть гражданско-церковный Уставъ. (37)

По окончаніи шестаго Вселенскаго Собора, Патріархъ Фотій, составилъ полнѣйшее собраніе Правилъ Святыхъ Отецъ и занялся окончательнымъ пересмотромъ Номоканона. (38)

Греческій Номоканонъ извѣстенъ въ Россіи съ X вѣка. (39) Славянскіе же переводы не восходятъ далѣе XIII вѣка. (40)

При переводѣ Номоканона на Славянскій языкъ, дано ему названіе Кормчей книги, потому что Православную церковь обыкновенно сравнивали съ кораблемъ.

Изъ всѣхъ различныхъ списковъ перевода Номоканона, при печатаніи Кормчей, Патріархами Іосифомъ и Никономъ выбранъ Рязанскій списокъ по сокращенному тексту Аристина. (41)

И такъ правила Святыхъ Отцевъ и Апостоловъ, предназначенныя въ составъ Уложенія Царя Алексѣя Михайловича, были не что иное, какъ церковныя постановленія Вселенскихъ и Помѣстныхъ Соборовъ, доселѣ сохранившіяся въ Кормчей книгѣ. Они могутъ быть почтены источникомъ отечественнымъ, ибо, съ X вѣка вкоренясь въ Рускихъ, они принимались закономъ въ дѣлахъ церковныхъ, и при Царѣ Алексѣѣ

Михайловичѣ никому не казались и не могли казаться новизною.

2. Градскіе Законы Греческихъ Царей.

Греческій Императоръ Левъ VI, прозванный Мудрымъ, около 888 года послѣ Рождества Христова, приказалъ ученому Савватію Протоспатарію перевести Кодексъ Юстиніана и Новеллы, собралъ узаконенія Греческихъ Царей и издалъ собраніе законовъ подъ заглавіемъ Базиликона. (42)

Въ Россію они перешли вмѣстѣ съ Номоканономъ (Кормчею книгою) (43). Уже при Великомъ Князѣ Владимірѣ градскіе законы введены были въ тогдашнюю законодательную систему, хотя не съ совершеннымъ успѣхомъ. (44)

Съ сего времени извлеченіе изъ Базиликона постоянно сохранилось при Кормчей и состояло въ тѣсной связи съ Правилами Святыхъ Отцевъ, составлявшими собственно такъ называемый Номоканонъ.

Изъ сего видно, что участь Базиликона въ Россіи есть та же самая, какъ и участь Правилъ Вселенскихъ и Помѣстныхъ Соборовъ. Постоянно дѣйствуя въ Россіи, градскіе законы Греческихъ Царей, въ Кормчей помѣщенные, превратились наконецъ въ законы почти Русскіе, по праву давности. А потому мы по справедливости можемъ сказать, что они, для составителей Уложенія, должны были казаться источ-

никомъ отечественнымъ, ибо были извѣстны въ Россіи съ столь давняго времени. (45)

И такъ вторый элементъ, Царемъ Алексѣемъ Михайловичемъ въ составъ Уложенія предназначенный, есть не что иное какъ извлеченіе изъ Кодекса Юстиніанова, изъ его Новеллъ и изъ постановленій Греческихъ Императоровъ, вполнѣ собранныхъ и изданныхъ подъ названіемъ Базиликона, (Basilicon libri.) (46) Ниже будетъ означено, что именно составители Уложенія выбрали изъ Правилъ Святыхъ Отцевъ и изъ градскихъ законовъ Греческихъ Царей, и какимъ образомъ статьи сихъ источниковъ вошли въ Уложеніе.

3. Прежніе судебники, Указы Государей и Боярскіе приговоры.

Прежніе судебники, Указы Государей и Боярскіе приговоры вошли въ составъ Уложенія не по времени своего изданія, но по выбору составителей Уложенія.

Говоря, что сіи прежнія узаконенія Русскія вошли въ составъ Уложенія не по времени своего изданія, я разумѣю то, что составители обращали вниманіе не на моментъ появленія сихъ узаконеній, но только на пользу ихъ существованія. Такимъ образомъ нѣкоторые древнія постановленія, уже измѣненныя или уничтоженныя, возстановлены и снова вызваны къ жизни волею составителей Уложенія единственно по-

тому, что возстановленіе ихъ почиталось нужнымъ по духу времени или по состоянію обстоятельствъ. Отсюда слѣдуетъ, что составленіе Уложенія небыло просто компиляціею, но разсудительнымъ разборомъ матеріаловъ, предложенныхъ отечественнымъ законодательствомъ составителямъ Уложенія.

Въ мнѣніи моемъ, что прежнія Русскія узаконенія вошли въ составъ Уложенія не по времени своего изданія, но по выбору составителей Уложенія, легко убѣдиться можно, взглянувъ на самый текстъ Уложенія. Многія статьи взяты изъ Указовъ 67 (1559), 69 (1561), 95 (1587) годовъ, не восходящихъ однакоже за изданіе Судебника Царя Іоанна Васильевича. (47) При выборѣ узаконеній, составители Уложенія вѣроятно руководствовались собственнымъ разсудкомъ и волею, не утруждая Царя подробностями; впрочемъ нельзя сказать ничего положительнаго о семъ предметѣ, ибо намъ не осталось никакихъ бумагъ о производствѣ составленія Уложенія. (48)

4. Статьи, нерѣшенныя прежними Судебниками, Указами Государей и Боярскими приговорами.

Статьи, нерѣшенныя прежними Судебниками, Указами Государей и Боярскими приговорами, не могли быть непосредственнымъ источникомъ

для Уложенія: онѣ могли быть только указателями недостатковъ отечественнаго законодательства. Сіе опытное пособіе къ составленію Уложенія, разумѣется весьма облегчало трудъ Одоевскаго съ товарищами, ибо раскрывало предметъ во многихъ отношеніяхъ, представляя составителямъ Уложенія случаи, кои не встрѣтились въ соображеніяхъ прежняго Русскаго законодательства.

Царь Алексѣй Михайловичъ, указавъ составителямъ Уложенія на сіи статьи, какъ на источникъ, весьма для нихъ важный, повелѣлъ разрѣшить ихъ, руководствуясь духомъ прежнихъ отечественныхъ узаконеній. (49) Въ семъ разрѣшеніи сихъ статей равно участвовали всѣ составители Уложенія, ибо повелѣно было изложить ихъ *общимъ совѣтомъ* (50). Потомъ, когда весь проэктъ Уложенія подвергся разсмотрѣнію Царя, Духовенства, Бояръ и Выборныхъ, тогда и разрѣшеніе сихъ статей было разсмотрѣно, какъ часть цѣлаго. По подлиннику проэкта видно, что всѣ онѣ были утверждены безъ перемѣны, ибо въ немъ нѣтъ ни поправокъ ни изключеній. (51)

5. Литовскій Статутъ.

При разсматриваніи Литовскаго Статута, какъ источника нашего Уложенія, представляется съ перваго на него взгляда вопросъ: почему и кѣмъ принятъ Литовскій Статутъ

источникомъ Уложенія, когда воля Царя сего не требовала?

Отвѣтъ на сей вопросъ можетъ быть только догадочный, по той причинѣ, что, какъ уже сказано, намъ не осталось никакихъ бумагъ и актовъ отъ производства дѣлъ по составленію Уложенія.

Литовскій Статутъ, нынѣ еще въ Малороссіи дѣйствующій, составленъ въ Москвѣ Львомъ Сапегою, Канцлеромъ Сигизмунда III, въ концѣ XVI столѣтія. (52) Нѣтъ сомнѣнія, что онъ первоначально писанъ по Русски, и до сихъ поръ весьма хорошо сохранились нѣкоторые экземпляры сего Статута, въ первый разъ изданнаго по Русски. (53)

Сіе обстоятельство показываетъ довольно ясно, что Литовскій Статутъ происхожденія Русскаго, а внимательное и прилѣжное его разсмотрѣніе ведетъ къ большому развитію мысли о семъ сродствѣ Русскаго законодательства съ Литовскимъ Статутомъ.

Вѣроятно, что составители Уложенія, найдя нѣкоторыя постановленія Литовскаго Статута занятыми изъ Русскаго быта и согласными съ духомъ Русскаго Законодательства, заимствовались ими, какъ матеріалами своего труда, уже готовыми по формѣ. Вотъ почему, безъ указанія Царскаго, Литовскій Статутъ послужилъ источникомъ Уложенія нашего. Но кто же могъ быть причиною сего пополненія воли

Царской касательно источниковъ Уложенія? Постараемся разрѣшить вопросъ сей.

Польскій описатель Бояръ Царя Алексѣя Михайловича, изъ коего заимствовано выше описаніе характера Князя Одоевскаго, (54) говоритъ, что Польскіе Послы, ведя переговоры въ Москвѣ, обыкновенно относились къ Одоевскому, почитая его самымъ образованнѣйшимъ и самымъ дѣльнымъ совѣтникомъ Царя. Если допустить сіе свидѣтельство, то вѣроятно, что Одоевскій могъ знать Сапегу въ молодости своей и, какъ мужъ образованный и свѣдущій, по словамъ сего же Польскаго писателя, въ Польской Исторіи, непремѣнно долженъ былъ имѣть точное понятіе и свѣденіе о Литовскомъ Статутѣ. Имѣя главное начальство надъ прочими составителями Уложенія и будучи въ состояніи справедливо оцѣнить Статутъ, Одоевскій пользовался имъ, для избѣжанія излишнихъ трудовъ, состоявшихъ въ томъ что необходимо было обратить обычаи Русскіе въ законы, излишнихъ потому, что въ Литовскомъ Статутѣ онъ могъ видѣть сіи труды совершенными.

Вотъ моя догадка о Литовскомъ Статутѣ, какъ источникѣ Уложенія. Одинъ отечественный ученый говоритъ, что статьи Литовскаго Статута помѣщены въ Уложеніи потому что въ то время возвращены нѣкоторыя Литовскія провинціи и что всѣ заимствованныя изъ Литовскаго Статута статьи взяты Сапегою

изъ Русскихъ обыкновеній. (55) Гипотеза сія разрушается тѣмъ, что при утвержденіи Уложенія не было Литовскихъ Депутатовъ, да и во всемъ Уложеніи нѣтъ ни слова о Литовскихъ провинціяхъ. Доказать же, что всѣ статьи Уложенія, изъ Литовскаго Статута взятыя, заимствованы изъ Русскихъ обычаевъ—не возможно, а опровергнуть легко, указавъ на измѣненія, произведенныя въ формѣ и духѣ заимствованныхъ статей. (56)

Изъ сказаннаго выше можно заключить, что Одоевскій заимствовался изъ Литовскаго Статута единственно потому, что Литовскій Статутъ писанъ въ Россіи, по Русски и сочиненъ въ духѣ Русскаго законодательства.

Вотъ всѣ источники Уложенія Царя Алексѣя Михайловича; ихъ почти можно назвать отечественными, ибо переходя въ Россію изъ Греціи и Литвы, они слились въ одну форму, оживленную Русскимъ духомъ.

Составители Уложенія пользовались сими источниками не въ одинаковой степени. Всего менѣе заимствовали они изъ Правилъ Святыхъ Отцевъ: изъ нихъ взято только двѣ статьи. (57) Изъ градскихъ законовъ взято 24 статьи, наиболѣе по уголовному Праву (58); изъ Литовскаго Статута выбрано 56 параграфовъ, касающихъ по большей части до судопроизводства и преступленій противъ собственности; изъ прежнихъ Судебниковъ, Указовъ Государей и

Боярскихъ приговоровъ выбрано 77 статей, содержащихъ гражданское и уголовное право и нѣкоторые обряды судопроизводства, но наиболѣе касающихся до гражданскаго права. (59) Прочія же статьи Уложенія, коихъ источники на подлинномъ проэктѣ Уложенія не отмѣчены, я почитаю разрѣшеніями статей нерѣшенныхъ, о коихъ я говорилъ выше въ статьѣ 4 сей главы.

Вообще объ образѣ пользованія сими источниками можно сказать, что составители Уложенія заимствовали только содержаніе (духъ), а не самое изложеніе (форму) статей изъ источниковъ. Они иногда сокращали заимствованныя статьи (60), часто распространяли истолкованіями и дополненіями подробностей (61) и весьма рѣдко списывали статьи съ источниковъ безъ перемѣны. (62)

Обозрѣвъ такимъ образомъ источники Уложенія, мы имѣемъ полное право назвать Уложеніе произведеніемъ не заимствованнымъ, но отечественнымъ и Русскимъ, ибо изъ 967 статей Уложенія только 82 заимствованы изъ источниковъ чужеземныхъ, впрочемъ или принявшихъ форму отечественную, какъ правила Базиликона, или занявшихъ отечественный духъ, какъ постановленія Литовскаго Статута. Во всякомъ случаѣ сіи заимствованныя статьи Уложенія такъ согласованы съ прочими статьями, извлеченными изъ источниковъ отечественныхъ, что самый зоркій умъ не вдругъ отличитъ за-

ятое чужеземное отъ помѣщеннаго въ Уложеніи отечественнаго. (63)

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ.

О значеніи Уложенія.

Образъ составленія Уложенія достаточно показываетъ, что оно не есть твореніе, которому бы, по понятіямъ современнымъ, можно было присвоить названіе Уложенія (Codex, Code.)

Нынѣ въ просвѣщенной Европѣ подъ Уложеніемъ (Codex, Code) разумѣютъ такую книгу законовъ, которой основныя начала извлечены изъ умозрѣнія, а составныя части расположены по системѣ, предписанной такъ же умозрѣніемъ и которая, по симъ причинамъ, отличается архитектоническимъ единствомъ отъ всѣхъ другихъ собраній законовъ. (64)

Уложеніе Царя Алексѣя Михайловича не удовлетворяетъ симъ условіямъ. Будучи заимствовано изъ Номоканона, Литовскаго Статута и прежнихъ Россійскихъ законовъ, оно не носитъ въ себѣ никакихъ началъ умозрительныхъ Статьи, вошедшія въ составъ Уложенія, разсматривались только въ отношеніи къ состоянію вѣка, къ временнымъ потребностямъ и къ преходящимъ обстоятельствамъ политическимъ и гражданскимъ. Онѣ не были покорены никакой

теоріи. Даже статьи, вновь разрѣшенныя и внесенныя въ Уложеніе, не были разрѣшены умозрительно (a priori), но только опытно (a posteriori), ибо предписано было разрѣшить ихъ попрежнимъ Судебникамъ, Указамъ Государевымъ и Боярскимъ приговорамъ. Расположеніе Уложенія, какъ увидимъ ниже, равномѣрно не представляетъ никакаго теоретическаго единства; порядокъ предметовъ не соблюденъ, ибо разнородные соединены, а однородные разбиты по разнымъ главамъ безъ всякой связи. Такимъ образомъ ни основа, ни расположеніе, ни даже образъ составленія, (чисто опытный), не даютъ Уложенію Царя Алексѣя Михайловича права на названіе Уложенія (Codex, Code) въ смыслѣ современномъ.

Но будучи выборомъ статей, *пристойныхъ къ Государственнымъ и земскимъ дѣламъ,* (65) изъ законодательства отечественнаго, Греческаго и Литовскаго, Уложеніе по справедливости есть не что иное какъ *сводъ.*

Объяснимъ значеніе слова сего. Хотя оно есть техническое выраженіе въ Законоискусствѣ нашемъ, однакоже требуетъ объясненія для точности понятій о разсматриваемомъ нами предметѣ.

Слово: *сводъ* въ законахъ нашихъ въ первый разъ употреблено Императоромъ Александромъ I-мъ (66), но идея свода существовала гораздо прежде и весьма ясно выражена Петромъ. Видя многія противорѣчія въ Указахъ, издан-

ныхъ по одному и тому же случаю въ разныя времена, Петръ Великій (въ 1714 году) приказывалъ выписать всѣ различныя и противорѣчащія статьи, существующія на одинъ предметъ и внесть въ Сенатъ. Сенатъ долженъ былъ разсмотрѣть ихъ, разобрать противорѣчія *и на всякое дѣло выбрать по одному Указу, согласно съ истиною.* (67)

Очевидно, что такимъ же образомъ Одоевскій и товарищи его поступали при составленіи Уложенія: они *сводили* разныя статьи правилъ Святыхъ Отцевъ, градскихъ законовъ Греческихъ Царей, Литовскаго Статута и прежнихъ Россійскихъ узаконеній, выбирая то, что имъ казалось *пристойнымъ къ Государственнымъ и земскимъ дѣламъ.*

Таковый образъ составленія Уложенія былъ опредѣленъ волею Царя, и посему Уложеніе, уже по волѣ Царя, должно было быть сводомъ.

Кромѣ сего Уложеніе должно было быть сводомъ и потому, что потребность вѣка не состояла въ измѣненіи законовъ. Выше замѣчено (въ главѣ II) что сочиненіе новыхъ законовъ могло принести болѣе вреда, чѣмъ пользы, могло скорѣе привести къ забвенію закона, чѣмъ способствовать къ возстановленію законодательства, потерявшаго силу отъ безпрерывныхъ смутъ, междоусобій и эгоизма Правителей.

Но Уложеніе Царя Алексѣя Михайловича не могло быть Уложеніемъ (въ смыслѣ современ-

номъ) и по самому состоянію просвѣщенія Россіи въ XVII столѣтіи. Хотя нѣкоторые писатели-патріоты много говорятъ о просвѣщеніи и учености Русскихъ въ царствованіе Царя Алексѣя Михайловича (68), однакоже справедливый патріотизмъ всегда сознается, что даже практическія юридическія свѣденія того времени были весьма скудны; что же касается до теоретическихъ, то ихъ совершенно небыло. Посему можно сказать, что ни степень тогдашняго просвѣщенія Россіи, ни знанія тогдашнихъ нашихъ Дьяковъ не могли возвысить ихъ до настоящаго понятія объ Уложеніи (въ смыслѣ современномъ), которое бываетъ обыкновенно плодомъ гражданскаго просвѣщенія и общественной образованности, и слѣдствіемъ достаточно разкрывшихся умственныхъ силъ народа. Имѣя въ виду Кормчую книгу и Литовскій Статутъ, могли ли Русскіе Дьяки XVII столѣтія вознестись мыслію далѣе возможности свода? постигнуть идею Кодекса?

Если бы, къ несчастію, въ 1648 году предпринято было сочиненіе новыхъ законовъ, то весьма вѣроятно, что работа сія никогда не была бы приведена къ концу. Примѣръ Екатерины убѣждаетъ, что предпріятіе, состоящее внѣ потребностей вѣка, рѣдко можетъ увѣнчаться успѣхомъ, не смотря на геній и рѣшительность предпринимателя.

Составители Уложенія, издавъ сводъ зако-

іовъ, а не Кодексъ, покорились требованію вѣка своего и увѣнчались успѣхомъ, ибо окончили предпринятый трудъ. Станемъ ли обвинять ихъ въ такомъ недостаткѣ, зародышъ котораго находился въ самомъ времени ихъ существованія, и порицать за изданіе свода вмѣсто Уложенія, когда, во времена ихъ, Уложеніе (въ смыслѣ современномъ) было не возможно для Россіи? Величайшая задача Правителей состоитъ въ одномъ: понять потребности вѣка,—и величайшее ихъ искуство: удовлетворить потребностямъ вѣка, безъ нарушенія общественнаго и частнаго благосостоянія. Составители Уложенія 1649 года поняли нужды своего времени и изданіемъ своего свода удовлетворили онымъ совершенно (69); за что же порицать и укорять ихъ?

ГЛАВА ПЯТАЯ.

Объ идеѣ Уложенія.

Разсмотрѣвъ составленіе, источники и значеніе Уложенія, обратимся къ идеѣ, на которой основанъ сей замѣчательный памятникъ отечественнаго законодательства и опредѣлимъ основную мысль, въ слѣдствіе которой Уложеніе создано.

Повелѣвая составить Сводъ изъ Греческихъ

и Литовскомъ законовъ и изъ Россійскихъ узаконеній, Царь Алексѣй Михайловичъ самъ сказалъ, что все сіе предпринималось для того, *чтобы Московскаго Государства всякихъ чиновъ людемъ отъ большаго и до меньшаго чину, судъ и расправа была во всѣхъ дѣлѣхъ всѣмъ ровна.* (70)

Вотъ основная мысль Уложенія!

Изъ словъ Царя видно, что идея Уложенія заключалась въ водвореніи въ Россіи гражданскаго равенства, ибо слово: *ровна* не значитъ *одинакова*, но оно употреблено здѣсь въ смыслѣ *равно-справедлива.*

Сіе истолкованіе слова: *ровна* основано на томъ, что Уложеніе ни мало не уравнивало сословій въ отношеніи къ суду, ибо въ Уложеніи подсудность Бояръ, купцевъ и крѣпостныхъ весьма различна (71); но Уложеніе видимо стремилось къ общему уравненію сословій въ отношеніи къ *справедливости* суда, ибо ни одно сословіе не оставалось безгласнымъ передъ судьею, но всякому даны были способы и средства самоохраненія. Сію идею *для всѣхъ равно-справедливаго суда* называютъ въ настоящее время гражданскимъ равенствомъ. (72)

Проявленіе сей высокой идеи въ нашемъ Уложеніи 1649 года тѣмъ изумительнѣе, что она въ то время была не совершенно развита въ просвѣщенной Европѣ. Вспомнимъ, что Французы въ 1795 году провозглашали о ней, какъ объ истинѣ новой, ими открытой (73); что

только Императрица Екатерина опредѣлила ее въ Россіи (74). И когда такъ много толковали о семъ предметѣ, стараясь усвоить его законодательству, тогда иностранные Законовѣдцы и не подозрѣвали, что идея гражданскаго равенства уже была душею Уложенія такого народа, который былъ имъ извѣстенъ только по описаніямъ невѣрнымъ, неполнымъ и часто почти баснословнымъ, который почитался невѣжественною толпою варваровъ грубыхъ и дикихъ.

Къ чести и славѣ Россіи можно сказать, что идея сія не занята нами у чужестранцевъ, что она зародилась въ нашемъ отечествѣ и развилась въ немъ безъ всякихъ чужестранныхъ прививокъ.

Зародышъ ея находился въ смутахъ и безпорядкахъ, терзавшихъ Россію послѣ Годунова. Проявленіе сей идеи, хотя слабое и несовсѣмъ ясное, видимъ въ клятвѣ Шуйскаго, данной имъ при вступленіи его на престолъ. Клятва сія состояла въ томъ, что Царь обязывался не казнить никого безъ *суда истиннаго и не слушать ложныхъ показаній, а производить строго изслѣдованіе дѣлъ*, дабы подданные его не гибли безвинно (75). Сей *истинный* судъ, о которомъ говорилъ Шуйскій, есть не что иное, какъ для всѣхъ равно-справедливый судъ Царя Алексѣя Михайловича или тоже, что современная идея гражданскаго равенства. Исторія по-

казываетъ, что народъ не принималъ клятвы Шуйскаго, однакоже Шуйскій, вопреки народному желанію, выполнилъ свою клятву и такимъ образомъ ввелъ въ наше законодательство идею, которой яснаго опредѣленія мы не имѣли до временъ Екатерины (76). Послѣдовавшія за низложеніемъ Шуйскаго неустройства можетъ быть поддержали существованіе сей идеи въ Россіи и болѣе утвердили прочность ея существованія, ибо раскрыли всѣ невыгоды суда произвольнаго и пристрастнаго. Такимъ образомъ идея гражданскаго равенства, зародившаяся во времена Шуйскаго, ясно выражается въ твореніи Царя Алексѣя Михайловича, какъ мысль основная, самостоятельная, и становится краеугольнымъ камнемъ нашего Отечественнаго Законодательства.

Можетъ быть приверженцы иностраннаго и противники отечественнаго станутъ утверждать, что основная мысль Уложенія взята изъ Литовскаго Статута, гдѣ Король также обѣщалъ подданныхъ своихъ судить однимъ закономъ, всѣхъ безъ различія (77). Ихъ легко опровергнуть, во первыхъ тѣмъ, что мысль сія не составляетъ основы Статута, а внесена въ него только въ видѣ обѣщанія; во вторыхъ тѣмъ, что Статутъ, во многихъ случаяхъ пользовавшій Русскими обыкновеніями, и въ семъ случаѣ могъ заимствовать сію идею изъ нашего Отечества. Въ Статутѣ, мысль гражданскаго ра-

венства заключена только въ одномъ артикулѣ, безъ всякаго отношенія къ цѣлому творенію; а въ Уложеніи она представляется цѣлію сего произведенія, къ ней относятся всѣ частныя положенія, и она проявляется въ Уложеніи, какъ душа въ тѣлѣ.

Трудно опредѣлить, всѣ ли понимали тогда сію идею, или, какъ во времена Шуйскаго, народъ не постигалъ ея?

Правительство, во всѣ времена, всегда было источникомъ просвѣщенія въ Россіи; отъ него истекли мудрыя истины, споспѣшествовавшія къ общественному благоденствію и благоустройству; но народъ не всегда понималъ и рѣдко могъ цѣнить ихъ (78). Такъ было при Шуйскомъ; тоже было при Петрѣ Великомъ. Многія, весьма мудрыя намѣренія и предпріятія Правительства не имѣли скораго и надлежащаго успѣха единственно потому, что не могли быть поняты и оцѣнены народомъ.

Судя по слѣдствіямъ, отъ Уложенія проистекшимъ, должно полагать, что идея Уложенія не совсѣмъ была понята подданными Царя Алексѣя Михайловича. (79) Однакоже, не смотря на сіе, идеею Уложенія должно было быть гражданское равенство, а не что либо другое, ибо потребность вѣка, какъ сказано выше, заключалась въ томъ, чтобы каждому гражданину показанъ былъ возможный кругъ его дѣятельности. Сія потребность прямо вела къ идеѣ гражданскаго

равенства, ибо каждый подданный, имѣя права и обязанности, становился гражданиномъ и, въ семъ качествѣ, былъ предъ закономъ равенъ всякому другому гражданину. Сія-то потребность XVII вѣка, проистекшая изъ несчастій, послѣдовавшихъ во времена Самозванцевъ и междоцарствія, когда судъ и расправа основывались на личности или пристрастіи, условила идею Уложенія и навсегда ввела въ наше законодательство понятіе о равенствѣ гражданскомъ.

ГЛАВА ШЕСТАЯ.

О расположеніи Уложенія.

Означивъ идею и источники Уложенія, Царь Алексѣй Михайловичъ не изъявилъ воли своей касательно расположенія предпринятаго имъ труда. Посему полагать должно, что оно было предоставлено благоусмотрѣнію составителей Уложенія. (80)

При разсмотрѣніи расположенія Уложенія, открывается, что оно составляетъ главный недостатокъ сей законной книги. Недостатокъ сей тѣмъ ощутительнѣе, что въ расположеніи Уложенія замѣчается совершенное отсутствіе всякой ученой системы. Оно раздѣлено произвольно, безъ всякаго умозрительнаго и опытнаго основанія, на 25 Главъ, кои слѣдуютъ одна за другою безъ всякой связи и отношенія и содержатъ въ себѣ предметы столь разнородные, что

не возможно, безъ большихъ трудовъ и потери, времени, отыскать въ нихъ всѣ свѣденія объ одномъ какомъ либо предметѣ.

Уложеніе раздѣлено на Главы, которыя подраздѣлены на статьи (81). Мы разсмотримъ расположеніе Уложенія, безъ всякаго измѣненія подлинника, дабы видѣть сіе произведеніе въ настоящемъ его составѣ.

Глава первая (*О богохульникахъ и церковныхъ мятежникахъ*) содержитъ уголовныя преступленія противъ вѣры и правила церковнаго благочинія. Она состоитъ изъ 9 статей, кои всѣ относятся въ сію Главу по содержанію своему.

Глава вторая (*О Государской чести и какъ Его Государское здравіе оберегати*) по заглавію должна была бы содержать только преступленія, подъ Оскорбленіемъ Величества извѣстныя, но здѣсь находимъ постановленія о доносахъ и даже о грабежахъ.

Глава третья (*О Государевѣ дворѣ, чтобы на Государевѣ дворѣ ни отъ кого никакого безчинства и брани не было*) заключаетъ полицію царскихъ собственностей, и царскаго дворца. Всѣ 9 статей сей главы обработаны весьма хорошо и соотвѣтствуютъ заглавію.

Глава четвертая (*О подпищикѣхъ и которые печати поддѣлываютъ*) говоритъ о подлогѣ въ актахъ и печатяхъ. Преступленіе сіе почиталось весьма важнымъ и потому Глава сія

непосредственно слѣдуетъ за положеніями объ Особѣ Монарха и Его собственностяхъ.

Глава пятая (*О денежныхъ и золотыхъ и серебреныхъ дѣлъ о мастерѣхъ*) заключаетъ въ себѣ преступленія по фальшивой поддѣлкѣ монеты и металла вообще. Глава сія вѣроятно помѣщена за Главою о поддѣлкѣ актовъ и печатей потому, что фальшивая монета есть равномѣрно подлогъ общественный, какъ фальшивые акты и печати.

Глава шестая (*О проѣзжихъ грамотахъ въ иные Государства*) предписываетъ правила, безъ соблюденія коихъ не дозволялось оставлять предѣловъ Россіи. Сія Глава находится на семъ мѣстѣ безъ всякой видимой причины, кромѣ воли составителей. Статья 6-я не соотвѣтствуетъ заглавію, ибо въ ней говорится объ измѣнѣ: она должна принадлежать, по порядку расположенія Уложенія, ко Главѣ второй, гдѣ содержатся всѣ постановленія объ измѣнѣ (въ обширномъ смыслѣ).

Глава седмая (*О службѣ всякихъ ратныхъ людей*) весьма многоразлична по содержанію; здѣсь помѣщенъ порядокъ призыва къ службѣ, обязанности службы воинской и продовольствіе войскъ. Сюда же внесены всѣ преступленія военныхъ чиновъ, какъ гражданъ и какъ воиновъ. По сему разнообразію содержанія, она весьма сбивчива, не имѣетъ связи ни съ предшествующею, ни съ послѣдующею Главою, и находится не на

своемъ мѣстѣ. Она не могла войти въ составъ Гражданскаго Уложенія и должна была образовать особый Уставъ Воинскій.

Глава восмая (*О искупленіи плѣнныхъ*) весьма хорошо обработана, и слѣдуетъ за Главою Устава Военнаго потому, что плѣнъ есть слѣдствіе войны.

Глава девятая (*О мытахъ, о перевозѣхъ и о мостахъ*) слѣдуетъ за искупленіемъ плѣнныхъ безъ всякой причины. Въ ней подробно изложена тогдашняя система путей сообщенія, хотя въ заглавіи о семъ не упомянуто.

Глава десятая (*О судѣ*) содержитъ столь много разнородныхъ предметовъ, что трудно рѣшить, о чемъ въ ней наиболѣе говорится. Здѣсь порядокъ судопроизводства соединенъ съ означеніемъ правъ различныхъ сословій, съ опредѣленіемъ способовъ пріобрѣтенія имуществъ, съ начертаніемъ порядка совершенія актовъ, съ значеніемъ договоровъ и другихъ обязательствъ. Въ сей же Главѣ содержатся положенія о нѣкоторыхъ преступленіяхъ общественныхъ, почти всѣ преступленія противъ собственности и распоряженія полицейскія по проступкамъ; словомъ: десятая Глава обработана хуже всѣхъ прочихъ главъ Уложенія, ибо, при разнородности предметовъ, она не содержитъ ихъ въ послѣдовательномъ порядкѣ, но представляетъ выписки изъ права лицъ, вещей и уголовныхъ преступленій безъ всякой логической связи.

Глава одиннадцатая (*Судъ о крестьянѣхъ*) слѣдуетъ за десятою, какъ исключеніе изъ общаго правила, ибо содержитъ только распоряженія о крестьянахъ. Здѣсь отношенія крестьянъ между собою и обязанности ихъ къ помѣщикамъ и обратно представлены въ довольно-систематическомъ порядкѣ. Судя по обработкѣ сей Главы, можно заключить, что она и Главы 8 и 9-я писаны однимъ редакторомъ.

Глава двѣнадцатая (*О патріаршихъ приказныхъ и о всякихъ людехъ, что на нихъ судъ давати на Патріаршемъ Дворѣ*) есть второе исключеніе изъ десятой Главы и показываетъ подсудность лицъ, Патріарху принадлежащихъ.

Глава тринадцатая (*О Монастырскомъ приказѣ*) служитъ третьимъ исключеніемъ изъ десятой Главы и опредѣляетъ порядокъ суда лицъ духовныхъ.

Глава четырнадцатая (*О крестномъ цѣлованьѣ*), заключая подробности о присягѣ, находится на своемъ мѣстѣ, какъ дополненіе къ Главамъ о судѣ Гражданскомъ, Патріаршемъ и Духовномъ.

Глава пятьнадцатая (*О вершеныхъ дѣлѣхъ*) заключаетъ теорію судопроизводства изложеніемъ правилъ о дѣлахъ оконченныхъ. Въ сей Главѣ помѣщено Учрежденіе Третейскаго суда, которое не имѣетъ никакого отношенія къ содержанію Главы XV (82).

Глава шестьнадцатая (*О помѣстныхъ зем-*

лахъ) говоритъ о правѣ на помѣстья, о переходѣ ихъ по наслѣдству, по браку, по передачѣ. Здѣсь же помѣщены отрывки судопроизводства о помѣстьяхъ.

Глава семьнадцатая (*О вотчинахъ*) излагаетъ право владѣнія вотчинами, переходъ ихъ по наслѣдству, по выкупу, по продажѣ, по залогамъ. Она предназначена единственно къ изложенію вотчиннаго права, но въ ней объяснено вотчинное судопроизводство, совершеніе купчихъ, закладныхъ и другихъ актовъ, порядокъ межеванія. Хотя она не представляетъ ничего цѣлаго, однакоже расположена лучше и исправнѣе Главы десятой.

Глава восемьнадцатая (*О печатныхъ пошлинахъ*) излагаетъ теорію пошлинъ и сборовъ съ актовъ при передачѣ и переходѣ собственности, съ откуповъ, съ тяжбъ, съ грамотъ всякаго рода, какъ то: съ грамотъ проѣзжихъ, съ грамотъ при опредѣленіи въ должность и т. п. Главѣ сей приличнѣе было бы слѣдовать за Главою о судѣ, но составители Уложенія помѣстили ее за теоріею помѣстій и вотчинъ.

Глава девятнадцатая (*О посадскихъ людехъ*) заключаетъ правила объ устройствѣ слободъ и сословіи посадскихъ. Сюда же внесена полиція загородныхъ домовъ и огородовъ, хотя сіе не относится ни къ слободамъ, ни къ посадскимъ.

Глава двадцатая (*Судъ о холопѣхъ*) говоритъ о вступленіи въ холопство, о правахъ и

обязанностяхъ сего состоянія, о подлогахъ по кабаламъ, о бѣгахъ холоповъ, объ отношеніяхъ ихъ семейственныхъ, о правѣ имѣть холоповъ. Здѣсь же изложены порядокъ совершенія актовъ, до сего состоянія касающихся и производство дѣлъ о холопахъ, что должно было войти въ составъ сей Главы по ея заглавію. Но кромѣ сего, въ сей же Главѣ означены преступленія господъ противъ холопей, отъ чего сія двадцатая Глава сбивчива и не представляетъ никакого единства.

Глава двадцать первая (*О разбойныхъ и о татиныхъ дѣлѣхъ*) преимущественно посвящена уголовному судопроизводству, но къ судопроизводству присоединены и означенія нѣкоторыхъ преступленій. Она не разграничена съ слѣдующею Главою и состоитъ съ нею въ тѣснѣйшей связи.

Глава двадцать вторая (*Указъ, за какіе вины кому чинити смертная казнь, и за какіе вины смертію не казнити, чинити наказаніе*) есть дополненіе Главы предыдущей.

По заглавію она должна содержать собственно только право наказательное (droit pénal), однакоже въ нее внесены многіе предметы, принадлежащіе къ праву преступленій (droit criminel).

Такимъ образомъ въ сей Главѣ различены разные роды смертоубійства, объяснено преступленіе отвлеченія отъ православной вѣры и преступленія противъ общественной нравственно-

сти. Сія Глава, въ совокупности съ предыдущею, составляетъ все уголовное право Уложенія, за исключеніемъ немногихъ статей, внесенныхъ въ другія Главы.

Глава двадцать третія (*О стрѣльцахъ*) излагаетъ права и подсудность стрѣльцевъ; она принадлежитъ къ Гл. XIX и XX, которыя говорятъ о сословіяхъ.

Глава двадцать четвертая (*Указъ о атаманѣхъ и о казакѣхъ*) заключаетъ права и подсудность казаковъ, какъ исключеніе изъ общихъ правилъ. Въ сей же Главѣ помѣщенъ Указъ объ указныхъ цѣнахъ на предметы, коимъ въ исковыхъ прошеніяхъ цѣна не означалась. Вѣроятно, что сей Указъ составлялъ особую Главу, которая по ошибкѣ соединена съ Главою о Козакахъ, ибо предметы сіи столь разнородны, что никакъ не могли быть соединены въ одну Главу (83).

Глава двадцать пятая (*Указъ о корчмахъ*) есть исключеніе изъ Главы XXI и излагаетъ правила о доносѣ, изслѣдованіи, сужденіи и наказаніи корчемства виномъ и табакомъ. Сія Глава напоминаетъ о Литовскомъ Статутѣ (84).

Сею Главою оканчивается Уложеніе. Изъ сего разсмотрѣнія нашей законной книги 1649 года видно, что составители Уложенія не держались системы при разборѣ и размѣщеніи источниковъ и матеріаловъ своего труда. Не говоря уже объ общемъ расположеніи Уложенія,

которое носитъ видимые отпечатки нестройности систематической, должно сознаться, что и частное расположеніе Главъ чрезвычайно безпорядочно: за статьею о правѣ собственности слѣдуетъ статья изъ Уголовнаго Права, за сею статья изъ судопроизводства и т. п.

Если же смотрѣть на Уложеніе, какъ на слѣдствіе извѣстной потребности вѣка, носящее на себѣ отпечатокъ тогдашняго образа мыслей и понятій, то можно объяснить расположеніе Уложенія и открыть въономъ единство.

Уложеніе можетъ быть раздѣлено на *семь* главныхъ, основныхъ раздѣловъ, которые слѣдуютъ одинъ за другимъ по степени ихъ важности. (85)

Составители Уложенія начали съ причины всего существующаго — съ Бога; за симъ, въ естественномъ порядкѣ, представлялся имъ земный Богъ—Царь. И такъ *первый* основный раздѣлъ Уложенія—*о Богѣ и Царѣ*. Къ сему раздѣлу принадлежатъ Главы: первая о богохульникахъ, вторая о Государѣ, третія о собственности Царской, четвертая о подлогѣ въ Государственныхъ актахъ, пятая о поддѣлкѣ монеты, и шестая о проѣзжихъ грамотахъ за границу. Послѣднія три Главы относятся къ раздѣлу *о Царѣ* потому, что Государственные акты исходили отъ Царя и составляли какъ бы его принадлежность; что монета чеканилась отъ имени Царя и битье монеты принадлежало Царю;

что выѣздъ за границу, безъ дозволенія Царскаго, почитался личнымъ противу Царя ослушаніемъ.

За устройствомъ Царской безопасности, составителямъ Уложенія представлялось устройство внѣшней безопасности Государства, какъ предметъ самый важнѣйшій. Правила объ устройствѣ внѣшней безопасности составляютъ *вторый* основный раздѣлъ Уложенія, къ коему принадлежатъ Главы: седмая о войскѣ, и осьмая о плѣнныхъ,—сія послѣдняя, какъ слѣдствіе предыдущей.

За симъ раздѣломъ естественно слѣдуетъ *третій* раздѣлъ о безопасности внутренней, къ коему принадлежатъ Главы: девятая о внутреннихъ сообщеніяхъ, десятая о судѣ вообще, одинадцатая о судѣ крестьянъ, двѣнадцатая о судѣ Патріаршемъ, тринадцатая о судѣ монастырскомъ, четырнадцатая о крестномъ цѣлованіи (какъ о принадлежности суда), пятнадцатая о дѣлахъ оконченныхъ (какъ объ основномъ правилѣ судопроизводства).

За понятіемъ внутренней безопасности слѣдуетъ понятіе о неприкосновенности собственности, и составляетъ предметъ *четвертаго раздѣла* о собственности, къ коему относятся Главы: шестнадцатая о помѣстьяхъ, семьнадцатая о вотчинахъ и восемьнадцатая о печатныхъ пошлинахъ. Сія послѣдняя Глава принадлежитъ къ сему раздѣлу потому, что акты, съ коихъ пошлины

взимались, большею частію исчислены въ двухъ предыдущихъ Главахъ (XVI и XVII).

За симъ составители Уложенія изложили права сословій, кои въ 1649 году нуждались въ особенномъ устройствѣ. Къ сему *пятому* разделу о сословіяхъ принадлежатъ Главы: девятьнадцатая о посадскихъ и двадцатая о холопахъ.

По изложеніи Гражданскаго Права, слѣдуетъ Право Уголовное и составляетъ *шестый* раздѣлъ, содержащій двѣ Главы: двадцать-первую о преступленіяхъ и Уголовномъ Судопроизводствѣ, и двадцать вторую о наказаніяхъ.

Уложеніе оканчивается исключеніями изъ общихъ правилъ, кои составляютъ раздѣлъ *седмый*, заключающій три Главы: двадцать третію объ изключительныхъ правахъ стрѣльцевъ, двадцать четвертую объ исключительныхъ правахъ Козаковъ, и двадцать пятую объ исключительныхъ постановленіяхъ касательно корчемства виномъ и табакомъ.

Такова должна была быть, по мнѣнію моему, система составителей Уложенія при расположеніи сего важнаго творенія, долженствовавшаго имѣть рѣшительное вліяніе на судьбу Россіи. Для ясности, система сія можетъ быть представлена въ такомъ видѣ:

I. *О Богѣ и Царѣ.*

(Главы: 1 — 6)

II. *О внѣшней безопасности.*

(Главы: 7 и 8)

III. *О внутренней безопасности.*
(Главы: 9 — 15)
IV. *О собственности.*
(Главы: 16 — 18)
V. *О сословіяхъ.*
(Главы: 19 и 20)
VI. *О преступленіяхъ и наказаніяхъ.*
(Главы: 21 и 22)
VII. *Исключенія.*
(Главы: 23 — 25)

Сообразивъ сіе расположеніе съ свѣденіями Россіи въ XVII вѣкѣ, съ тогдашними понятіями и образованностію, можно сказать, что расположеніе Уложенія было удовлетворительно (во времена своего изданія). Впрочемъ, при Петрѣ Великомъ оно казалось уже недостаточнымъ и послужило главною причиною измѣненія Уложенія. (86)

ГЛАВА СЕДЬМАЯ.

О содержаніи Уложенія.

Изъ предыдущей Главы видно, что содержаніе Уложенія весьма разнообразно; оно объемлетъ Права: Гражданское Общественное и Частное, Уголовное, Военное, Торговое и Полицейское, и вмѣщаетъ въ себѣ вообще всѣ роды законовъ. Дабы представить содержаніе Уложе-

нія въ яснѣйшемъ и простѣйшемъ видѣ, я раздѣляю Главу сію на четыре отдѣленія; въ первомъ буду говорить о Гражданскомъ Общественномъ Правѣ Уложенія, во второмъ — о Гражданскомъ Частномъ, въ третьемъ — объ Уголовномъ, въ четвертомъ — о Гражданскомъ и Уголовномъ Судопроизводствѣ (87).

Не почитая нужнымъ переписывать здѣсь Уложеніе вполнѣ, я ограничусь только общими указаніями на тѣ постановленія, кои составляютъ отличительныя черты содержанія Уложенія. Весьма многія строки сего творенія забыты и никогда не будутъ вспомянуты, ибо онѣ потеряли свое значеніе отъ времени, отъ перемѣны въ нравахъ и образованности; но разборъ содержанія Уложенія можетъ породить горестную мысль и искреннее сожалѣніе о патріархальной, истинно - великой простотѣ нашихъ предковъ, которой не замѣнитъ призрачная чужеземная образованность; онъ можетъ напомнить намъ *о народности нашей*, которая свѣтится почти въ каждой статьѣ Уложенія, безъ всякаго преувеличенія, какъ никогда не видимъ мы ея въ нашихъ Поэтахъ и Историкахъ!

Расположеніе Уложенія чрезвычайно сбивчиво, какъ уже сказано выше; а потому не возможно было сохранить послѣдовательный порядокъ статей его при изложеніи его содержанія.

ОТДѢЛЕНІЕ ПЕРВОЕ.

О Правѣ Гражданскомъ общественномъ.

Уложеніе несодержитъ въ себѣ полнаго гражданскаго общественнаго Права Россіи въ началѣ XVII столѣтія: только нѣкоторые, случайно въ оное помѣщенные отрывки указываютъ на тогдашнее общественное Учрежденіе.

Изъ предисловія Уложенія видно, что власть Монарха ограничивалась только собственною Его волею; Царь *указывалъ*, а Бояре только *приговаривали*. Безпредѣльность Царской власти видна также и изъ того, что во многихъ случаяхъ Уложеніе молчало и предоставляло рѣшеніе случая Царю, говоря *какъ Царь укажетъ*. (*I.* 9. — *II.* 7. 12. 15. 22. — *III.* 8. — *VI.* 6. — *VII.* 11. 12. — *IX.* 7. — *X.* 3. 10. 215. и *мн. др.*) Но представляя власть Царя безпредѣльною, Уложеніе въ тоже время выставляетъ ее слабою и еще колеблющеюся. Царь по волѣ своей назначилъ идею и источники Уложенія; но для приведенія его въ дѣйствіе и для утвержденія принужденъ былъ созвать Выборныхъ. Сіе показываетъ, что власть Монарха въ половинѣ XVII столѣтія, хотя по сущности неограниченная, однакожъ была въ то время еще несовершенно развившеюся; она нуждалась въ народномъ содѣйствіи для исполненія своихъ намѣреній и предначертаній. Съ другой стороны, безмолвное согласіе Выборныхъ убѣждаетъ въ той

безпредѣльной преданности Русскихъ къ законному Монарху, которая временно была подавлена государственными событіями, проистекшими отъ правленія Годунова и Шуйскаго.

Личность и собственность Царя равно были священны. (*II и III*). Къ Особѣ Монарха чувствовали такое уваженіе, что обнаженіе оружія, въ присутствіи Царя, безъ причиненія вреда, наказывалось отсѣченіемъ руки. (*III.* 4)

Уложеніе умалчиваетъ о порядкѣ наслѣдія Престола, о коронованіи и другихъ Государственныхъ установленіяхъ. Оно ничего не говоритъ о высшемъ Государственномъ Правительствѣ, но не забываетъ монополій, Правительству присвоенныхъ. Такимъ образомъ изъ Уложенія узнаемъ, что Правительство только имѣло право торговать виномъ, пивомъ и медомъ, отдавая ихъ на откупъ. (*XI.* 6 — *XVIII.* 8. 21 — 28. — *XXV.* 10. 17. 18. 20.)

Отношенія подданныхъ къ Верховной Власти опредѣлены въ различныхъ степеняхъ и разбросаны по различнымъ Главамъ. Вообще можно сказать, что содержаніе Уложенія, по предмету сословій, весьма недостаточно. Ни объ одномъ изъ тогдашнихъ сословій нельзя получить полнаго понятія, изъ словъ Уложенія. Принявъ за правило — вездѣ представлять Уложеніе въ настоящемъ его видѣ—я и здѣсь скажу о сословіяхъ въ Россіи 1649 года только то, что сказано въ Уложеніи.

Первымъ сословіемъ, по важности, обширности и многоразличію правъ, равно какъ по силѣ и вліянію, было Духовенство. Начиная съ Главы сего сословія—съ Патріарха — до самаго послѣдняго Члена—до Дьячка —, всѣ Духовные пользовались особеннымъ уваженіемъ отъ самаго закона.

Уложеніе представляетъ Патріарха сильнѣйшимъ, почти отдѣльнымъ Членомъ Государственнаго тѣла Россіи въ XVII вѣкѣ. Видно, что Патріархъ пользовался уваженіемъ, совершенно безпредѣльнымъ; законъ возносилъ его выше самаго Царя, ибо за оскорбленіе Царя въ Уложеніе опредѣлена казнь, а за безчестье Патріарха не положено никакой; Бояринъ, Окольничій или Думный человѣкъ, обезчестившій Патріарха *словомъ*, отдавался Патріарху *головою* (*X.* 27). (88) Такъ была обезпечена неприкосновенность личности Главы Духовенства. Власть его равнялась власти Царя, ибо онъ самъ судилъ всѣхъ ему подвластныхъ; общій законъ, установленный для всѣхъ подданныхъ Русскаго Монарха, не касался до Боярскихъ дѣтей, приказныхъ и другихъ людей, Патріарху принадлежавшихъ, (*XII.* 1). Замѣчательно и то, что Судьи Патріаршаго Суда, въ случаѣ пристрастнаго и несправедливаго рѣшенія, могли быть осуждены только Царемъ (*XII.* 2). Словомъ: власть Патріарха была самостоятельная, отдѣльная и не зависимая отъ общей власти закона: она-то

была причиною девятилѣтней борьбы Никона съ Царемъ Алексѣемъ Михайловичемъ (89).

Однакоже въ Уложеніи замѣчается упадокъ Патріаршества. Ограждая строго личность Патріарха, Уложеніе дерзко коснулось его собственности и постановило, чтобы ни Патріархъ, ни прочія лица Духовныя не имѣли права пріобрѣтать недвижимыхъ имѣній ни покупкою, ни закладомъ, ни по завѣщанію. (XVII. 42) Духовная Власть, въ семъ случаѣ, преклонила голову передъ свѣтскою, и чрезъ сіе согласіе къ потери права на пріобрѣтеніе недвижимой собственности, сама лишила себя средствъ къ дальнѣйшему поддержанію своей самостоятельности гражданской. Сія 42 статья XVII Главы Уложенія имѣла важныя послѣдствія, ибо послужила источникомъ переворота въ Государственномъ устройствѣ; она была первымъ шагомъ къ сосредоточенію духовной и свѣтской власти въ одной рукѣ Монарха!

Права прочихъ членовъ бѣлаго и чернаго Духовенства далеко отстояли отъ правъ Патріаршихъ, по сравненію же съ прочими сословіями, они были весьма значительны. Первое — важнѣйшее, общее всѣмъ лицамъ духовнымъ было право отдѣльнаго собственнаго Суда, который производился въ Монастырскомъ Приказѣ (*XIII.* 1), съ симъ правомъ было соединено и другое, не менѣе важное по тогдашнимъ понятіямъ, право изъятія отъ присяги, такъ, что духов-

ныя лица, въ тяжбахъ и дѣлахъ, креста не цѣловали (*XIII.* 4). Изъ бѣлаго духовенства, Протопопы и Протодіаконы отличались тѣмъ, что могли имѣть кабальныхъ холоповъ, а прочимъ лицамъ бѣлаго Духовенства дозволялось держать только вольнонаемныхъ слугъ (*XX.* 104).

Черное духовенство не могло имѣть за собою вотчинъ; при постриженіи, вотчины инока переходили къ его наслѣдникамъ по законному порядку. Сіе положеніе установлено Уложеніемъ, ибо до 1649 года монахи, находясь въ монастыряхъ, владѣли вотчинами безъ всякаго затрудненія. (*XVII.* 43 и 44). Состояніе монашеское не почиталось вѣрнымъ убѣжищемъ отъ мірскихъ преслѣдованій, ибо оно не могло служить прикрытіемъ прежнему состоянію инока: —бѣглый человѣкъ, вступившій въ монашество, возвращался къ прежнему владѣльцу, въ случаѣ открытія его подлиннаго состоянія (*XX.* 6768).

Изъ свѣтскихъ сословій ни одно не разобрано съ подробностію въ Уложеніи. Однакоже изъ онаго видно, что всѣ онѣ раздѣлялись на три класса: на высшій, средній и низшій.

Къ высшему классу принадлежали Бояре, Окольничіе, Думные люди, Стольники, Стряпчіе, Дворяне и дѣти Боярскіе. Изъ соображенія статей Уложенія видно, что высшую степень Сановниковъ составляли Бояре, Окольничіе и думные люди, ибо Уложеніе отдѣляло ихъ отъ Стольниковъ, Дворянъ и дѣтей Бояр-

скихъ (*X.* 27-31). Также предисловіе къ Уложенію показываетъ, что Бояре, Окольничіе и Думные люди находились при совѣщаніяхъ Царя, а всѣ прочіе, къ высшему классу принадлежавшіе, (какъ то: Стольники, Стряпчіе, Дворяне, дѣти Боярскіе) сею честію не пользовались. Впрочемъ Уложеніе совершенно умалчиваетъ о политическихъ правахъ сего высшаго класса.

Къ среднему классу принадлежали гости, сотни и посадскіе. Изъ Уложенія узнаемъ только, что сотенъ было три рода: гостиная, суконная и черная, каждая подраздѣлялась на три статьи; и что гость пользовался уваженіемъ, бо́льшимъ въ двое противъ купца гостиной сотни, ибо гостю платилось за безчестье 50 рублей, а человѣку гостиной сотни большой статьи только 20 рублей. (*X.* 94) Если къ сему прибавить, что черныя сотни могли жить въ городахъ, а гостиная и суконная сотни обязаны были жить въ Столицѣ (*XIX* 36), и что черныя сотни состояли въ тяглѣ (*XVIII.* 8), то мы уже сказали все, что означено въ Уложеніи о политическомъ устройствѣ торговаго сословія. (90)

О сословіи посадскихъ Уложеніе заботилось болѣе. Хотя свѣдѣнія о семъ предметѣ должны быть собраны въ XIX Главу, однакоже во многихъ другихъ Главахъ о немъ говорится съ большею или меньшею подробностію. Посадскіе пользовались уваженіемъ наравнѣ съ лицами, прина-

длежавшими къ высшей статьѣ черныхъ сотенъ, (*X.* 94), но имѣли надъ ними то преимущество, что таможни, кабаки и вообще всѣ откупы отдавались только посадскимъ и дворцовымъ и волостнымъ крестьянамъ, за исключеніемъ всѣхъ прочихъ сословій. (*IX.* 6. — *XVIII* 23) Посадскіе не могли никому принадлежать, но должны были жить на землѣ Царской и состоять въ тяглѣ (*XIX.* 1—9). Занимаясь особенно устройствомъ сего сословія, Уложеніе повелѣло всѣхъ Посадскихъ, жившихъ на казенныхъ земляхъ и съѣхавшихъ на земли Духовенства или высшаго сословія, поворотить на прежнія мѣста жительства. Мѣра сія, чисто финансовая, поддержалась строгою казнію, назначенною за преслушаніе сего законоположенія: посадскій, оставившій землю или называвшійся чьимъ либо крестьяниномъ, наказывался публично кнутомъ и ссылался на житье на берега Лены, въ Сибирь (*XIX.* 13). Всѣ взысканія на посадскаго, возвращавшагося въ тягло, отъ помѣщика земли, на которой онъ жилъ, предавались забвенію и считались недѣйствительными. (*XIX.* 18) Къ распространенію сего сословія весьма послужило и другое распоряженіе Уложенія, состоявшее въ томъ, что вольный человѣкъ, женившійся на тягловой посадской вдовѣ или дѣвкѣ, со вступленіемъ въ домъ ихъ, поступалъ также въ тягло, и несъ всѣ обязанности посадскаго. (*XIX.* 22. 23) Сего положенія нельзя опорочивать; но за симъ слѣ-

дуетъ другое не совсѣмъ справедливое: человѣкъ, женившійся на бѣглой посадской вдовѣ или дѣвкѣ, по незнанію, становился посадскимъ. (*XIX.* 38) Любопытно было бы знать, какое приращеніе числа посадскихъ произошло отъ сихъ насильственныхъ мѣръ. Къ сожалѣнію, мы не имѣемъ статистическихъ свѣдѣній о сословіяхъ во времена Царя Алексѣя Михайловича, и потому не можемъ сказать, какъ обогатилась Царская Казна отъ возвращенія разбѣжавшихся посадскихъ въ тягло. Посадскіе имѣли собственные свои дворы, которые могли быть продаваемы только лицамъ посадскаго сословія (*XIX.* 49) и пользовались правомъ торговли.

Наконецъ къ третьему, низшему классу народа принадлежили холопы и крестьяне.

Холопы раздѣлялись на два рода: къ первому относились купленные, полоненные или по наслѣдству пріобрѣтенные холопы; они назывались старинными или полными; ко второму роду причислялись люди, добровольно вступавшіе въ сіе званіе, дачею насебя кабалы; сіи послѣдніе назывались кабальными. (*XX.* 61 и 62.) Старинными холопами можно было распоряжаться безъ всякаго ограниченія (XX. 61. 77. 82.); кабальные же,составляя неотъемлемую собственность того, кому дали кабалу (*XIX.* 5. *XX.*81.), обязаны были служить только ему лично, и по смерти его могли выбрать новаго хозяина (*XX.* 63.). Къ обоимъ родамъ холопей Уложе-

ніе прилагаетъ правило Святыхъ Отцевъ: *гдѣ мужъ, тутъ и жена; кому жена, тому и мужъ*, что значитъ что вольный человѣкъ становился холопомъ, женясь на холопкѣ, и обратно. (*XX*. 62.) Всѣ холопы не могли владѣть не движимою собственностію (*XVII*. 41. *XIX*. 15. 16.). Изъ сего видно, что права сего сословія были весьма незначительны, однакоже Уложеніе, по основной идеѣ своей, не отказывало ему въ покровительствѣ законовъ: личность холопа была неприкосновенна (*X*. 94.), подобно всѣмъ прочимъ сословіямъ. Вообще можно сказать, что образованіе сего сословія представлено въ Уложеніи въ полномъ и ясномъ видѣ; холопы, какъ и посадскіе, обратили на себя особое вниманіе составителя Уложенія. Они означили порядокъ вступленія въ сіе званіе и средства къ оставленію онаго съ подробностію, хотя утомительною, но тѣмъ не менѣе полезною въ отношеніи къ Государственному благоустройству.

Не изъ всякаго состоянія дозволялся переходъ въ холопы. Дѣти Боярскіе (*XX*. 1—3), посадскіе *XIX*. 13—20) крестьяне (*XX*. 6—113), несовершеннолѣтіе (*XX*. 20), дѣти служилыхъ отцевъ, и вообще всѣ лица, состоявшія въ Государевой службѣ или въ тяглѣ (*XX*. 7), не имѣли права вступать въ холопство. Равномѣрно запрещалось Русскимъ людямъ вступать въ холопство къ иностранцамъ (*XX*. 70); сіе запрещеніе, для иностранцевъ стѣснительное, имѣло благодѣ-

тельную и религіозную цѣль: Правительство не желало православнымъ доставлять случая къ несоблюденію обрядовъ Грекороссійскаго исповѣданія. Съ большею основательностію не дозволялось содержащимся въ тюрмѣ вступать въ холопство къ тюремному начальству, и сему послѣднему, подъ опасеніемъ строгаго тѣлеснаго наказанія, запрещалось принимать въ услуженіе арестантовъ (*XXI.* 104). Мѣра сія отдаляла потворство, могущее произойти отъ корыстолюбивыхъ расчетовъ тюремной стражи, и обезпечивала уголовное судопроизводство.

Вступленіе же въ холопство дозволялось вольнымъ людямъ, когда они могли доказать свободность состоянія (*XX.* 7); вольноотпущеннымъ, когда они могли предъявить отпускныя (*XX.* 8. 10. 11. 12); плѣннымъ, когда они принимали Грекороссійскую Вѣру (*XX.* 37. 38. 69); несостоятельнымъ должникамъ, для выслуги долга (*XX.* 39) (91); бѣднымъ въ голодное время, для прокорма (*XX.* 43); дѣтямъ холопскимъ, по волѣ родителей (*XX.* 45). Впрочемъ родители имѣли право отдавать въ холопство только дѣтей несовершеннолѣтнихъ, т. е. не старѣе пятнадцати лѣтъ (*XX.* 110.) Всѣ лица, имѣвшія право на вступленіе въ холопство (кромѣ должниковъ), вступали въ оное по собственной волѣ безъ всякаго принужденія и насилія и пребывали въономъ столько времени, сколько кабалою назна-

чалось по обоюдному согласію принимавшаго и и вступавшаго.

Что же касается до оставленія сего состоянія, то средства къ сему были для старинныхъ и кабальныхъ холопей весьма различны. Старинные, состоя въ вѣчномъ холопствѣ (*XX.* 15. 82), имѣли только четыре случая къ оставленію своего званія: 1-й. Они могли освободиться посредствомъ отпускныхъ (*XX.* 53. 106), что состояло въ волѣ ихъ владѣльцевъ; 2-й. Попавъ въ плѣнъ, они не отдавались въ холопство по возвращеніи своемъ, но пользовались свободою вмѣстѣ со всѣмъ своимъ семѣйствомъ, какъ говоритъ Уложеніе, *для полонскаго терпѣнія* (*XX.* 34. 66); 3-й. Будучи выгнаны господами въ голодное время, они становились свободными (*XX.* 41); въ семъ послѣднемъ случаѣ законъ справедливо наказывалъ корыстолюбивую жестокость или безжалостную скупость владѣльцевъ, отказывавшихся кормить своихъ холопей; и 4-й. Въ случаѣ измѣны своего патрона, оставившаго отечество, они не принадлежали его семейству и могли избирать родъ жизни или владѣльца по желанію. Когда патронъ получалъ Высочайшее прощеніе, то и тогда они къ нему не возвращались и невозбранно пользовались правами вольныхъ людей. (*XX.* 33)

Кабальные холопы, кромѣ сихъ четырехъ, пользовались еще другими преимуществами для полученія свободнаго состоянія. Состоя въ хо-

лопствѣ только временно (*XX.* 15), они служили лично тому, кому давали кабалы, а потому при смерти его получали полную свободу (*XX.* 9. 15. 52. 63. 64. 87. 106.). Когда дѣти умершаго владѣльца хотѣли удержать при себѣ кабальныхъ холопей отца своего, то обязаны были сперва отпустить ихъ и потомъ уже отпущенникъ воленъ былъ вступить къ нимъ въ холопи по желанію. (*XX.* 52). Сіе право кабальныхъ холопей—право только личнаго и срочнаго служенія — составляетъ основное ихъ отличіе отъ холопей старинныхъ или полныхъ. Но иностранные кабальные холопи, кромѣ сего права, имѣли еще другое, не менѣе важное: служа по кабалѣ у иностранцевъ же, они получали свободу, когда изъявляли желаніе на принятіе Грекороссійской Вѣры, съ уплатою за себя пятнадцати рублей (*XX.* 71). Постановленіе сіе имѣло цѣлію распространеніе Евангельскаго ученія, и вѣроятно достигало оной.—Скажемъ наконецъ, что сословіе холопей предоставлялось особому вѣдомству, носившему названіе холопьяго Приказа (*XX.* 2. 6. 7. 8. *и слѣд.*)

О крестьянахъ Уложеніе говоритъ менѣе, чѣмъ о холопахъ. Изъ XI Главы можно заключить, что Уложеніе раздѣляло крестьянъ на два рода: на Государевыхъ и частныхъ, помѣщикамъ принадлежавшихъ. Въ отношеніи къ личности, дворцовые (Государевы) и частные (помѣщичьи) крестьяне пользовались равнымъ ува-

женіемъ (*X.* 94); но дворцовые имѣли значительное право, коимъ не пользовались крестьяне помѣщичьи. Вмѣстѣ съ посадскими, дворцовые крестьяне получали казенные откупа (*XVIII.* 23) и опредѣлялись Головами и цѣловальниками (присяжными) при казенныхъ сборахъ (*IX* 6), что было весьма важно, ибо прочія сословія отъ откуповъ и сборовъ были устранены. Впрочемъ Уложеніе ничего болѣе не говоритъ о крестьянахъ дворцовыхъ, вѣроятно потому, что управленіе ими зависѣло отъ воли Царя. Что же касается до крестьянъ помѣщичьихъ, то изъ всѣхъ Государственныхъ состояній, сіе сословіе было самое ограниченное въ правахъ и преимуществахъ. Личность и собственность помѣщичьихъ крестьянъ принадлежали ихъ владѣльцамъ (*XI.* 3), такъ что крестьянинъ не имѣлъ ни отъ кого довѣрія, никто не могъ оказать ему помощи ссудою, ибо не дозволялось ссужать чужаго крестьянина (*X*I. 23) Дабы не оставить ихъ совершенно безгласными и беззащитными, законъ обязывалъ помѣщиковъ искать и отвѣчать за крестьянъ во всѣхъ дѣлахъ, кромѣ убійства, разбоя и воровства. (*XIII.* 7) Но сіе служило только къ усиленію помѣщичьей власти, которая, имѣя въ рукахъ своихъ личность, собственность и защиту крестьянъ, могла легко превращать сихъ послѣднихъ въ вещь. Единственное ограниченіе господской власти состояло въ томъ, что владѣльцы не могли

лишать жизни крестьянъ своихъ (*XXI.* 79), ограниченіе необходимое и благодѣтельное для сословія жалкаго, лишеннаго гражданской самостоятельности и преимуществъ другихъ сословій, ибо крестьяне не пользовались правомъ торговли (*XIX.* 9. 16.), не могли владѣть собственностію въ городахъ (*XIX.* 5. 15). Со всѣмъ тѣмъ были люди, желавшіе вступленія въ крестьянство. Сіе видимъ изъ Уложенія, которое дозволяетъ принимать въ крестьяне вольныхъ людей, по достаточномъ доказаніи свободнаго ихъ состоянія (*XI.* 20). Состояніе крестьянства сообщалось отъ мужа женѣ, отъ жены мужу (92), отъ отца дѣтямъ (*XI.* 3. 15. 17. 28), такъ что право помѣщичье было нерушимо и сохранно. Одно, только одно утѣшеніе предоставлено было крестьянину:—жить и умереть на мѣстѣ, гдѣ онъ родился и взросъ, въ хижинѣ дѣда и отца, ибо не дозволялось переводить крестьянъ съ помѣстныхъ земель на вотчинныя и обратно (*XI.* 30). Сіе положеніе введено составителями Уложенія, ибо до 1649 года помѣщики переводили крестьянъ по произволу. Но и въ семъ случаѣ, законъ заботился не о крестьянахъ, а о сохраненіи въ цѣлости помѣстій. Не смотря на бѣдность правъ и преимуществъ сего сословія, оно было самое многочисленное. При расмотрѣніи Уложенія, не было выборныхъ отъ крестьянъ, и потому-то они остались въ преж-

немъ положеніи, безъ всякаго улучшенія и измѣненія ихъ политическаго быта.

Отъ сихъ государственныхъ состояній, Уложеніе явно отдѣляетъ Казаковъ, Стрѣльцевъ и Татаръ, ибо распоряжается о нихъ частно и не дозволяетъ посадскимъ вступленія въ Казаки и Стрѣльцы. (*XIX.* 26. 27. 30). Каждая изъ сихъ кастъ имѣла свои права и свое особенное образованіе. Стрѣльцы, пользуясь правомъ торговли, не платили тягла и не несли тяглыхъ службъ (*XIX.* 11); кромѣ сей выгоды, они освобождались отъ платежа судныхъ пошлинъ въ дѣлахъ цѣною не свыше 12 руб. и въ нѣкоторыхъ другихъ случаяхъ (93). Равнымъ образомъ они не платили печатныхъ пошлинъ, впрочемъ съ нѣкоторыми ограниченіями. (94). Составляя отдѣльное сословіе, Стрѣльцы вѣдались въ особомъ Приказѣ, Стрѣлецкимъ называемомъ, по всѣмъ дѣламъ, кромѣ разбоя и воровства съ поличнымъ. (*XXIII.* 1.). Казаки пользовались почти тѣми же правами; также могли торговать безъ платы тягла (*XIX.* 11.), также освобождались отъ судныхъ пошлинъ въ дѣлахъ не свыше 12 руб. (*XXIV.* 1.), но равнялись съ прочими сословіями относительно печатныхъ пошлинъ. Для сохраненія самостоятельности Казаковъ, имъ дозволялось продавать или сдавать свои вотчинныя земли только Казакамъ, а не лицамъ другихъ званій. (*XVI.* 50). Судились же они на основаніи общихъ узаконеній, безъ

всякаго особеннаго приказа и исключительнаго судопроизводства (*XXIV.* 1.), чѣмъ и отличались отъ Стрѣльцевъ. Татары раздѣлялись на свободныхъ и крѣпостныхъ. Первые пользовались правомъ личнаго самоохраненія (*XX.* 118), а послѣдніе состояли на правахъ крѣпостныхъ и пріобрѣтались плѣномъ, покупкою или дареніемъ (*XX.* 98. 99. 117). Крѣпостный Татаринъ, крестившись въ Грекороссійскую Вѣру, получалъ свободу. (*XX.* 97.). Первые (т. е. свободные) имѣли право собственности на землю, ими населенную, которой никто не могъ присвоить и которая не могла переходить во владѣніе Русскихъ. (*XVI.* 41. 43.)

Обратимся теперь къ иностранцамъ. Не смотря на бѣдствія, понесенныя отъ иноземцевъ Россіею въ XVII столѣтіи, Уложеніе весьма милостиво сохранило всѣ прежнія наши постановленія о не прикосновенности личности и собственности иностранцевъ; даже во многихъ случаяхъ иноземцы получали преимущество надъ туземцами. Находясь въ Россіи, иностранцы судились по Россійскимъ законамъ — по Уложенію (*X.* 1). Личность ихъ охранялась взысканіемъ за безчестье (*X.* 93.), а собственность такъ обезпечивалась, что при взысканіи съ несостоятельнаго должника, казна и иностранцы удовлетворялись преимущественно предъ всѣми другими заимодавцами. (*X.* 260.) Но ихъ право собственности ограничивалось въ отно-

шеніи къ мѣсту: они не могли владѣть дворами и дворовыми мѣстами въ Москвѣ, въ извѣстныхъ частяхъ города (95.). Хотя иностранныя вѣроисповѣданія не стѣснялись, однакоже храмы для нихъ могли быть строены только въ нѣкоторыхъ, для сего назначенныхъ мѣстахъ, въ отдаленіи отъ храмовъ Православныхъ (96). Предъ всѣми иностранцами почтены были Англичане и Голландцы, освобожденные отъ платежа печатныхъ пошлинъ по дѣламъ всякаго рода съ Русскими и иностранцами (*XVIII.* 55).

Что же касается до взятыхъ въ плѣнъ, то они могли вступать въ Россійское подданство, принятіемъ Святаго Крещенія (X*X*. 37). Крестившись, они вступали въ Царскую службу или избирали родъ жизни, сообразный съ ихъ желаніемъ. Если же они не хотѣли обращаться въ Православіе, то становились крѣпостными того, кому вручала ихъ рука войны (*XX.* 89). Сіе распоряженіе заимствовано изъ Литовскаго Статута, но оно существовало въ Россіи и прежде Уложенія. Странно, что Уложеніе, которое много заботилось о выкупѣ Русскихъ плѣнныхъ, предоставляя имъ разныя преимущества единственно *за полонское терпѣніе*, такъ сурово и безжалостно располагало несчастными иностранцами, случайными жертвами войны!

ОТДѢЛЕНІЕ ВТОРОЕ.

О *Правѣ Гражданскомъ Частномъ.*

Частное Гражданское Право Уложенія не представляетъ полной системы, напротивъ оно во многихъ случаяхъ такъ недостаточно, что непремѣнно предположить должно, что оно, въ самое время изданія Уложенія, дополнялось обыкновеніями, принятыми, но нигдѣ въ законѣ письменно неозначенными.

Начнемъ съ права лицъ. О пріобрѣтеніи и лишеніи состояній Уложеніе умалчиваетъ. Кромѣ означенія способовъ къ вступленію въ холопство, выше изложенныхъ, оно не означаетъ перехода изъ сословія въ сословіе. Равнымъ образомъ, тщетно стали бы искать въ Уложеніи означенія причинъ, по коимъ гражданинъ лишался своего званія. Изъ нѣкоторыхъ соображеній можно вывести, что преступленіе служило иногда поводомъ къ лишенію состоянія; но какія преступленія именно вели къ сему и въ какой степени, сего нельзя опредѣлить изъ словъ Уложенія.

Постановленія о брачномъ состояніи опредѣлительнѣе, хотя и не полнѣе. Вступленіе въ супружество дозволялось до трехъ разъ. (*XVI.* 15). Вторая жена, при жизни первой и при открытіи второбрачія, теряла права свои на мужа, ибо онъ возвращался первой женѣ своей; то же

разумѣлось и о мужьяхъ. Но бракъ не разторгался, когда, при открытіи второбрачія, первый супругъ или первая жена уже не существовали. (*XX*. 84). Основаніемъ супружескаго права служило правило Св. Отцевъ: гдѣ мужъ, тамъ и жена, кому жена, тому и мужъ (*XX*. 62); по сему супруговъ никогда не разлучали (*XX*. 60). Впрочемъ Уложеніе не говоритъ ничего о взаимныхъ отношеніяхъ супруговъ и безмолвствуетъ о правахъ мужа и объ обязанностяхъ жены. Сіе молчаніе Уложенія, предосудительное въ отношеніи юридическомъ, есть лучшее историческое свидѣтельство о непорочности и простотѣ тогдашнихъ нравовъ.

О власти родительской въ Уложеніи находимъ правила положительныя. Законными дѣтьми признавались только дѣти, рожденные въ законномъ супружествѣ; дѣти четвертаго брака и рожденные внѣ брака, не почитались членами семейства и не имѣли никакихъ семейственныхъ правъ. (*X*. 280—*XVI*. 15.). Ни подъ какимъ предлогомъ Уложеніе не допускаетъ узаконенія дѣтей, даже въ случаѣ женитьбы. (*X*. 280). Власть родителей надъ малолѣтными дѣтьми была весьма обширна: они могли даже отдавать ихъ въ услуженіе. (*XX*. 45. 110.). Дѣти же, напротивъ того, несли обязанность безпредѣльнаго послушанія; старыхъ и немощныхъ родителей кормили и почитали, подъ опасеніемъ строгаго тѣлеснаго наказанія (*XXII*. 4. 5. 6.), хотя

сами не могли имѣть никакого притязанія на собственность родителей (*XXII.* 5.). Но они не отвѣчали за преступленія родителей, когда въ нихъ не участвовали. (*II.* 7.).

Объ опекѣ нѣтъ ни слова въ Уложеніи. Благодѣтельное сіе гражданское учрежденіе не было еще въ то время понято. Впрочемъ права малолѣтныхъ были совершенно обезпечены, ибо по вступленіи въ совершеннолѣтіе, они могли просить защиты у закона противъ обидъ, причиненныхъ имъ въ малолѣтствѣ. (*XVII.* 13). Въ тяжбахъ, малолѣтные представляли за себя къ отвѣту родственниковъ, коимъ ввѣряли охраненіе своей личности и собственности (*X.* 185). Совершеннолѣтіе въ Уложеніи нигдѣ именно не означено, но можно положить, что оно начиналось съ восемьнадцати лѣтъ, ибо съ сего года дозволялось вступленіе въ службу. (*VII.* 17).

Симъ ограничивается право лицъ Уложенія. Оно не полно, по современнымъ понятіямъ, но въ свое время было достаточно, ибо, какъ уже сказано, вѣроятно дополнялось *правомъ обыкновеній.*

Право собственности состояло во власти располагать имуществомъ. (*XVII.* 42. 43.). Оно было священно, и дозволялось защищать собственность судомъ (*X.* 213. 233. *XXI.* 87. 90. 91), но не собственною силою (*X.* 213). Въ крайнихъ только случаяхъ можно было употреблять силу на защиту имущества. (*XXI.* 88. 89).

Имущества раздѣлялись, по качеству своему, на движимыя и недвижимыя; а по способу пріобрѣтенія, на родовыя и благопріобрѣтенныя. Къ недвижимымъ имуществамъ причислялись: вотчины, помѣстья, (97) домы, мельницы, лавки, погреба и всякія строенія (*X.* 244. *XVII* 27. *XIX.* 5. 9. 15.); всякое другое имущество почиталось движимымъ (98). Къ имуществамъ родовымъ причислялись: а) вотчины, изъ роду полученныя и отъ Государя пожалованныя (*XVI.* 57. *XVII.* 2. 4.) б) вотчины купленныя у родственниковъ (*XVII.* 8.) в) вотчины выкупленныя у чужеродцевъ, коимъ онѣ были проданы или просрочены по закладнымъ отъ родственниковъ (*XVII.* 27). Къ благопріобрѣтеннымъ принадлежали:) а помѣстья, полученныя отъ казны (*XVII.* 8.) б) вотчины, купленныя у чужеродцевъ (*XVII.* 31.) в) казенныя земли, также купленныя (*XVII.* 45.) При раздѣленіи имуществъ, упомянуть слѣдуетъ объ имуществѣ выморочномъ. Подъ симъ названіемъ разумѣлось такое имѣніе, коего владѣлецъ умиралъ, не оставляя по себѣ никакихъ наслѣдниковъ. Имѣнія сего рода поступали въ казну и обращались въ помѣстья (*XVII.* 45.).

Право владѣнія имѣло три вида: оно было законное, или подложное, или самовольное. Законнымъ почиталось право, основанное на доказательствахъ неоспоримыхъ и неопровержимыхъ (*XI.* 1. 7. 21. 23. *XVI.* 12. *XVII.* 16.). Подложное владѣніе означало утайку или обманъ

въ самомъ правѣ (*XVI.* 25. 28. 37. 51). Самовольнымъ признавалось владѣніе, не основанное на актахъ или на правѣ владѣть собственностію (*XVI.* 55. *XVII.* 41. *XIX.* 5. 15. 16. *XX.* 105). Законное владѣніе охранялось Правительствомъ, но подложное и самовольное строго наказывались.

Законное право владѣнія пріобрѣталось различными способами: находкою, добычею, давностію, наслѣдствомъ, покупкою, выкупомъ, мѣною, даромъ, и пр. Находкою пріобрѣталось не полное право владѣнія, но только право на вознагражденіе за доставленіе потерянной вещи. Впрочемъ строго запрещалось утаивать находки. (*V.* 26. 27). Добыча, на войнѣ пріобрѣтенная, поступала въ полную собственность добывшаго. (*XX.* 99). Сроки давности были различны: по дѣламъ вотчиннымъ давность назначалась въ сорокъ лѣтъ (*XVII.* 13, 20); въ заемныхъ деньгахъ суда не давали по прошествіи пятьнадцати лѣтъ (*X.* 256); въ случаѣ уплатъ, срокъ давности считался съ послѣдней уплаты (*X.* 257); на малолѣтныхъ давность не распространялась (*XVI.* 54). Къ наслѣдству призывались ближайшія въ родѣ лица всѣхъ состояній, (*XVII.* 4), кромѣ незаконнорожденныхъ (*X.* 280) и чернаго духовенства (*XVII,* 42—44). Наслѣдство по низходящей линіи производилось такъ, что всѣ дѣти умершаго получали равныя части (*XVII.* 15), но дочери, при братьяхъ, не полу-

чали вотчинъ, а выдавалась имъ часть на прожитокъ изъ помѣстій. (*XVII.* 2). Такимъ образомъ вотчины оставались всегда въ мужескомъ колѣнѣ. Когда сыновья и ихъ дѣти умирали, или ихъ совсѣмъ не было, то родовыя и выслуженныя вотчины отдавались дочерямъ и дочернимъ потомкамъ вмѣстѣ съ ихъ дядями и тетками. (*XVII.* 4). Дѣти перваго и втораго брака имѣли равное участіе въ имѣніи умершаго отца (*XVII.* 5). Между супругами наслѣдство происходило иначе. Если не оставалось помѣстій и вотчинъ купленныхъ, то женѣ давалось на прожитокъ изъ выслуженныхъ вотчинъ (*XVI.* 16), но ни въ какомъ случаѣ она не могла наслѣдовать вотчинъ родовыхъ и выслуженныхъ мужа своего. (*XVI.* 57). Бездѣтная вдова получала послѣ мужа своего четвертую часть его имѣнія и приданое, коими пользовалась только до втораго брака или до постриженія, безъ права продажи, заклада и завѣщанія. По смерти ея, имѣніе обращалось въ родъ мужа. (*XVII.* 1. 2. 6. 7. 8. 10. 12. 45). Наслѣдство по восходящей линіи имѣло мѣсто тогда только, когда родители не имѣли своей собственности; въ семъ случаѣ получали они послѣ дѣтей на прожитокъ нѣкоторую часть, по разсмотрѣнію. (*XVI.* 3). Но люди, отданные въ приданое за дочерью, въ случаѣ ея смерти, всегда возвращались родителямъ (*XX.* 62). Наслѣдство обращалось въ боковыя линіи, когда послѣ умершаго не оставалось

ни жены, ни дѣтей, или оставалась только одна бездѣтная жена; тогда, выдѣливъ четвертую часть бездѣтной женѣ, остальное имѣніе дѣлили между родственниками, *кто кому ближе.* (*XVII.* 1. 45). Всѣ вообще наслѣдники обязаны были отвѣтствовать за умершихъ по обязательствамъ, долгамъ и искамъ (*X.* 132. 203. 207. 245). Постановленіе сіе было заимствовано изъ Литовскаго Статута. Наслѣдство по завѣщанію налагало на наслѣдниковъ нѣкоторыя особенныя обязанности, ибо завѣщатель могъ опредѣлять условія, на коихъ онъ передаетъ свою собственность. (*XVII.* 7). Отецъ могъ завѣщаніемъ отпустить на волю кабальныхъ людей своего сына (*XX.* 106). Сіе показываетъ вліяніе родительской власти надъ сыновнею собственностію. Завѣщавать дозволялось всякую собственность, кромѣ кабальныхъ холопей, которые, во всякомъ случаѣ, по смерти своего патрона, получали свободу (*XX*. 61. 63). Всѣ состоянія, кромѣ холопей и чернаго духовенства (*XVII.* 41. 42), могли покупать; продавать же не дозволялось: чужой собственности (*XVII.* 35), спорнаго имѣнія (*X.* 244), краденаго (*XXI.* 64. 65. 75); бездѣтныя вдовы не могли продавать наслѣдства, послѣ мужа полученнаго (*XVI.* 16), Казаки—своихъ вотчинъ (*XVI.* 50), и служилые люди — своихъ имѣній, для избѣжанія службы (*XVI.* 59). Также запрещалось пріобрѣтать имѣнія отъ Черемисъ, Чувашей и Мордвы

(*XVI.* 41. 43. 44). Въ случаѣ двойной продажи имѣнія, дѣйствительною считалась та, которая записана была въ Помѣстномъ Приказѣ (*XVII.* 34), О пріобрѣтеніи собственности мѣною Уложеніе не распространяется, хотя видно, что сей способъ пріобрѣтенія былъ дозволенъ (*XXI.* 75). Вѣроятно, что мѣна производилась на тѣхъ же основаніяхъ, какъ и покупка, ибо Уложеніе говоритъ: *купилъ или вымѣнилъ*, чѣмъ ставитъ куплю и мѣну въ одну категорію. Право выкупа принадлежало ближайшимъ родственникамъ, а цѣна выкупа назначалась сторонними людьми, дѣлу непричастными (*X.* 263. *XVII.* 11. 13. 14). Оно терялось: 1 родственниками кои прилагали руки къ актамъ, по коимъ собственность переходила въ чужія руки (*XVII.* 27), и 2 давностію, когда проданное имѣніе не выкупалось въ теченіи сорока лѣтъ (*XVII.* 30. 33). Закладомъ пріобрѣталась собственность въ случаѣ просрочки закладной (*X.* 196). Закладывать и брать закладныя не дозволялось тѣмъ же лицамъ, коимъ не дозволялось покупать и продавать (*XVI.* 16. 43. *XVII.* 13. 27. 41. 42). Позволялось дарить и сдавать собственность, но получавшій обязывался исполнять всѣ условія, на коихъ собственность ему сдавалась или дарилась (*XVI.* 9. 10). Въ случаѣ неисполненія условій, подаренная или сдаточная собственность обращалась въ родъ подарившаго или сдавшаго (*XVI.* 9. 10. *XVII.* 42. 43).

Сдѣлки всякаго рода совершались посредствомъ актовъ, письменныхъ и Правительствомъ утвержденныхъ; иначе всякая сдѣлка не имѣла силы и, въ случаѣ спора, легко подвергалась уничтоженію. Но когда она утверждалась актомъ, когда выражалась какимъ-либо писменнымъ обязательствомъ, то, при оспориваніи ея дѣйствительности, она защищалась закономъ и приводилась въ исполненіе. Акты и обязательства, по качеству своему, были законные или подложные; по образу совершенія, они были площадные и домашніе. Законные состояли подъ защитою Правительственной власти; подложные преслѣдовались и наказывались закономъ въ большей или меньшей степени, смотря по важности ихъ послѣдствій.

Законнымъ актамъ признавался актъ, писанный по формѣ, закономъ назначенной; подложнымъ почитался актъ, совершенный воровствомъ, обманомъ или противъ воли совершателя; сіи подложные акты не имѣли никакой силы (*IV.* 4. *XVII.* 35. 36). Акты должны были писаться въ городахъ на площадяхъ, площадными подьячими, а въ селахъ, деревняхъ и по подворьямъ дозволялось только писать сговорныя свадебныя записи, завѣщанія и заемные акты (*X.* 246. 250). Въ большихъ сдѣлкахъ требовалось пять или шесть свидѣтелей, а въ незначительныхъ три или два, но во всякомъ случаѣ не менѣе двухъ (*X.* 246). Руку прикладывали участники

сдѣлки сами или, за неумѣніемъ писать, избирали довѣреннаго (*X.* 246. 248.) Но акты на сдѣлки цѣною не свыше десяти рублей дозволялось писать вездѣ безъ свидѣтелей, но только съ рукоприкладствомъ (*X.* 247. 248). Въ случаѣ насилія при совершеніи акта, всѣ лица, въ ономъ участвовавшія, подвергались строгому наказанію. (*X.* 251.) Актъ, писанный на площади и засвидѣтельствованный законнымъ числомъ свидѣтелей, никогда не терялъ силы и не могъ быть уничтоженъ (*X.* 253). При совершеніи актовъ, взимались пошлины, съ данныхъ и духовныхъ по три деньги съ четверти завѣщанной или подаренной вотчины (*XVII.* 54.), съ купчихъ въ Помѣстный приказъ съ рубля, по алтыну, а въ Печатный — съ четвертино *полтретьи деньги* (*XVII.* 15). Съ подложныхъ актовъ пошлина взыскивалась вдвое (*X.* 124).

Важность законнаго совершенія акта особенно видна въ сдѣлкахъ найма. Если кто нанималъ домъ по договору, то, въ случаѣ пожара отъ неосторожности, обязанъ былъ удовлетворить хозяина за всѣ претерпѣнные отъ пожара убытки. (*X.* 227) Не дозволялось совершать заемныхъ договоровъ съ лицами, кои не имѣли права продавать свою собственность (*XVI.* 43 45). Впрочемъ наемные акты совершались на общемъ основаніи, подобно всѣмъ другимъ обязательствамъ (*X.* 247. 249).

Сдѣлка личнаго найма производилась посред-

ствомъ житейскихъ записей, которыя не совершались срокомъ далѣе пяти лѣтъ (*XX.* 104. 116). Русскіе не могли наниматься въ служеніе къ иностранцамъ (*XX.* 70). Въ срочную работу дозволялось наниматься и безъ записей, при чемъ нанимавшіе обязаны были безъ всякаго задержанія отпускать работниковъ по окончаніи работы (*XI.* 32). Нанимавшійся въ сторожа отвѣтствовалъ за сберегаемыя вещи и въ случаѣ пропажи платилъ за покраденное самъ или его поручители; еслижъ ему и имъ платить было нечѣмъ, то ихъ отдавали истцу *головою до искупу* (*X.* 275). Сдѣлка пожизненнаго найма совершалась посредствомъ служилой кабалы. Кабалы писались площадными подьячими; пошлинъ съ нихъ взималось три алтына (*XX.* 19). О подлинности кабалы Уложеніе удостовѣрялось такъ: если кабальный холопъ объявлялъ лживою кабалу, по коей онъ состоялъ во владѣніи, а книгъ кабальныхъ, писавшихъ подьячихъ и свидѣтелей не было, то кабала сравнивалось съ другими того же времени; и если находилось, что кабалы писаны однимъ почеркомъ, то оспориваемая кабала утверждалась и оставалась въ силѣ (*XX.* 193). Вообще изъ Уложенія видно, что дѣла о кабалахъ были весьма запутаны, ибо кабальныя книги истребились во времена смутъ и междоусобій или, говоря словами Уложенія, во времена *Московскаго разоренія.* Отпущеніе на волю крѣпостныхъ производилось посредствомъ

отпускныхъ, которыя давались за подписью отпускавшаго или его отца духовнаго. Въ отпускныхъ для замужества означалось количество выводныхъ денегъ, взятыхъ владѣльцемъ (*XI.* 19). Отпускныя можно было давать во время жизни и при смерти. (*XX.* 8. 10. 11). Имѣвшій отпускную получалъ свободу и охранялся закономъ отъ всѣхъ притязаній, предъявляемыхъ на него наслѣдниками отпустившаго (*XX.* 14. 53.)

Заемные акты отличались отъ другихъ тѣмъ, что въ случаѣ несправедливаго ихъ оспориванія, долгъ взыскивался вдвое. Оспориваніе не влекло за собою двойнаго платежа только тогда, когда споривній самъ въ судѣ признавался, что завелъ ложный споръ (*X.* 259). Заемные акты могли передаваться другимъ лицамъ, которые получали платежъ, если могли представить актъ, коимъ совершена сія передача; въ противномъ случаѣ, они не получали удовлетворенія и лишались капитала (*X.* 258). Во всякомъ случаѣ не дозволялось брать никакихъ процентовъ (*X.* 255. 258) (99).

Дозволялось занимать подъ закладъ всякой собственности, но нельзя было закладывать самаго себя (*XIX.* 18). Закладныя совершались на общемъ основаніи (*X.* 250), и заимодавецъ обязанъ былъ принимать уплату отъ заложившаго (*XVII.* 32). Сей законъ имѣлъ ту цѣль, чтобы заимодавецъ не могъ себѣ присвоить имѣнія, ссылаясь послѣ срока на неисправность закладчика.

Выкупъ просроченной заложенной вотчины не дозволялся самому закладчику, для утвержденія силы закладныхъ (*XVII.* 33). Если закладная давалась съ такимъ условіемъ, что при просрочкѣ она обращается въ купчую: то, въ случаѣ неуплаты займа, закладная становилась купчею и заимодавецъ располагалъ просроченною собственностію, какъ купленною (*X.* 196).

Завѣщанія, какъ сказано выше, можно было писать дома (*X.* 250), но требовалось, чтобы онѣ были засвидѣтельствованы и запечатаны (*XVII.* 31. 34. *XX.* 77). Впрочемъ даже засвидѣтельствованныя духовныя часто подвергались спорамъ и могли быть опровергаемы. (*XVII.* 31. 34).

Всѣ прочіе акты (какъ то: купчія, мѣновыя, дарственныя, рядныя) совершались на общемъ основаніи, безъ всякихъ частныхъ измѣненій или исключительныхъ правилъ. (*X.* 246. 247. 248. 251).

ОТДѢЛЕНІЕ ТРЕТІЕ.

О Правѣ Уголовномъ.

Образованіе положительнаго права всякаго народа обыкновенно начинается съ правилъ уголовныхъ. Часто гражданское положительное право еще представляется въ жалкомъ состояніи несовершенства между тѣмъ какъ уголовное находится уже на нѣкоторой степени раз-

витія. Сему общему закону подвергалось и отечественное законодательство. Когда еще гражданскія отношенія совершенно не были определены, тогда уже карательная система излагалась закономъ съ большими подробностями. Уложеніе при бѣдности своей въ отношеніи къ праву гражданскому, довольно богато началами уголовнаго права. Онѣ не проявляютъ какой либо полной, одномысленной системы, онѣ разбросаны по разнымъ Главамъ, но тѣмъ не менѣе существуютъ, тѣмъ не менѣе оказывали благодѣтельное дѣйствіе въ XVII столѣтіи.

Карательная система Уложенія весьма жестока: въ ней встрѣчаемъ и смертную казнь въ разныхъ видахъ, и изувѣченіе различныхъ родовъ, и тѣлесное наказаніе разными орудіями. Вообще можно сказать, что наказанія раздѣлялись на гражданскія и церковныя: къ первымъ принадлежали: смертная и тѣлесная казни, конфискація; лишеніе чести, и др.; къ церковнымъ: анаѳема, отлученіе отъ церкви, покаяніе и т. п. (*X.* 162. *XIV.* 10. *XXII.* 3). Смертная казнь имѣла четыре вида и производилась сожженіемъ (*I.* 1. *II.* 4. *X.* 228. *XXII.* 24), залитіемъ горла расплавленнымъ металломъ (*V.* 1.), вѣшаніемъ (*VII.* 20.) и закопаніемъ въ землю (*XXII.* 14). Приговоренный къ смерти преступникъ сажался въ особую избу на шесть недѣль для покаянія и потомъ подвергался казни (*XXI.* 34). Приговоренный къ смерти не имѣлъ права доноса; ему ни

*

въ чемъ не вѣрили (*XXI.* 93). Беременная женщина не наказывалась и содержалась подъ стражею въ тюрмѣ до разрѣшенія отъ бремени. (*XXII.* 15).

Тѣлесная казнь имѣла нѣсколько видовъ. Подъ торговою разумѣлось наказаніе преступника кнутомъ публично (*I.* 3. 5). По свойству своему, торговая казнь была простая или нещадная (*II.* 13. *VII.* 19. 28. *X.* 5. 8. 9. 12. 31. 129. 170. 171). Она производилась на торгахъ или у приказа при многихъ свидѣтеляхъ (*X.* 186). Иногда опредѣлялось бить преступника у приказа, а потомъ снова на торгу (*X.* 188); иногда же—только на торгу, но въ теченіи трехъ дней (*XI.* 27). Непубличныя тѣлесныя наказанія производились батогами и расточались Уложеніемъ за малѣйшія вины. Видно, что всѣ сословія безъ изъятія подвергались торговой казни и тѣлесному наказанію, безъ лишенія чести (*I.* 3. 6 *III.* 7. *VI.* 4. *X.* 146. 251). Хотя въ 1649 году Русскіе не знали слова: конфискація, однакоже сей родъ наказаній существовалъ и во многихъ случаяхъ имѣніе преступника отбиралось на Государя (*II.* 5. *VII.* 2). Также видны въ Уложеніи слѣды шельмованія, ибо оно иногда лишало чести (*X.* 5.), но въ чемъ состояло сіе лишеніе и какія за нимъ слѣдовали послѣдствія, мы изъ Уложенія опредѣлить не можемъ. Чтоже касается до изувѣченій, то онѣ производились съ удивительнымъ звѣрствомъ: отсѣкали руки (*III.* 4. 5. 9.

VII. 29. *X.* 12. 51.), уши, носы, ноги, губы (*XXII.* 10), даже въ преступленіяхъ необщественныхъ. Денежныя взысканія употреблялись болѣе въ видѣ побужденія, чѣмъ въ видѣ наказанія; только при вознагражденіи за безчестье принимали онѣ характеръ уголовнаго орудія (*X.* 27—99). Для исполненія сихъ казней, изъ вольныхъ людей выбирались палачи, содержавшіеся отъ Правительства (*XXI.* 96. 97.); но тюрьмы строились и содержались на счетъ общественный (*XXI.* 97). Церковныя наказанія производились духовною властію; о нихъ подробно говорится ниже сего въ отдѣленіи о духовномъ судѣ.

Карательное право (droit pénal) Уложенія основывалось во многихъ случаяхъ на правилѣ подобнаго возмездія (poena talionis). Такимъ образомъ зажигатель наказывался сожженіемъ (*II.* 4. *X.* 228); смертоубійца — смертію (*I.* 4. *II.* 21. *III.* 8. *VII.* 30); отрѣзавшій ухо, ногу, губы, носъ — потерею уха, ноги, губъ, носа, (*XXII.* 10). Сіе отзывается вліяніемъ Библіи и Базиликона.

Чтоже касается до права преступленій (droit criminel), то Уложеніе не представляетъ никакого систематическаго опредѣленія и раздѣленія преступленій, равно какъ не замѣчается въономъ никакой соразмѣрности въ преступленіяхъ съ наказаніями. Изъ общественныхъ преступленій, самымъ важнымъ почиталось богохуленіе; Уложеніе съ него начинаетъ. Подъ

симъ преступленіемъ разумѣлась хула на Спасителя, Богородицу или Св. Угодниковъ, произнесенная Русскимъ или иностранцомъ; оно наказывалось сожженіемъ (*I.* 1.). Отвращеніе отъ православной Вѣры подлежало сей же казни. (*XXII.* 24). Нарушеніе церковнаго благочинія во время Божественной Службы наказывалось смертію (*I.* 2); непристойныя рѣчи, обращенныя къ совершавшимъ служеніе, влекли за собою торговую казнь. (*I.* 3.). Святотатцы наказывались смертію и имѣніе ихъ отдавалось церкви. (*XXI.* 14.). Государственная измѣна состояла въ оскорбленіи Величества и въ бунтѣ. Злой умыслъ на Царя, на Царство, сношеніе съ непріятелемъ и переходъ къ нему, порицаніе Царскихъ намѣреній, выѣздъ за границу для измѣны, возбужденіе къ бунту и смутамъ,—все сіе почиталось Государственною измѣною и наказывалось смертію (*II.* 1. 2. 3. *VI.* 6. *VII.* 20. *XXII.* 19). Неопредѣленность Государственной измѣны имѣла вредныя слѣдствія: самый невинный, но не обдуманный проступокъ могъ быть введенъ въ категорію Государственныхъ преступленій и влекъ за собою смерть — наказаніе, ничѣмъ не возвратимое въ случаѣ открытія невинности казнимаго, и потому несправедливое и достойное изгнанія изъ всякаго положительнаго Уголовнаго Права! За преступленіемъ противъ Правительственной власти, слѣдуютъ преступленія противъ влас-

ти Судебной. Ябедникъ наказывался тѣлесно; а за третью улику въ ябедѣ, кромѣ того, лишался права быть повѣреннымъ и судиться (*X.* 186. 187. 188. *XI.* 27. *XIV.* 9. *XX.* 49). Лихоимецъ, изъ Думныхъ людей, подвергался лишенію чести и денежной пени; лихоимецъ, не изъ думныхъ людей, наказывался тѣлесно, кнутомъ (*X.* 5—8. 9. 146). Преступленія противъ общественной казны наказывались гораздо строже: поддѣльщику монеты заливали горло растопленнымъ металломъ (*V.* 1); корчемство виномъ и табакомъ, наказывалось денежною пенею и кнутомъ (*XXV.* 1. 2. 3. 7. 8. 21.); контрабандистъ подлежалъ тѣлесному наказанію кнутомъ, и платилъ пени пять рублей (*IX.* 5.); кто провозилъ контробандиста съ собою, тотъ подвергался кнуту же и платилъ втрое пошлинъ (*IX.* 4). Обманъ и подлогъ въ актахъ, печатяхъ и подписяхъ наказывался смертію. (*IV.* 1. 2. 3. 4.). Клятвопреступленіе подвергалось кнуту, *по торгамъ по три дни*, годичному тюремному заключенію и лишенію чести (*XI.* 27. *XX.* 49). Самоуправство строго запрещалось (*X.* 213.). Безнравственность и не позволенныя тѣлесныя связи относились къ духовному, а не гражданскому Уголовному Праву. (*XX.* 80). Промыслъ отъ безнравственности наказывался кнутомъ (*XXII.* 25). Наконецъ къ преступленіямъ общественнымъ можно еще отнести Мѣстничество, о которомъ Уложеніе упоминаетъ мимоходомъ, не

смотря на то, что оно составляло главнѣйшій недостатокъ гражданственности того времени (*X.* 24.) Изъ преступленій частныхъ, Уложеніе наиболѣе распоряжается о смертоубійствѣ, означаетъ различныя его степени и соотвѣтствующія имъ карательныя мѣры. Вообще всякое умышленное убійство наказывалось смертію (*XXI.* 72.). Мужеубійство подвергало преступницу закопанію въ землю (*XXII.* 14). Дѣтоубійство никогда не наказывалось смертію, но виновный сажался на годъ въ тюрьму и потомъ подвергался публичному церковному покаянію (*XXII.* 3). И въ семъ случаѣ Уложеніе оказываетъ особое покровительство власти родительской! Неумышленное, нечаянное и при самоохраненіи учиненное убійство не почиталось преступленіемъ (*XXII.* 20. 21.)

Всякія раны наказывались подобными ранами, наносимыми виновному (*XXII.* 10.). Бой и увѣчье вообще подвергались наказанію кнутомъ и взысканію безчестья вдвое (*X.* 199.). Ранившій Судью въ присутствіи лишался руки (*X.* 106.); бой и увѣчье, учиненныя въ церкви и судѣ, подвергались торговой казни, тюремному мѣсячному заключенію и взысканію двойнаго безчестья (*I.* 5. *X.* 105.). Увѣчье и убытки, нанесенныя животнымъ, вознаграждались на счетъ хозяина животнаго (*X.* 281. — 284.). Впрочемъ зачинщикъ не получалъ удовлетворенія за безчестье. (*X.* 201).

Насиліе женскому полу во всякомъ случаѣ подвергало всѣхъ участниковъ преступленія —смерти. (*VII.* 30 *XXII.* 16).

Въ частныхъ преступленіяхъ противъ собственности, Уложеніе обращаетъ особенное вниманіе на похищенія, раздѣляя ихъ на разбой, татьбу и мошенничество, по степени важности ихъ послѣдствій. За первый разбой виновный лишался праваго уха, сажался на три года въ тюрьму и потомъ ссылался въ Украйну на житье (*XXI.* 16.) За второй разбой онъ лишался жизни (*XXI.* 17.). Татьба (кража) въ первый разъ подвергала виновнаго кнуту и лишенію лѣваго уха, двугодичной тюрмѣ и ссылкѣ въ украйну (*XXI.* 9): во второй разъ онъ наказывался кнутомъ, лишался праваго уха, сажался въ тюрьму на четыре года и потомъ ссылался на украйну (*XXI.* 10); третья татьба всегда наказывалась смертію (*XXI.* 12). Мошенничество почиталось на равнѣ съ первою татьбою и также наказывалось (*XXI.* 11). Истребленіе собственности подвергалось не менѣе жестокимъ казнямъ. Зажигатель предавался огню (*II.* 4 *X* 228). Убытки отъ пожара произшедшіе, взыскивались съ виновника пожара (*X.* 218. 223. 224.), но не умышленный пожаръ не влекъ за собою никакихъ взысканій (*X.* 225. 226). Завладѣніе чужею собственностію съ порчею межи наказывалось кнутомъ, недѣльную тюрьмою и пенею (*X.* 231. 232. 233.). Бѣглые наказывались тѣмъ,

что возвращались въ полное владѣніе оставленному ими владѣльцу (*XX.* 4.); но владѣвшіе ими во время бѣговъ платили по 10 рублей за годъ пожилыхъ денегъ (*XI.* 3. 10. 21.).

О преступленіяхъ полицейскихъ, Уложеніе умалчиваетъ. Въ семъ отношеніи, оно оказывается крайне недостаточнымъ. Сей недостатокъ послужилъ въ свое время поводомъ къ изданію Полицейскаго Устава вслѣдъ за Уложеніемъ. (100.)

ОТДѢЛЕНІЕ ЧЕТВЕРТОЕ.

О судопроизводствѣ.

Въ настоящее время, судопроизводство образуетъ совершенно отдѣльную часть отечественнаго законодательства. Не такъ было во времена Уложенія: въ немъ судопроизводство такъ тѣсно связано съ постановленіями гражданскаго и уголовнаго права, что только съ трудомъ можетъ быть отдѣльно расматриваемо. Въ правѣ нашемъ нѣтъ предмета, который былъ бы болѣе запутанъ и теменъ, однакожъ изъясненіе судопроизводства необходимо для полнаго изслѣдованія Уложенія. Для сего достаточно показать общій образъ тогдашняго производства правосудія, безъ означенія мѣлкихъ и безполезныхъ подробностей. Для большей ясности, разсмотримъ судопроизводство въ трехъ видахъ, хотя Уложеніе не различаетъ ни гражданскаго,

ни уголовнаго, ни духовнаго суда, но смѣшиваетъ ихъ, говоря то объ одномъ, то объ другомъ.

Въ слѣдствіе основной идеи Уложенія, краеугольнымъ камнемъ судопроизводства должны были служить правила нелицепріятія и справедливости, чтобы *своимъ вымысломъ въ судныхъ дѣлѣхъ по дружбѣ и по недружбѣ ничего не прибавляти, не убавляти, и не въ чѣмъ другу не дружити, а недругу не мстити, и никому ни въ чѣмъ ни для чего не норовити, дѣлати всякія Государева дѣла, не стыдяся лица сильныхъ, и избавляти обидящаго отъ руки неправеднаго* (*X.* 1).

Посему каждый могъ искать и надѣяться справедливости, но просилъ объ оной не прямо Государя (*I.* 8. *X.* 20), а надлежащее судебное мѣсто, по роду дѣла (*X.* 20). Когда многія лица были прикосновенны къ дѣлу, то каждое могло начинать искъ особо и отдѣльно отъ прочихъ (*X.* 183). Всѣ сословія безъ исключенія могли требовать суда, который не давался только клятвопреступникамъ и уличеннымъ въ трехъ ябедахъ (*X.* 188. *XI.* 27. *XIV.* 9. *XX.* 49), крѣпостнымъ противъ господъ (*II.* 13), дѣтямъ противъ родителей (*XX II*6.) и стрѣльцамъ безъ подписныхъ челобитенъ изъ Стрѣлецкаго Приказа (*XXIII* 2). При самомъ началѣ иска, отвѣтчикъ позывался къ суду; и если онъ не являлся къ суду по 3 грамотамъ, то обви-

нялся (*X*. 117. 118). Если же онъ въ назначенное время являлся къ суду, но истецъ не являлся къ оному, то по прошествіи недѣли, отвѣтчикъ выигрывалъ дѣло, а истецъ терялъ его (*X*. 109). Если отвѣтчикъ былъ боленъ во время требованія къ суду, то могъ прислать вмѣсто себя какое—либо довѣренное лице; если онъ не могъ никому довѣрить своего дѣла, то получалъ отсрочку до выздоровленія (*X*. 108).

До начала суда, тяжущіяся могли отводить судей и подьячихъ, по причинѣ, родства дружбы, или ссоры съ однимъ изъ нихъ, въ семъ случаѣ Царь назначалъ кому судить сіе дѣло (*X*. 3. 4. 13.). Судебныя доказательства представлялись во время суда; послѣ суда, онѣ не принимались и не могли имѣть силы (*X*. 21. 22). Доказательства были письменныя или словесныя. Письменными доказательствами почитались акты, безъ всякаго инаго подтвержденія (*X*. 21); словесныя требовали подтвержденія присягою и свидѣтелями. Присяга производилась крестнымъ цѣлованіемъ по обряду исповѣдуемой религіи (*XIV*. 3. 4.) и почиталась столь важною, что къ ней не допускались малолѣтные (*XIV*. 1.). Къ присяги никто не допускался болѣе трехъ разъ (*XIV*. 1. 2.), равно не дозволялось присягать подставою или по найму (*XIX*. 5.). Въ судныхъ дѣлахъ цѣною менѣе рубля, присяга не допускалась, и давался просто жеребей (*XIV*. 10.). Свидѣтели допрашивались подъ присягою,

не могли подвергаться отводу и если ихъ было десять человѣкъ, то дѣло рѣшалось по ихъ сказкѣ (*X.* 158. 159.) Свидѣтелями не могли быть: вольноотпущенные противъ прежнихъ господъ (*X.* 174.), жены противъ мужей (*X.* 177.), Бояре противъ своихъ крѣпостныхъ (*X.* 178.). Свидѣтелю не вѣрили, когда онъ зналъ дѣло только по наслышкѣ (*X.* 172.). По собраніи доказательствъ приступали къ вершенію дѣла; тяжущіеся обязаны были вести себя благопристойно и вѣжливо, и подвергались въ противномъ случаѣ строгому наказанію (*X.* 105.). Прошеніе истца прочитывалось отвѣтчику, который былъ обязанъ отвѣчать на оное. (*X.* 101. 102.). Рѣчи ихъ записывались слово въ слово, безъ всякой прибавки и убавки; къ симъ запискамъ они прилагали руки, и изъ сихъ записокъ подъячіе писали дѣло на бѣло, за скрѣпою Дьяка. (*X.* 11. 12. 13). Производители дѣла подвергались пени по двѣ гривны въ день, за медленность въ производствѣ дѣла (*X.* 16). Соображая записанныя рѣчи тяжущихся съ закономъ, судьи произносили рѣшеніе (*X.* 1. 12). Въ случаѣ неудовольствія, тяжущіеся требовали пересмотра дѣла, которое переносилось на судъ всѣхъ Бояръ, въ Думную Палату. (*X.* 2. 7. 10. 14. 15. 16. 20. *XII.* 2. *XV.* 5). Неправильное и несправедливое рѣшеніе уничтожалось, а судьи подвергались наказанію, какъ сказано выше въ правѣ уголовномъ. Если неправильность рѣшенія произошла не отъ умы-

сла и намѣренія, но только отъ незнанія и нерадѣнія судьи, то онъ предавался воли Царя. (*X.* 10).

Судовыя издержки были довольно значительны, онѣ особенно составлялись изъ различныхъ пошлинъ за судебныя дѣйствія. Пошлинъ взыскивалось по гривнѣ съ рубля, *пересуду* — по шести алтынъ и четыре деньги, да еще четыре деньги *праваго десятка* (*X.* 124); всѣ сіи суммы взыскивались съ виновныхъ и поступали въ Царскую казну (*X.* 127.). Кромѣ сего тяжущіеся платили издержки на поѣзды присутствующихъ (*X.* 119. 140—148.), пошлины съ зазывныхъ къ суду грамотъ (*X.* 114—118), и пр.

Изобразивъ въ общемъ начертаніи порядокъ гражданскаго судопроизводства, перейдемъ къ частностямъ. Когда отвѣтчикъ подавалъ прошеніе на истца въ одно съ нимъ время, то судъ сихъ двухъ тяжбъ именовался *встрѣчнымъ*. (*XII.* 3. *XIII.* 2. *XXIII.* 2.). Онъ производился на общемъ основаніи, въ томъ приказѣ, куда было подано прошеніе отвѣтчика (*XII.* 3. *XIII.* 2. *XXIII.* 2.). Вотчинное судопроизводство имѣло ту особенность, что челобитчикъ, просившій дачи ему въ помѣстье порожней земли, лишался иска, если не имѣлъ по дѣлу хожденія въ теченіи трехъ мѣсяцевъ, а между тѣмъ другой просилъ о той же землѣ (*XXI.* 64). О принадлежности вотчинъ розыскивалось дачами и писцовыми книгами. (*XVII.* 25). Судопроизвод-

ство по ремесламъ давало средства иска противъ ремесленниковъ: мастеровый, испортившій данный ему для обработки товаръ, уплачивалъ убытки хозяину товара (*X.* 272. 273.). Третейскій Судъ избирался тяжущимися по обоюдному согласію; въ случаѣ единогласнаго рѣшенія, оно непремѣнно исполнялось; въ случаѣ разногласія, дѣло поступало въ приказы (*XV.* 5.). Межевое судопроизводство основывалось на писцовыхъ книгахъ, на актахъ крѣпостныхъ, на показаніяхъ старожиловъ и сосѣдей (*X.* 235. *XVII.* 51). Когда не было доказательствъ, то споръ разрѣшался образнымъ хожденіемъ, которое доставалось истцу или отвѣтчику по жеребью (*X.* 236, *XVII.* 52,). Судопроизводство по откупамъ отличалось тѣмъ, что откупщики, по подаваемымъ противъ нихъ искамъ, неподвергались суду въ теченіи года (*XVIII.* 23). Когда при пересмотрѣ дѣла Боярами въ Палатѣ, оказывались недостатки въ его производствѣ, то давался *судъ съ головы*, то есть судъ начинался съ начала (*X.* 10.).

Уголовныя дѣла ввѣрялись особымъ Чиновникамъ, кои назывались Губными старостами и цѣловальниками (*XXI.* 3.). Преступленія чинимыя въ Москвѣ, судились въ Московскомъ Земскомъ Дворѣ, а преступленія, чинимыя въ городахъ и уѣздахъ, судились въ Разбойномъ Приказѣ (*XXI.* 1. 2). Преступленія открывались или уголовными Чиновниками (*XXI.* 5.) или доно-

сами. Никто не могъ скрывать преступленія, подъ опасеніемъ того же наказанія, какому подлежалъ самъ преступникъ (*II.* 6. 9. 18. 19. *VI.* 6.). Для достовѣрности доносовъ, ложные наказывались тѣмъ, чему подвергался оговоренный (*II* 13. *XXI.* 48). Въ случаѣ открытія преступленія, виновный задерживался или уголовными Чиновниками или частными людьми, кои обязаны были, подъ страхомъ тѣлесной казни кнутомъ, способствовать въ поимкѣ преступника (*XXI.* 59). Не дозволялось укрывать преступниковъ, дабы уголовное правосудіе могло исполнять свое дѣло (*XXI.* 78. 79. 80.). Имѣніе преступниковъ описывалось (*XXI.* 55). Изслѣдованіе дѣла производилось очными ставками и пытками. Когда очными ставками не совершенно объясняли дѣло, то производили повальный обыскъ (*XXI.* 35.). Если обыскные люди оправдывали обвиненнаго, то онъ освобождался на ихъ поруку и они отвѣчали за него въ случаѣ вторичнаго преступленія (*XX.* 36). Когда одна половина обыскныхъ одобряла, а другая очерняла обвиненнаго, или когда никто не зналъ его, то прибѣгали къ пыткѣ для исторженія признанія (*XXI.* 38. 42.). Какими орудіями она производилась, сколько разъ повторялась—вотъ предметы, о коихъ Уложеніе умалчиваетъ. Степень и орудіе пытки предоставлялись слѣдователямъ дѣла:—злоупотребленіе, влекшее часто за собою несправедливости и лицепріятіе. Когда престу-

тленіе такимъ образомъ изслѣдовалось и открывалась невинность или виновность сужденнаго, судьи опредѣляли родъ преступленія и произносили приговоръ, основываясь на законѣ (*X.* 1). Исполненіе приговора поручалось губнымъ старостамъ и цѣловальникамъ (*XXI.* 3). При семъ слѣдуетъ замѣтить, что имѣніе преступника удовлетворяло убытки истца; сіе удовлетвореніе называлось вытью (*XXI.* 22. 27).

Духовному суду подлежало духовенство, и, кромѣ него, дѣла о прелюбодѣяніи съ крѣпостными женками или дѣвками (*XX.* 80). Въ Патріаршемъ Приказѣ судились патріаршіе приказные, дворовые люди, дѣти Боярскіе, крестьяне и вообще всѣ лица, жившія въ Патріашихъ домовыхъ вотчинахъ (*XII.* 1). Въ случаѣ неудовольствія, дѣла изъ Патріаршаго Приказа поступали на разсмотрѣніе Боярь (*XII.* 2). Всѣ прочія духовныя и принадлежащія духовенству лица подвержены Уложеніемъ суду Монастырскаго Приказа (*XIII.* 1). До Уложенія, лица сіи не имѣли особливаго вѣдомства. Дѣла о прелюбодѣяніи отсылались, въ Москвѣ—къ Патріаршимъ приказнымъ, а въ городахъ—къ приказнымъ Митрополитовъ или Архіепископовъ (*XX.* 80).

Духовный судъ поддерживался и мѣрами наказательными. Онъ отдавалъ Архимандритовъ, Игуменовъ, Священниковъ и Діаконовъ для смиренія къ Патріарху или другимъ духовнымъ начальникамъ (*X.* 162); отлучалъ клятвопреступ-

никовъ отъ церкви (*XIV.* 10), и назначалъ наказанія, по своему усмотрѣнію, по преступленіямъ: ложнаго постриженія (*XX.* 67), прелюбодѣянія (*XX.* 80), дѣтоубійства (*XXII.* 3), и отпаденія отъ Православія (*XXII.* 24). (101).

ГЛАВА ВОСЬМАЯ.

О характерѣ Уложенія.

Разсмотрѣвъ, хотя кратко, содержаніе Уложенія, можемъ теперь судить объ его характерѣ. Сіе сужденіе тѣмъ важнѣе, что оно опредѣляетъ характеръ всего нашего отечественнаго законодательства.

Характеръ Уложенія представляетъ два отличительные признака, которые проявляются въ каждой статьѣ разсматриваемой законной книги. Первый есть истинно-евангельская кротость правилъ Уложенія; второй — неумолимо-суровая свирѣпость мѣръ понужденія или наказанія.

Первый элементъ характера Уложенія развивается въ цѣломъ твореніи, какъ душа въ тѣлѣ; имъ смягчаются предписанія закона, имъ дышетъ Уложенное правосудіе. Въ подтвержденіе сего достаточно указать на нѣкоторыя мѣста, въ коихъ особенно ясно выражается сія кротость, составляющая, по мнѣнію моему, отличительную черту Уложенія. Съ какимъ

отеческимъ чувствомъ любви къ человѣчеству, предписываетъ Уложеніе искупленіе плѣнныхъ: *Не пощадите злата и сребра брата ради, но искупите его . . . . Больши бо тая любве никто же ни иматъ, аще кто душу свою положитъ по братіи своей; (и потомъ прибавляетъ:) И того ради Христова слова благочестивымъ Царемъ и всѣмъ православнымъ христіаномъ не только плѣнныхъ окупати, но и душу свою за нихъ полагати достойно.* (*VIII.* 1). Сіи слова доказываютъ высокое понятіе о человѣкѣ! Счастливы тѣ Государства, въ коихъ потеря одного гражданина почитается бѣдствіемъ общественнымъ. Но Уложеніе заботилось не только о физическомъ, но и о нравственномъ сохраненіи человѣка. Оно не допускало девятнадцатилѣтняго къ присягѣ, дабы онъ, по неопытности своей, не осквернилъ бытія своего клятвопреступленіемъ (*XIV.* 1. 2).

Допуская совершеннолѣтнихъ къ присягѣ, Уложеніе повелѣвало читать имъ выписку о крестномъ цѣлованіи изъ правилъ Святыхъ Отцевъ, въ которой кратко и ясно описывались важность и слѣдствія присяги, дабы отвлечь присягающаго неправдою отъ преступленія (*XIV* 10). Уложеніе ненавидѣло неблагодарности, запрещало ее и наказывало (*XVI.* 9). Какъ Евангеліе, оно покровительствовало малолѣтнымъ, дозволяя имъ собственную защиту по пришествіи въ совершеннолѣтіе (*XVI.* 54). Даже обиженныхъ

матерью природою, Уложеніе принимало подъ свою защиту: ходатайствовало за глухихъ и нѣмымъ, кои могли быть оскорблены по тѣлеснымъ своимъ недостаткамъ (*XVII.* 15). Запрещая порочныя страсти, оно предписывало забвеніе зла и наказывало мщеніе, прикрывая щитомъ закона безгласныхъ и безсильныхъ (*XX.* 92). Вдохновенное священными правилами Божественнаго писанія, Уложеніе, съ кротостію, милостію и любовію, предостерегало гражданина отъ преступленія, порока и заблужденія.

Но когда непослушная воля противилась кроткимъ его увѣщаніямъ, когда порокъ не склонялся предъ нимъ въ раскаяніи: тогда Уложеніе являлось неумолимо-суровымъ, принимало свирѣпыя мѣры понужденія къ послушанію. Сія строгая свирѣпость мѣръ Уложенія, составляющая второй основный элементъ его характера, постоянно проявляется во всѣхъ случаяхъ, въ коихъ оскорбленный непослушаніемъ законъ требуетъ наказанія. Гражданинъ похищаетъ жизнь у гражданина:—законъ требуетъ крови преступника; судья, по расчетамъ корысти или дружбы, лживитъ бумаги судебныя: — законъ отсѣкаетъ ему руку, какъ орудіе преступленія; мошенникъ выливаетъ фальшивую монету: — законъ заливаетъ ему горло растопленнымъ металломъ, желая утолить жажду злата; злодѣй отсѣкъ ухо личному врагу своему: — законъ требуетъ собственнаго его уха, дабы онъ могъ

почувствовать всю мѣру своего преступленія; зажигатель истребляетъ домъ или село: — законъ предаетъ его огню, для очищенія. Мѣры Уложенія свирѣпы, но свирѣпы только для виновныхъ, для непокорныхъ; словомъ: Уложеніе было кротко, милостиво, когда его слушали; оно было сурово, свирѣпо, когда его раздражали непослушаніемъ или непокорностію.

Таковъ характеръ Уложенія. Очевидно, что онъ есть выраженіе нашего отечественнаго характера. Русскій тихъ, добръ, снисходителенъ, когда находится въ спокойномъ духѣ. (102). Трудно поколебать кроткое его равнодушіе; но когда онъ выведенъ изъ терпѣнія, когда онъ раздраженъ, то становится суровымъ, свирѣпымъ, не полагаетъ границъ своему гнѣву, не знаетъ предѣловъ своей ярости (103). Сей народный отечественный характеръ вполнѣ выразился въ Уложеніи, какъ въ произведеніи отечественномъ, народномъ.

Такимъ образомъ первый элементъ характера Уложенія условился отечественнымъ народнымъ характеромъ; второй произошелъ также отъ сей причины и условился характеромъ времени. И такъ какъ характеръ Русскій пребылъ до сихъ поръ постояннымъ, то и первый элементъ характера Уложенія сохранился до сихъ поръ въ законодательствѣ нашемъ. Дѣйствительно, при всѣхъ измѣненіяхъ и дополненіяхъ Уложенія, въ теченіи цѣлаго столѣтія,

всѣ нововведенія дышатъ тою же кротостію, тою любовію къ человѣчеству, какими ознаменованы правила Уложенія. Но второй элементъ Уложеннаго характера, будучи выраженіемъ преходящихъ обстоятельствъ, временныхъ потребностей вѣка, измѣнился, *прешелъ*, и исчезъ въ законодательствѣ нашемъ, какъ измѣнились, прешли и изчезли преходящія обстоятельства, временныя потребности вѣка, отъ коего заимствовало Уложеніе суровую свирѣпость мѣръ побужденія или наказанія. Въ самомъ дѣлѣ, вскорѣ послѣ изданія Уложенія, смертная казнь значительно смягчена (104), изувѣченіе отмѣнено, закапаніе живыхъ въ землю совершенно уничтожено (105), но осталась неумолимая строгость закона, (106) которая навсегда пребудетъ неизмѣнною, ибо выражаетъ одну сторону отечественнаго народнаго характера, твердаго, постояннаго и неизмѣняющагося. Не смотря на всѣ клеветы иностраннаго сословія, Русскій XIX столѣтія также твердъ, добръ, кротокъ, снисходителенъ, терпѣливъ, какъ и Русскій временъ Великокняжескихъ; равномѣрно не смотря на разсужденія мѣлочныхъ юристовъ, правила отечественнаго законодательства XIX столѣтія также кротки, снисходительны, человѣколюбивы, какъ и правила Уложенія, съ тою только разницею, что свирѣпая суровость карательныхъ мѣръ Уложенія, родившаяся отъ обстоятельствъ времени, нынѣ, въ слѣдствіе

другихъ требованій вѣка, изчезла и никогда не возвратится. (107)

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ.

О послѣдствіяхъ Уложенія.

Всякое великое дѣло имѣетъ бо́льшія или меньшія послѣдствія и дѣйствуетъ только въ извѣстномъ кругѣ. Кругъ дѣйствій Уложенія ограничивался Россіею, и вліяніе его было двояко: на Россію и на законодательство Русское.

Уложеніе долженствовало устроить государственный бытъ Россіи, водворить въ ней тишину и порядокъ гражданскій. Сіе устройство не могло послѣдовать мгновенно при изданіи Уложенія, по причинѣ сильнаго разстройства. По сему, послѣ изданія Уложенія, встрѣчаемъ еще безпорядки всякаго рода. Видимъ еще слабость Монархизма въ такой степени, что онъ былъ принужденъ, въ бунтѣ народномъ, выдать невинныхъ окольничихъ на жертву черни и не могъ воспрепятствовать ихъ казни (108). Находимъ слѣды властолюбія Бояръ въ поступкахъ знаменитаго Пожарскаго, Зюзина, Ромодановскихъ, которые, по расчетамъ мѣстничества, открыто и явно не покорялись воли Царской и не исполняли повелѣній Государевыхъ (109). Также въ низшихъ сословіяхъ замѣтны

остатки своеволія и буйства, кои проявлялись въ безпрестанныхъ возстаніяхъ Самозванцевъ, въ бунтахъ Московскомъ, Новгородскомъ, Псковскомъ (110). Даже Духовная Власть вступала въ борьбу съ Единодержавіемъ, искала участія въ государственномъ управленіи, и Никонъ, въ убогой одеждѣ чернеца, девять лѣтъ безпрерывно противустоялъ Самодержцу Россіи (111). Но безпорядки сіи не могли быть предупреждены Уложеніемъ, ибо они состояли внѣ круга его дѣятельности и происходили отъ особыхъ причинъ, силѣ Уложенія не подлежавшихъ. Непокорность Бояръ происходила отъ закоснѣлаго предразсудка, который, во время Уложенія, не почитался преступленіемъ, хотя запрещался волею Монарха: Уложеніе не говоритъ о мѣстничествѣ, что показываетъ, что сія нелѣпость считалась принадлежностію высшихъ сословій. Бунты народные происходили, по большой части, отъ несправедливыхъ и обременительныхъ мѣръ, независѣвшихъ отъ Уложенія. Борьба Патріарха съ Царемъ имѣла основаніемъ силу духовенства въ народѣ, которой не возможно было низпровергнуть одною статьею Уложенія. Изъ сего слѣдуетъ, что государственные безпорядки, случившіеся послѣ изданія Уложенія, не могутъ быть отнесены къ его недостаткамъ или дурнымъ распоряженіямъ. Можно сказать, основываясь на словахъ очевидца, что до Уложенія законы худо исполнялись, даже въ

самое время ихъ изданія (112); послѣ Уложенія, никто не укоряетъ закона въ бездѣйствіи и безсиліи; напротивъ того, Исторія не даетъ ни малѣйшаго повода къ сомнѣнію въ его дѣйствіи и силѣ; она не говоритъ ни о какихъ безпорядкахъ, къ прекращенію коихъ должно было содѣйствовать Уложеніе; она не представляетъ никакаго разстройства въ семейственномъ и гражданскомъ быту — и сей благодѣтельный переворотъ необходимо долженъ быть приписанъ вліянію Уложенія.

Не менѣе важно вліяніе, оказанное Уложеніемъ на бытъ народный. Выставляя любовь къ человѣчеству постояннымъ правиломъ Монарха и гражданъ, оно пріуготовило значительное измѣненіе въ народныхъ понятіяхъ. Опираясь на Уложеніе, Петръ Великій уничтожилъ слово *холопъ* (113); по его примѣру, Екатерина изгнала слово *рабъ* (114) — и хотя по видимому здѣсь рѣчь идетъ только о словахъ, однакоже никто не станетъ опровергать важныхъ улучшеній, отъ сего происшекшихъ въ гражданскомъ быту: съ симъ измѣненіемъ двухъ словъ развилась въ отечествѣ нашемъ идея о человѣчествѣ и улучшилась участь цѣлыхъ милліоновъ.

Третьимъ важнымъ дѣломъ Уложенія было пріуготовленіе уничтоженія Патріаршей власти. Ограничивъ ее въ отношеніи къ праву

собственности, оно не могло коснуться личности Патріарха. Но ограниченіе Патріаршества, введенное Уложеніемъ, дало поводъ и средства Петру Великому—соединить свѣтскую и духовную власть въ одной рукѣ Россійскаго Самодержца. Сколь важно было сіе соединеніе! Достаточно указать на Никона. Власть Патріарха была, въ случаѣ несогласія его съ Царемъ, самымъ опаснымъ орудіемъ противъ благихъ намѣреній Монарха. Скажемъ болѣе: Петръ Великій не образовалъ бы отечества, еслибъ Уложеніе не ограничило власти духовной; ибо, въ случаѣ сопротивленія Патріарха, съ прежними, *до-уложенными* его средствами, нововведенія никогда не пустили бы корня на почвѣ отечественной.

Вліяніе Уложенія на законодательство Русское еще значительнѣе, и послѣдствія сего вліянія тѣмъ важнѣе, что онѣ никогда уже не изгладятся изъ нашихъ книгъ законныхъ. Уложеніе ввело въ законодательство наше идею равно-справедливаго для всѣхъ гражданъ суда, и посему уже навсегда останется драгоцѣннымъ и памятнымъ каждому Россіянину. Все отечественное законодательство, съ 1649 по 1832 годъ есть не что иное, какъ распространеніе и дополненіе Уложенія, сообразное съ требованіями вѣка. И хотя временныя распоряженія Уложенія теперь не имѣтъ силы, но вѣчныя

юридическія истины Уложенія, его кротость, его любовь къ человѣчеству сохраняются настоящимъ нашимъ правомъ, какъ наслѣдіе предковъ. Измѣненія и дополненія, произведенныя въ Уложеніи, многочисленны и многоразличны, но всѣ оживлены однимъ духомъ; и сіе единство происходитъ именно отъ того, что Уложеніе до сихъ поръ принимается и не можетъ не приниматься основаніемъ нашего Права.

Кромѣ сего, благодѣтельное вліяніе Уложенія на отечественное право выражается и въ постоянномъ стремленіи Верховной Власти къ устройству наружной формы Россійскаго законодательства. Съ Петра Великаго до нынѣ Царствующаго Императора, Всѣ Самодержцы старались о составленіи Кодекса или Сводовъ, съ бо̀льшимъ или меньшимъ успѣхомъ. (115) Сіе постоянное стремленіе приведетъ наконецъ къ совершенію давно желаннаго улучшенія во внѣшней формѣ отечественнаго Права. Еслибъ оно не было просто дополненіемъ Уложенія, то не было бы и сего стремленія къ кодексамъ, къ сводамъ. Мы пребыли бы въ покоѣ, какъ Англичане. Но у насъ Кодексъ есть, существуетъ, только раздробленный въ особыхъ постановленіяхъ, дополняющихъ или измѣняющихъ Уложеніе. Собрать и разобрать сіи постановленія — вотъ дѣло Историка Русскаго Права. Если онъ приметъ за основаніе — Уложеніе Царя Алексѣя

Михайловича, и покажетъ, когда и почему измѣнялось и дополнялось Уложеніе, и какъ оно измѣнилось и дополнилось въ настоящій моментъ, то онъ представитъ полную Исторію настоящаго отечественнаго законодательства.

ПРИМѢЧАНІЯ.

1.) Достаточно заглянуть въ Псковскую Лѣтопись, чтобы убѣдиться, какъ сильно Псковитяне чувствовали всю важность блага, отнятаго у нихъ Царемъ Василіемъ. Описывая ужасъ соотечественниковъ при извѣстіи о рѣшительномъ намѣреніи Василія, Псковской Лѣтописецъ такъ изъясняетъ причину Псковской покорности: *Вспомянуше крѣстное цѣлованіе*, что *не мощно на Государя руки поднятии, ни воздвигнути противъ Великаго Князя. . . . . послаша гонца Евстафія Сотцкаго бити челомъ со слезами . . . . .* (Псков. лѣтоп. Смотр. Сѣв. Архивъ 1822. № 15 стр. 194). И такъ все чувство самоохраненія Псковитянъ выразилось въ слезахъ и моленіяхъ, безъ всякаго буйства и непокорнаго отказа въ требованіи Великаго Князя. Примѣрная, *истинно-Русская* преданность къ законному Монарху!

2.) Исторіографъ Карамзинъ такъ описываетъ сіе трогательное явленіе любви народной къ Царю: „3 Генваря вручили Митрополиту Іоаннову грамоту, присланную съ чиновникомъ Константиномъ Поливановымъ. Государь описывалъ въ ней всѣ мятежи, неустройство, беззаконія Боярскаго правленія во время его малолѣтства; доказалъ, что и Вельможи и Приказные люди расхищали тогда казну, земли, помѣстья Государевы; радѣли о своемъ богатствѣ, забывая отечество; что сей духъ въ нихъ не измѣнился; что они не престаютъ злодѣйствовать; Вое-

воды не хотятъ быть защитниками Христіанъ, удаляются отъ службы, даютъ Хану, Литвѣ, Нѣмцамъ терзать Россію; а если Государь, движимый правосудіемъ, объявляетъ гнѣвъ недостойнымъ Боярамъ и чиновникамъ, то Митрополитъ и духовенство вступаются за виновныхъ, грубятъ, стужаютъ ему. «Въ слѣд»ствіе чего» — писалъ Іоаннъ — »не хотя тер»пѣть вашихъ измѣнъ, мы отъ великой жало»сти сердца оставили Государство и поѣхали, »куда Богъ укажетъ намъ путь.« — Другую грамоту прислалъ онъ къ гостямъ, купцамъ и мѣщанамъ: Дьяки Бутило Михайловъ и Андрей Васильевъ въ собраніи народа читали оную всенгласно; Царь увѣрялъ добрыхъ Москвитянъ въ своей милости, сказывая, что опала и гнѣвъ его не касаются народа.

Столица пришла въ ужасъ: безначаліе казалось всѣмъ еще страшнѣе тиранства. »Государь насъ оставилъ! вопилъ народъ: мы гибнемъ! »Кто будетъ нашимъ защитникомъ въ войнахъ »съ иноплеменными? Какъ могутъ быть овцы »безъ пастыря?« Духовенство, Бояре, сановники, Приказные люди, проливая слезы, требовали отъ Митрополита, чтобы онъ умилостивилъ Іоанна, никого не жалѣя и ничего не страшася. Всѣ говорили ему одно: »Пусть Царь ка»знитъ своихъ лиходѣевъ: въ животѣ и въ смер»ти воля его; но Царство да не останется безъ »Главы! Онъ нашъ Владыка, Богомъ данный:

»инаго не вѣдаемъ. Мы всѣ, съ своими головами, »ѣдемъ за тобою бить челомъ Государю и пла»каться.« То же говорили купцы и мѣщане, прибавляя:» Пусть Царь укажетъ намъ своихъ »измѣнниковъ: мы сами истребимъ ихъ!« Митрополитъ не медленно хотѣлъ ѣхать къ Царю; но въ общемъ совѣтѣ положили, чтобы Архипастырь остался блюсти столицу, которая была въ неописанномъ смятеніи. Всѣ дѣла пресѣклись; суды, Приказы, лавки, караульни опустѣли. Избрали главными Послами Святителя Новогородскаго Пимена и Чудовскаго Архимандрита Левкія; но за ними отправились и всѣ другіе Епископы: Никандръ Ростовскій, Елевѳерій Суздальскій, Филоѳей Рязанскій, Матѳей Крутицкій, Архимандриты Троицкій, Симоновскій, Спасскій, Андрониковскій; за Духовенствомъ Вельможи, Князья Иванъ Дмитріевичъ Бѣльскій, Иванъ Ѳедоровичъ Мстиславскій, — всѣ Бояре, Окольничіе, Дворяне и Приказные люди, прямо изъ палатъ Митрополитовыхъ, не заѣхавъ къ себѣ въ домы, также и многіе гости, купцы, мѣщане, чтобы ударить челомъ Государю и плакаться.

Святители остановились въ Слотинѣ, пославъ доложить о себѣ Іоанну: онъ велѣлъ имъ ѣхать въ Александровскую Слободу съ приставами, и 5 Генваря впустилъ ихъ во дворецъ. Сказавъ Царю благословеніе отъ Митрополита, Епископы слезно молили его снять опалу съ

Духовенства, съ Вельможъ, Дворянъ, Приказныхъ людей, не оставлять Государства, царствовать и дѣйствовать, какъ ему угодно; молили наконецъ, чтобы онъ дозволилъ Боярамъ видѣть очи Царскія. Іоаннъ впустилъ и Бояръ, которые съ такимъ же умиленіемъ, съ такою же силою убѣждали Царя сжалиться надъ Россіею, возвеличенною его побѣдами и мудрыми уставами, славною мужествомъ ея народа, многочисленною сокровищами Природы, еще славнѣйшею благовѣріемъ. — »Когда — сказали »вмѣстѣ и Духовные и Государственные сановники — когда ты не уважаешь мірскаго величія »славы, то вспомни, что оставляя Москву, »оставляешь святыню храмовъ, гдѣ совершились »чудеса Божественной къ тебѣ милости, гдѣ »лежатъ цѣлебныя мощи Угодниковъ Христо»выхъ. Вспомни, что ты блюститель не только »Государства, но и Церкви: первый, единствен»ный Монархъ Православія! Если удалишься, кто »спасетъ истину, чистоту нашей Вѣры? Кто »спасетъ милліоны душъ отъ гибели вѣчной«? — Царь отвѣтствовалъ съ своимъ обыкновеннымъ многорѣчіемъ: повторилъ всѣ извѣстные упреки Боярамъ въ ихъ своевольствѣ, нерадѣніи, строптивости; ссылался на Исторію; доказывалъ, что они издревле были виновниками кровопролитія, междоусобія въ Россіи, издревле врагами Державныхъ наслѣдниковъ Мономаховыхъ: хотѣли (обвиненіе новое) извести Царя, супругу,

сыновей его. . . . Бояре безмольствовали. «По«— »продолжалъ Царь — для отца моего, Митропо»лита Аѳанасія,—для васъ, богомольцевъ нашихъ, »Архіепископовъ и Епископовъ, соглашаюсь па»ки взять свои Государства; а на какихъ усло»віяхъ, вы узнаете.« Условія состояли въ томъ, чтобы Іоанну невозбранно казнить измѣнниковъ, опалою, смертію, лишеніемъ достояній, безъ всякаго стуженія, безъ всякихъ претительныхъ докукъ со стороны Духовенства. Въ сихъ десяти словахъ Іоаннъ изрекъ гибель многимъ Боярамъ, которые предъ нимъ стояли: казалось, никто изъ нихъ не думалъ о своей жизни; хотѣли единственно возвратить Царя Царству —и всѣ со слезами благодарили, славили Іоаннову милость, Вельможи и Духовенство, у коего отнималъ Государь древнее, святое право ходатайствовать не только за невинныхъ, но и за виновныхъ, еще достойныхъ милосердія! » (Ист. Гос. Росс. IX. стр. 75 — 79).

3.) Нельзя порицать Годунова за гоненія, оказанныя противъ Бояръ, хотя можно укорять за слабость къ народу. Ненависть его къ Вельможамъ происходила не отъ злобы душевной, но отъ самаго затруднительнаго его положенія на престолѣ, на который Годуновъ вступилъ не по праву наслѣдія.

4.) Бѣльскій былъ лишенъ имѣнія, бороды и заточенъ, по прихоти Борисовой. Знаменитое семейство Романовыхъ сослано въ ссылку въ

разные города; нѣкоторые изъ его Членовъ пострижены въ иноки, и лишены имѣнія. Черкаскіе сосланы одинъ на Бѣлоозеро, другой въ Вятку; Рѣпнины, Карповы, Сицкіе и другіе Вельможи заключены въ темницы. (Карамз. Истр. Рос. Т. XI. стр. 100 — 105). Одно подозрѣніе противъ Боярина признавалось уже достаточнымъ обвиненіемъ и влекло за собою казнь.

5.) Депутація, выбранная изъ знаменитѣйшихъ Думныхъ Бояръ, была отправлена изъ Москвы къ Самозванцу въ Тулу (въ 1605). Она состояла изъ Воротынскаго и Телятевскаго и должна была испросить прощенія Москвѣ у Отрепьева. Вмѣстѣ съ Депутаціею представились къ Димитрію простые Донскіе Казаки; къ симъ послѣднимъ сперва обратился Отрепьевъ, и потомъ уже къ Боярамъ, что подало Казакамъ поводъ къ насмѣшкамъ и укоризнамъ противъ пристыженныхъ Бояръ (Никон. Лѣт. 68).

6.) Исторіографъ Карамзинъ сомнѣвался въ подлинности Акта, коимъ Шуйскій возобновилъ дѣйствіе закона 1593 года о крестьянахъ. Сомнѣніе сіе не основано ни на какой достаточно-убѣдительной причинѣ. Напротивъ, если вникнуть обстоятельнѣе въ ходъ XVII столѣтія въ Россіи, то ясно видно, что такое возобновленіе постановленія, для Бояръ благопріятнаго, должно было естественно послѣдовать при Государѣ, возведенномъ на престолъ Боярами и сидѣвшемъ на ономъ только силою

Бояръ. Годуновъ и Отрепьевъ, стараясь привлечь къ себѣ народъ, распространяли его преимущества; Шуйскій, дѣйствуя на пользу Бояръ, стѣснялъ права народа. Отъ чего же происходило сомнѣніе Исторіографа? Можетъ быть отъ того, что сей Актъ не сохранился въ Государственныхъ Архивахъ, но одна рукопись, въ безпрерывныхъ смутахъ, бунтахъ, пожарахъ и грабежахъ, легко могла утратиться.

7.) См. Статейную Книгу, напечатанную въ Сѣв. Арх. 1822. № 23. стр. 340.

8.) Вотъ подлинныя слова Императрицы Екатерины: »Le stile du Code du Czar Alexei Michaelovitch, de glorieuse mémoire, est presque partout clair, net et concis: on en entend avec plaisir citer des passages; personne ne se trompe au sens de ce qu'il entend; les termes en sont à la portée de l'esprit le plus médiocre. (Нак. 1767 Іюля 30. § 457; въ Полномъ Собраніи Законовъ № 12949) »Слогъ Уложенія блаженныя памяти Царя Алексѣя Михайловича, почти вездѣ ясенъ, простъ и кратокъ; съ удовольствіемъ слушаешь изъ него выписки; никто не ошибается въ смыслѣ того, что слышетъ; его выраженія понятны самому посредственному уму.„ — Сія тонкая похвала подтверждаетъ мысль мою, въ IV Главѣ изъясненную, что Уложеніе не есть Кодексъ, не только *Сводъ*. Если бъ Императрица почитала Уложеніе Кодексомъ, то вѣрно обратила бы особенное вниманіе на расположеніе и содер-

жаніе; но она занялась только изложеніемъ (слогомъ), потому что въ *Сводѣ* только одно изложеніе можетъ заслужить одобреніе или порицаніе, ибо содержаніе и расположеніе условливаются *сводимыми* матеріалами. Разсмотрѣвъ Уложеніе, Императрица повелѣла хранить его тщательно, а для лучшаго его сохраненія приказала сдѣлать Ковчегъ. (Им. Ук. 1767. Апрѣл. 20. Пол. Собр. Зак. Том. XVIII стр. 92. № 12877).

9.) Царю Алексѣю Михайловичу былъ только двадцатый годъ, а царствованію его третій, когда сей державный юноша предпринялъ составленіе Уложенія. (См. пред. Улож.).

10.) Выраженіе подлинника здѣсь сохранено и удержано потому, что оно понятно. Притомъ же слово: *пристойны* выразительнѣе и общѣе слова: *приличны* или всякаго другаго, которымъ можно его замѣнить.

11.) *Справить* значитъ *свѣрить*. Идея Царя состояла въ томъ, чтобы, свѣривъ настоящія узаконенія съ прежними, открыть лучшія и *къ Государственнымъ и земскимъ дѣламъ пристойнѣйшія*. Нынѣ законовѣдцы наши, въ семъ смыслѣ, употребляютъ слово *свести*, отъ чего произошло слово *Сводъ*, означающее сравнительно-соединительное изложеніе старыхъ и новыхъ законовъ.

12.) Не имѣя никакихъ бумагъ о производствѣ работъ по составленію Уложенія, кромѣ

подлиннаго проэкта, поднесеннаго Одоевскимъ Царю Алексѣю Михайловичу и вполнѣ утвержденнаго, мы не можемъ утвердительно сказать о какихъ статьяхъ здѣсь говорится. Можно догадываться, что подъ сими статьями разумѣются случаи (говоря языкомъ приказнымъ: казусы), встрѣтившіеся въ три первые года царствованія Царя Алексѣя Михайловича и еще не разрѣшенные ни Указами прежнихъ Царей, ни приговорами Бояръ. Догадка сія подтверждается самыми словами предисловія къ Уложенію:» А на которыя статьи *въ прошлыхъ годѣхъ прежнихъ Государей въ судебникахъ Указу не положено и Боярскихъ приговоровъ на тѣ статьи не было*; и тѣ бы статьи потому же написати и изложити по Его Государеву Указу общимъ совѣтомъ.» (См. Пол. Собр. Зак. Томъ I. стр. I.).

13.) Смотри выше примѣчаніе 11-е.

14.) Здѣсь кстати замѣтить, что введеніе новыхъ законовъ, составленныхъ умозрѣніемъ или занятыхъ у иноземцевъ, во всякомъ случаѣ болѣе вредно, чѣмъ полезно для Государства. Каковъ бы ни былъ законъ, онъ всегда имѣетъ силу и слѣдственно достигаетъ своей цѣли, когда мы родились при немъ и росли подъ его вліяніемъ. Мысль сія, весьма важная въ Государственномъ отношеніи, достойна большаго вниманія и представляетъ вопросъ еще не разрѣшенный самыми знатнѣйшими законовѣдцами.

Впрочемъ въ ней легко убѣдиться какъ умозрѣніемъ, такъ и опытомъ: стóитъ только обратиться къ Юридической Исторіи. Въ Англіи законы, самые несоотвѣтствующіе духу вѣка и народа, служатъ болѣе къ охраненію общественнаго благоустройства, чѣмъ во Франціи, гдѣ законы извлечены умозрѣніемъ изъ современныхъ элементовъ народнаго характера и требованій времени, но малодѣйствительны, ибо не врожденны, но такъ сказать *привиты* народу. Мысль о томъ, что всякій законъ хорошъ, когда исполняется, можетъ привести къ точному разрѣшенію множества юридическихъ вопросовъ, доселѣ темныхъ, не совсѣмъ понятныхъ и подлежащихъ спору.

15.) О Правилахъ Святыхъ Отцевъ подробно сказано въ Главѣ III, гдѣ говорится объ источникахъ Уложенія вообще и въ частности.

16.) Царь Василій Ивановичъ ревностно принималъ Греческіе обычаи отъ матери своей Софьи и отъ прибывшихъ съ нею Грековъ. Народъ, твердо привязанный ко всему отцовскому, къ старымъ нравамъ, повѣрьямъ и обыкновеніямъ, даже съ неудовольствіемъ смотрѣлъ на вводимыя Великимъ Княземъ Василіемъ новизны. Въ сохранившихся допросахъ по дѣлу Максима Грека (1523 года) читаемъ, что въ то время говорили Максиму:,, какъ пришла сюда мати Великаго Князя Софья съ вашими Греки, то земля наша замѣшалася, а доселѣ земля наша

Русская жила въ тишинѣ и въ миру; пришли нестроенія великіе, какъ и у васъ во Царѣгородѣ.,, (См. Ист. Гос. Рос. Том. 7. Примѣч. 346-е на стр. 83). Хотя Іоаннъ Грозный не оказывалъ особеннаго вниманія къ Грекамъ, но сѣмена, посѣянныя ими на Русской почвѣ въ царствованіе Василія, пустивъ глубоко корни, развивались болѣе и болѣе во времена Его наслѣдниковъ. Карамзинъ не опредѣлилъ степени ихъ развитія и никто еще не занялся симъ предметомъ съ надлежащею подробностію. Въ Главѣ объ источникахъ Уложенія, мы занялись имъ столько, сколько нужно было для нашего предмета, предоставляя Историкамъ дальнѣйшее развитіе и опредѣленіе вліянія Грековъ на Россію.

17.) Градскіе законы Греческихъ Царей, взятые изъ Базиликона, содержались въ Кормчей книгѣ вмѣстѣ съ Правилами Святыхъ Отцевъ и были соединены съ ними такъ тѣсно, что составляли во времена Царя Алексѣя Михайловича одно цѣлое, нераздѣльное твореніе. Посему—то и были они назначены въ составъ Уложенія.

18.) Г. Булгаринъ (въ сочиненіяхъ своихъ, Т. XII. стр. 170) говоритъ, что Грибоѣдовъ былъ Полякъ, вызванный къ составленію Уложенія изъ Польши, какъ мужъ искусный въ Законовѣдѣніи. Мнѣніе сіе утверждается единственно на томъ, что фамилія Грибоѣдовыхъ про-

исходитъ изъ Польши. Тоже повторилъ и Г. Дегай на 119 стр. *своихъ пособій къ изученію Россійскихъ законовъ,* безъ всякаго доказательства и подкрѣпленія своего мнѣнія. Издатель Телеграфа весьма основательно опровергаетъ сіе мнѣніе Гг. Булгарина и Дегая Грамотою 7146 (1639) года 23 Августа, справленною *Ѳедькою Грибоѣдовымъ.* (См. Телеграфъ 1831 № 14 стр. 275) Изъ сего видно, что Дьякъ сей за десять лѣтъ до составленія Уложенія служилъ въ Приказахъ въ Россіи и не былъ вызванъ изъ Польши. Сіе подверждается и тѣмъ, что самое прозвище (фамилія) Грибоѣдова чисто Русское и могло быть не Польское.

19.) Вотъ какъ отзывается сей Польскій современникъ Бояръ Царя Алексѣя Михайловича объ Одоевскомъ:„ . . . . По своему благоразумію и по благороднымъ чувствованіямъ, Князь Никита Ивановичъ Одоевскій достоенъ лучшей участи . . . . . онъ имѣетъ основательныя познанія въ Славянскомъ языкѣ и нѣкоторыя свѣдѣнія въ Исторіи Польской . . . . . . Одного Одоевскаго можно полагать основателемъ тридцатилѣтняго міра . . . . Еслибъ онъ имѣлъ теперь прежнюю твердость характера и крѣпость, то онъ одинъ былъ бы въ состояніи смягчать жестокость Правленія. Впрочемъ какъ одно или два пятна на лицѣ не затмѣваютъ красоты онаго, такъ и *превосходныя доблести* доного человѣка не могутъ покрыть пороковъ

другихъ Вельможъ. (Изъ рукописи, подъ заглавіемъ: Proceres maioris subsellii, vulgo Sclavonicâ linguâ Boiare Dumnoi appellati, quasi Palatini. Она напечатана въ Сѣв. Арх. 1825 част. 5 стр. 296).

20.) Въ предисловіи къ Уложенію Прозоровскій, Волконскій, Леонтьевъ и Грибоѣдовъ названы товарищами Одоевскаго. Г. Полевой, безъ всякихъ доказательныхъ причинъ, опорочиваетъ Князей Одоевскаго, Прозоровскаго и Волконскаго, говоря, что *они только сидѣли и толковали, а все дѣлали и писали Леонтьевъ* и Грибоѣдовъ. (См. Телеграфъ 1831. № 14 стр. 275). Начѣмъ основалъ сіе обвиненіе Г. Полевой? Развѣ только на томъ что они были Князья? — Обвиненіе сіе опровергается вышеприведеннымъ свидѣтельствомъ Поляка, котораго никакъ нельзя подозрѣвать въ пристрастіи и лести, по строгимъ и не слишкомъ лестнымъ его отзывамъ о прочихъ Боярахъ. Кромѣ сего, оно опровергается еще тѣмъ, что Волконскій пожалованъ изъ Окольничихъ въ Бояре за труды по составленію Уложенія. Если бы онъ только *сидѣлъ, толковалъ и ничего не дѣлалъ*, то не былъ бы удостоенъ отличнѣйшей въ то время награды и милости Царской. Подлинный проэктъ Уложенія, сохранившійся совершенно, писанъ тремя, очевидно различными почерками: вотъ еще доказательство, что не одни Леонтьевъ и Грибоѣдовъ писали Уложеніе.

21.) См. въ Полн. Собр. Зак. Ук. 1700. года Февраля 18. (№ 1765-) и 1719. Декаб. 9 (№ 3463). Изъ сихъ Указовъ видно сильное желаніе Петра Великаго поправить уложеніе и строгія мѣры побужденія къ исполненію сего желанія, которое не имѣло успѣха.

22.) См. въ Полн. Собр. Зак. Ук. 1754. Авг. 24. (№ 10283.) Сочиненіе новыхъ законовъ предпринято была Елисаветою (выражаюсь словами Указа) *по обстоятельству времени въ премѣненіи обычаевъ и нравовъ, по которымъ необходимо и перемѣна законовъ быть должна.* Но кажется сіе *премѣненіе обычаевъ и нравовъ* не было такъ сильно, какъ вообразилъ Шуваловъ.

23.) Изъ Указа 1763. Сентября 18 (въ Полн. Собр. Зак. № 11927) видно, что Члены Коммиссіи, учрежденной Императрицею Елисаветою, распущены потому, что они ничего не сдѣлали, кромѣ разбора нѣкоторыхъ Указовъ по матеріямъ, какъ сказано выше.

24.) См. въ Полн. Собр. Зак. Манифестъ 1766 года Декабр. 14-го № 12801. Если бы Манифестъ сей ближе касался къ нашему предмету, то мы выписали бы его вполнѣ, какъ замѣчательнѣйшій памятникъ царствованія Императрицы Екатерины.

25.) См. въ Полн. Собр. Зак. Ук. 1796 года Декабря 30 подъ № 16687. Симъ Указомъ Коммиссія Уложенная только переименована и пере-

дана Генералъ-Прокурору безъ всякаго существеннаго въ оной измѣненія.

26.) Такъ выразился нынѣ Царствующій Императоръ въ Именномъ Указѣ данномъ Князю Лопухину въ 31 день Генваря 1826 года. (Смотр. Второе собраніе Законовъ, № 114.) Любопытно было бы узнать въ подробности участь и постепенный ходъ Уложенныхъ Коммиссій въ Россіи, отъ Петра Великаго до Государя Императора Николая Павловича. Кажется, что исторія Уложенныхъ Коммиссій должна кончиться съ образованіемъ II Отдѣленія Собственной Его Величества Канцеляріи. Изданіемъ Полнаго Собранія Законовъ предвѣщается скорое достиженіе цѣли, для коей учреждено II-е Отдѣленіе. Развить причины, побуждавшія предпринимать сочиненіе новыхъ законовъ, и причины, затруднявшія успѣхъ Уложенныхъ Коммиссій—вотъ трудъ, достойный Законовѣдца! Онъ совершенно разкрылъ бы настоящее положеніе нашего Законодательства, его средства и потребности.

27.) Такъ сказано въ предисловіи къ Уложенію. См. Полн. Собр. Закон: Томъ I № I.

28.) Новгородъ былъ исключенъ изъ числа большихъ городовъ не потому, чтобы онъ почитался малымъ городомъ, но по особому своему устройству и раздѣленію на пятины.

29.) Для незнакомыхъ съ Русскими древностями скажемъ, что купцы гостинной и сукон-

ной сотенъ имѣли право внѣшней торговли, и соединенное съ нимъ право выѣзда за границу. Купцы суконной сотни такъ названы вѣроятно потому, что торговали преимущественно сукнами и шерстяными тканями.

30.) Купцы черныхъ сотенъ и слободъ и посадскіе производили только внутреннюю торговлю и ремесла, и были гораздо ниже купцовъ гостинной и суконной сотенъ.

31.) Всѣхъ подписавшихся подъ Уложеніемъ числомъ 1263 человѣка, изъ коихъ только 170 лично приложили руки; въ другихъ же 140 подписяхъ одинъ прикладывалъ руку за многихъ незнающихъ, такъ что есть одна подпись за 415 человѣкъ. Любопытно и то, что Одоевскій подписался ниже Прозоровскаго, хотя при составленіи Уложенія былъ старшимъ. Вѣроятно, что сюда вмѣшались расчеты Мѣстничества. (См. Телег. 1831. N° 7 стр. 419.)

32.) Уложеніе, напечатанное въ Полномъ Собр. Законовъ, свѣрено съ подлинникомъ, хранящимся въ Оружейной Палатѣ и издано отъ Правительства, а потому нельзя допустить сомнѣнія въ его тождественности съ подлинникомъ. Впрочемъ разности, замѣчаемыя въ изданіяхъ Уложенія, вообще ничтожны и маловажны.

33.) Дѣйствительно въ Уложеніи не замѣчается никакихъ противорѣчій, хотя оно сбивчиво по расположенію. Разбитыя его части соединяются въ главной идеѣ и отъ сей глав-

ной идеи, повсюду разлитой въ Уложеніи, происходитъ то единство, которое можетъ быть замѣчено самымъ недальновиднымъ окомъ.

34.) Исторія Правилъ Святыхъ Отцевъ весьма хорошо изложена въ ученомъ сочиненіи Барона Розенкампфа (см. обозрѣніе Кормчей книги). Сіе истинно-Европейское произведеніе, у насъ еще не оцѣненное, есть плодъ многотрудныхъ розысканій, и разсматриваетъ Исторію Римско-Греческаго Права со всѣхъ сторонъ, въ малѣйшихъ, даже утомительныхъ подробностяхъ. Желающіе узнать постепенный ходъ образованія и развитія Правилъ Святыхъ Отцевъ, могутъ читать подробности о семъ предметѣ въ показанномъ сочиненіи Барона Розенкампфа, на стр. 20 — 43.

35.) См. 12 Главу Кормчей книги.

36.) См. Обозрѣніе Кормчей книги, соч. Бар. Розенкампфа, стр. 39.

37.) Заглавіе: Номоканонъ, составлено изъ двухъ словъ: nomos, что значитъ Гражданскій Законъ и kavov, что значитъ Церковное Правило, почему я перевелъ его выраженіемъ Гражданско-Церковный Уставъ. Выше означено почему, при переводѣ Номоканона на Славянскій языкъ, назвали его Кормчею книгою.

38.) О трудахъ Патріарха Фотія, Баронъ Розенкампфъ говоритъ слѣдующее: »Онъ составилъ на основаніи шестаго Вселенскаго Собора, полнѣйшее собраніе Вселенскихъ и Помѣстныхъ

Правилъ и обработалъ Номоканонъ, въ первый разъ почти по одному составу съ Іоанномъ Схоластикомъ, т. е. не включилъ въ оный болѣе четырехъ Вселенскихъ и шести Помѣстныхъ, а потомъ, во второй разъ, съ прибавленіемъ остальныхъ Соборовъ и прочихъ статей.» (См. Обозрѣніе Кормчей книги, стр. 43).

39.) Сіе доказывается словами Нестора: »Сеже и по всей землѣ Руской во всѣхъ Княженіяхъ Соборные церкви Епископомъ сотвори Велик. Князь Володиміръ по прежнимъ Греческимъ Номоканономъ, и вся сосуды церковныя и оправданія церковная даде по прежнимъ Греческимъ Номоканономъ.,, (См. Никон. спис. стр. 105).—Впрочемъ историческая критика не можетъ безусловно довѣрить Никоновскому списку, ибо прочіе списки Нестора о семъ обстоятельствѣ умалчиваютъ.

40.) Можетъ быть, что Археологи откроютъ Славянскіе переводы Греческаго Номоканона, прежде XIII вѣка совершенные; но до сихъ поръ таковыхъ нѣтъ. Можно положить, основываясь на розысканіяхъ Барона Розенкампфа, что до XIII вѣка въ Россіи употреблялись Греческіе списки Номоканона. (См. Обозрѣніе Кормчей книги стр. 51).

41.) Будущему Историку Кормчей книги представляется трудный вопросъ: почему Патріархи Іосифъ и Никонъ избрали Рязанскій списокъ съ толкованіями Аристина? — Разрѣ-

шеніе вопроса сего можетъ вести къ полезнымъ выводамъ касательно нашего Церковнаго Права.

42.) Хотя Куяцій, издатель перваго Базиликона, говоритъ, что въ семъ собраніи заключаются только узаконенія Греческихъ Императоровъ, однакоже, разсмотрѣвъ Базиликонъ внимательно, легко убѣдиться можно, что въ немъ содержатся Юстиніановы Уложеніе и Новеллы. Первое изданіе Базиликона совершено трудами Гервета и Куяція; но полнѣйшее есть Фабротово. (См. Diction. Hist. par L. Moreri. Basle. 1740. т. 2. ст. 90. Ménage. Anti-Baillet. Г. I. Allgem. Histor. Lexicon. Leipzig, 1730. стр. 419 столб. I).

43.) Выше означено какимъ образомъ Патріархъ Іоаннъ составилъ Номоканонъ, къ церковнымъ правиламъ присоединивъ гражданскіе законы. Какъ Номоканонъ переведенъ вполнѣ, то съ нимъ вмѣстѣ перешли къ намъ и извлеченія изъ Базиликона.

44.) »Паки жъ древній врагъ нашъ діаволъ, видя богомудростную кротость Святаго Владимира и воздвиже въ людѣхъ лукавство, еже лихоимствовати брату брата и другъ друга, а сице тогда нача умножатися разбойничество въ земли Рустѣй. И собрашася Епископы и старѣйшины земстіи, и пріидоша ко Митрополиту Леонтію глаголюще: « вѣдый буди святый вла»дыко, яко велико зло содѣвается въ Рустѣй »земли отъ злодѣйственныхъ людей, многаго ради

»лукавства и бесстуднаго похищенія и немилос-»тиваго разбойничества, понеже видѣша яко сынъ »святаго ти Архіерейства, Великій Князь Вла-»димиръ, нынѣ въ великой кротости пребывая, и »во глубокосмиренномудріе претворися, и всѣмъ »злодѣемъ долготерпѣливъ и щадителенъ по-»казася, и тако видѣвше его безумніи человѣ-»цы, многи обиды и похищенія творяху, и самыи »разбои содѣваху, и земли запустенія сотвориша, »и сего ради молимъ тя великій владыко, да извѣс-»тиши сіе Самодержцу Владимиру, да потщится, »яко же Богъ наставитъ его, имъ же образомъ »возможно ему будетъ утолити таковое мно-»горазличное злодѣйство.» Преосвѣщенный жъ Митрополитъ Леонтій, слышавъ сія, вельми болѣзненно о семъ поскорбѣ, и глагола имъ: о чада и служебницы нашего смиренія! разу-»мѣю бо яко моихъ ради грѣховъ таково попу-»сти Богъ злодѣемъ, но обаче потреба молит-»вамъ.» И вкупѣ молитву сотворше, и паки гла-гола имъ:» идѣте къ самодержавному Владимиру, »и рцыте ему: о боголюбивый самодержавный »Царю! молимъ тя приклони ухо твое и увѣждь, »колика тщета и пагуба содѣвается отъ безум-»ныхъ человѣкъ державѣ Твоей, и почто пре-»зрѣлъ еси симъ воспретити, и упразднити та-»кое злодѣйство, разумно да будетъ ти, яко »тако глаголетъ Господь Пророкомъ: азъ возд-»вигохъ тя Царя правды, и пріяхъ тя за руку »десную, и укрѣпихъ тя и престолъ твой

»правдою и кротостію, и судомъ истиннымъ »совершенъ да будетъ; внимай убо себѣ и всему »стаду, въ немъ же тя Духъ святый постави, »яко есть воля Божія, благочестивымъ дѣлате»лемъ безумныхъ человѣкъ обуздовати неразуміе; »рече бо Апостолъ: яко властители не суть »боязнь благимъ дѣломъ, но злымъ; аще ли кто »хощетъ не боятися власти, благое да творитъ, »и иматъ похвалу отъ содержащаго властъ и »тако подобаетъ ти, благочестивый Самодержа»телю! безъ всякаго сумнѣнія всѣмъ злодѣемъ »праведнымъ судомъ всячески воспрещати, и »творящимъ разбои по правиломъ градскаго за»кона праведно судити, со испытаніемъ и рас»мотреніемъ, яко же писано есть: овѣхъ убо »наказующе милуйте съ разсужденіемъ, овѣхъ »страхомъ спасайте отъ огня восхищающе.„ Епископы же шедше ко блаженному Владиміру глаголаша:» Отецъ твой Леонтій Митрополитъ »посла насъ, и повелѣ намъ глаголати тебѣ »сице: се разбойницы умножишася въ земли на»шей, многи бѣды и убійство въ людехъ содѣва»юще, и что ради сице во зло попущаеши тво»рити всякимъ злодѣемъ, и не токмо не истреб»ляеши такова пагубнаго злодѣйства въ державѣ »своей, но и не возпрещаеши.« И вся изглаго»лаша ему елико повелѣ имъ Митрополитъ. Благоразумный же и долготерпѣливый Владиміръ богобоязненно отвѣща и рече имъ:» сего ради не дерзаю истребляти сихъ, боюся Бога, аще

*

»въ грѣхъ вмѣнитъ ми ся, и мню яко Богъ тако
»попусти, азъ же кто есмь яко осуждати чело-
»вѣки на смерть; самъ бо много согрѣшихъ и
»беззаконовахъ паче всѣхъ человѣкъ на земли, а
»еже будетъ Богомъ повелѣно рцыте ми, и
»послушаю васъ.« Епископы же рекоша ему:
»поручено ти есть отъ Господа Бога земное
»скипетродержаніе на воспрещеніе и на обузда-
»ніе и на казнь злодѣйствующимъ, добродѣющимъ
»же на милованіе и похвалу, и подобаетъ ти со
»испытаніемъ и разсмотреніемъ злыхъ судити
»и не щадити, якоже повелѣно есть вамъ въ
»божественнѣхъ правилѣхъ по градскому, а доб-
»рыхъ миловати, понеже власть во обоихъ сихъ
»послушныхъ окормляеши, еже есть страхомъ
»и милостію, безъ сихъ бо власть ни како же
»пребываетъ.« Велеумный же Владимиръ рече:
»аще сице повелѣно есть отъ Бога, якоже слы-
»шу отъ устъ Святительства вашего, иже отъ
»божественныхъ писаній навѣщеваете ми имъ
»же недоумѣнное сумнѣніе уступаше отъ окаян-
»ныя ми душа, и сихъ ради хвалю словеса ваши,
»молитеся же о мнѣ, яко да милостивъ будетъ
»ми Богъ, и дабы разумъ даровалъ ми, воеже
»разсудити порученныя ми отъ него люди вправ-
»ду, и да поможетъ ми истребити въ земли
»Рустѣй всяко злодѣйство, азъ же недостой-
»ный по воли его готовъ есмь о сихъ исправле-
»ніихъ попеченіе имѣти, елика сила.« И прочея
бесѣдова со Епископы о пользѣ душевнѣ, и от-

пусти ихъ съ любовію. Самъ же созва къ себѣ Боляре своя, и повѣда имъ глаголаншая отъ Святителей, и повелѣ разслати повсюду, и взыскати и имати разбойниковъ и хищниковъ, и судити имъ праведнымъ и благоразумнымъ разсмотрѣннымъ правленіемъ и достовѣрнымъ испытаніемъ, комуждо по дѣломъ ихъ достойное возмѣздіе воздаяти повелѣ, и тако злодѣйственіи человѣцы, хищницы и разбойницы, и лукавіи лихоимцы все тѣхъ дѣлъ своихъ увязяхуся, нѣціи же отъ нихъ покаяніемъ исправляхуся, овіи же по градскому закону казнемъ предавахуся, и яко плевелы отъ пшеницы исторгахуся, и таковымъ попщаніемъ блаженнаго Владимира многое тогда злодѣйствіе въ людѣхъ Богомъ дарованныя его державы упражняшеся, правда же и любовь преспѣваше благодатію Христовою.» (См. Степенную книгу. Ст. I. Гл. 62. Изд. 1775. Часть I стр. 165). Сіе свидѣтельство Степенной книги подтверждается словами Нестора, который, хотя не столь подробно, однакоже упоминаетъ объ измѣненіи наказательной системы въ Россіи во времена Великаго Князя Владиміра. (См. Кенигсб. спис. изд. 1767. Стран. 89 и всѣ другія списки Нестора). Причиною сего измѣненія было духовенство; оно не могло равнодушно видѣть, какъ смертоубійство и другія важныя преступленія наказывались только денежною пенею, между тѣмъ какъ по церковнымъ правиламъ тѣ же са-

мыя преступленія подлежали смертной казни, безъ всякаго помилованія и пощады.

45.) Обычай, принятый отцемъ изъ чужой страны, кажется сыну уже отечественнымъ, ибо онъ родился и взросъ подъ его вліяніемъ. Законъ, взятый предками изъ Уложенія чужеземнаго, кажется дѣтямъ ихъ закономъ отечественнымъ, ибо сіи послѣдніе родятся и живутъ подъ вліяніемъ сего закона, наравнѣ съ прочими отечественными законами. Большая часть людей, повинующихся безпрекословно законамъ, едва по слуху знаетъ какіе изъ сихъ законовъ туземные и какіе иноземные.

46.) Названіе сіе есть Греческое и значитъ Царскія книги.

47.) Такимъ образомъ въ Главѣ XII статья 1-я взята изъ Указа 95 (1587) года; въ Главѣ XX статья 17 заимствована изъ Указа 69 (1561) года; въ той же Главѣ статья 37 изъ Указа 67 (1559) года, а статья 39 изъ Указа 69 (1561) года.

48.) До сихъ поръ нигдѣ не открыто никакихъ бумагъ касательно составленія Уложенія. Можетъ быть, что современемъ изысканія археологовъ укажутъ намъ сіи акты въ какомъ либо архивѣ. Легко статься можетъ, что даже не было никакого письменнаго производства при составленіи Уложенія, а всѣ предметы, по словесномъ совѣщаніи, вносились въ проэктъ Уло-

женія. Безпорядокъ плана и нестройность системы Уложенія подкрѣпляютъ сію догадку.

49.) Въ предисловіи Уложенія сказано: *»А на которыя статьи въ прошлыхъ годѣхъ, прежнихъ Государей въ Судебникахъ Указу не положено, и Боярскихъ приговоровъ на тѣ статьи небыло, и тѣ бы статьи потому же написати.»* Сіе *потому жъ* значитъ по тѣмъ же прежнимъ судебникамъ, Государевымъ Указамъ и Боярскимъ приговорамъ, т. е. по духу прежняго Русскаго законодательства.

50.) Сіе выраженіе употреблено въ предисловіи Уложенія. Оно можетъ быть отнесено и къ составителямъ Уложенія и къ лицамъ, оное разсматривавшимъ. Но какъ въ проэктѣ Уложенія всѣ статьи прежнихъ лѣтъ находятся уже разрѣшенными, то видно, что сіе выраженіе относилось къ составителямъ Уложенія.

51.) Въ подлинномъ проэктѣ Уложенія только противъ нѣкоторыхъ статей (какъ-то: Гл. X. ст. 189, Гл. XIV ст. 8, Гл. XVI ст. 40) написано: *поговоритъ съ Бояры.* Но какъ сіи статьи напечатаны безъ всякой перемѣны въ Уложеніи, то видно, что всѣ статьи проэкта утверждены безъ измѣненія.

52.) Древнѣйшіе слѣды существованія Литовскаго Статута усматриваются въ Едиктѣ Короля Сигизмунда I, изданномъ 6-го Декабря 1522 года, коимъ повелѣвалось составить и напечатать Статутъ для управленія свѣтскими и

духовными жителями Княжества Литовскаго. Королевская воля исполнилась въ 1629 году, когда Литовскіе Вельможи поднесли на утвержденіе Королю Статутъ Литовскій, нынѣ называемый первымъ или старымъ. Онъ былъ писанъ на Русскомъ языкѣ. Рукописныхъ экземпляровъ его, на Русскомъ языкѣ, до сихъ поръ сохранилось три, кои находятся: одинъ въ Библіотекѣ Варшавскаго Общества Любителей Словесности, второй у Графа Дзялынскаго, а третій въ Библіотекѣ Виленскаго Университета, Латинскій переводъ сего перваго Статута находился въ Пулавской Библіотекѣ, а Польскій въ въ Библіотекѣ Виленскаго монастыря Патеровъ Кармелитанцевъ. Сей первый Статутъ, въ послѣдствіи времени, былъ дважды исправляемъ и дополняемъ; въ первый разъ на Литовскомъ Сеймѣ въ Бѣльскѣ въ 1564, а во второй на Сеймѣ Виленскомъ въ 1566 году. Исправленная на Сеймахъ Редакція называется иногда Вторымъ Литовскимъ Статутомъ, иногда же Волынскимъ. Рукописи втораго Статута, писаннаго по Русски, хранятся, одна въ Музеумѣ Графа Румянцова, другая у Графа Ходкевича, а третія у извѣстнаго ученаго Профессора, И. Н. Даниловича. Ни первый, ни второй изъ сихъ Статутовъ не былъ напечатанъ. Наконецъ въ 1588 году поднесена была Королю Сигизмунду Третьему послѣдняя исправленная и дополненная Сапегою Редакція, и того же года утверждена Коро-

лемъ. Сія-то Редакція, третьимъ Статутомъ называемая, есть нынѣшній Литовскій Статутъ, дѣйствующій доселѣ въ Литвѣ, Малороссіи и Провинціяхъ, отъ Польши присоединенныхъ. Онъ служилъ источникомъ при составленіи Уложенія Царя Алексѣя Михайловича.

53.) Изъ предыдущаго замѣчанія видно, что первые два Статута писаны по Русски; но и третій (нынѣшній) такъ же былъ представленъ Королю на Русскомъ языкѣ въ 1588 году и въ томъ же году напечатанъ, по Русски же въ Вильнѣ, въ типографіи Мамоничей. Значительная часть рукописи сего Статута, писанная современнымъ Русскимъ почеркомъ, сохранилась у И. Н. Даниловича. Болѣе 20 печатныхъ Русскихъ экземпляровъ третьяго Статута находятся въ библіотекахъ, въ Императорской Публичной Санктпетербургской, въ Румянцовской, въ Москвѣ, въ Вильнѣ, и пр. На Польскомъ же языкѣ онъ въ первый разъ напечатанъ въ 1614 году, тоже въ Вильнѣ въ типографіи Мамоничей, а послѣ перепечатанъ въ 1619 году. Такимъ образомъ Литовскій Статутъ появился въ Польскомъ переводѣ чрезъ 25 лѣтъ послѣ появленія своего на Русскомъ языкѣ.

54) См. выше примѣчаніе 19-е.

55) Сіе мнѣніе принадлежитъ Г-ну Руссову. См. издаваемый имъ журналъ: Воспоминанія 1832. Февраль. Книжка II стр. 15.

56) Смотри ниже примѣчанія 60, 61 и 62.

57) Сіи статьи суть: Главы I-й статья 1-я о богохульникахъ, взятая изъ Моисеева закона; и Главы X. ст. 25 о несужденіи въ воскресные дни взята также изъ заповѣдей Моисеевыхъ.

58) Изъ градскихъ законовъ взяты статьи: Главы II, ст. 4 о зажигательствѣ; Главы VII. ст. 30 объ измѣнѣ воинской; той же Главы ст. 28 и 29 о воровствѣ; Главы X, ст. 170 о наказаніи за ложный доносъ; той же Главы ст. 224 о наказаніи за истребленіе чужой собственности; той же Главы 259 о порчѣ кабалы и мн. др.

59) Почти все гражданское право Уложенія взято изъ изданныхъ до Уложенія Россійскихъ законовъ. Сіе очевидно изъ VII Главы (о содержаніи Уложенія).

60) Для уразумѣнія, какимъ образомъ составители Уложенія сокращали источники, сравни Ул. Гл. II ст. 1 съ Литовс. Статутомъ Разд. I. Арт. 3; Улож. Глав. X. ст. 194 съ Лит. Стат. Разд. VII. Арт. 30.

61) Какимъ образомъ составители Уложенія дополняли и истолковывали источники, можно видѣть изъ сравненія Улож. Гл. I. ст. 1. съ Кормч. книгою Глав. 45. ст. 3; У. Глав. VII. ст. 20. съ кормчею книгою Глав. 48. грани 39 ст. 17; Ул. Глав. VII. ст. 30 съ Литовс. Стат. Разд. II. Арт. 18; Ул. Гл. X. ст. 196 съ Лит. Ст. Разд. VII. Арт. 27.

62) Составители Уложенія весьма рѣдко вы-

писывали изъ источниковъ слово въ слово; для примѣра сравни Улож. Г. X. ст. 197 съ Лит. Стат. Разд. VII. Арт. 29; Ул. Глав. VII. ст. 29 съ кормчею книгою Гл. 49. Зачал. 16. ст. 33.

63) На подлинникѣ Уложенія противъ 177 статей отмѣчено откуда оныя взяты; изъ сихъ отмѣтокъ видно, что изъ Правилъ Св. Отцевъ взято двѣ статьи, изъ Базиликона 24, изъ Литовскаго 56, изъ прежнихъ Судебниковъ, Указовъ и Приговоровъ 77, вновь придумано 18 статей. Неизвѣстно кѣмъ писаны сіи отмѣтки; впрочемъ онѣ вѣрны и потому должно думать, что онѣ намѣчены однимъ изъ составителей Уложенія.

64) Говоря въ строгомъ смыслѣ, симъ условіямъ удовлетворяетъ одно только Французское Уложеніе; всѣ прочія (какъ то Прусское, Шведское) болѣе или менѣе приближаются къ сводамъ. Большую пользу могло бы принести обстоятельное изслѣдованіе выгодъ и невыгодъ, сопровождающихъ кодексы. Валтеръ Скоттъ мастерски коснулся сего предмета, при сравненіи Англійскаго законодательства съ Французскимъ. (См. Истор. Напол., соч. Валт. Скот., перев. Шаплета. Том. 7 стр. 64 — 90). Сей предметъ заслуживаетъ особенное вниманіе въ нашемъ отечествѣ, гдѣ попеременно предпринимали то сочиненіе Уложеній, то составленіе сводовъ.

65) Я оставляю сіе выраженіе Уложенія, не весьма красивое, но всѣмъ понятное.

66) См. Рескриптъ, данный Императоромъ Александромъ Графу Заводовскому 1801 года Іюня 8-го, (напечатанный въ Полномъ Собраніи Законовъ подъ № 19.904.)

67) Вотъ слова подлинника: А о которыхъ дѣлахъ въ Уложеніи не напечатано, а учинены на тѣ дѣла новоуказныя статьи, на одно дѣло разныя: и такія разныя статьи изъ всѣхъ приказовъ выписать всѣ подлинно и внесть въ Сенатъ; а въ Сенатѣ на такія дѣла изъ тѣхъ разныхъ указовъ изобрать приличное къ истинѣ и учинить на всякое дѣло одинъ указъ съ доношенія Нашему Величеству. (Именный Указъ Петра, данный Сенату въ 1714 году Маія 20. См. Пол. Собр. Зак. Т. V. стр. 112 примѣч.)

68) Устраняя личности, я не называю сихъ писателей по именамъ. Впрочемъ заблужденіе ихъ извинительно, ибо причина онаго — патріотизмъ — похвальна.

69) Я говорю *совершенно*, потому, что представители народные, созванные къ слушанію Уложенія, утвердили оное. (См. Главу II-ю.)

70) См. въ Полномъ Собраніи Законовъ Томъ I. стр. 1 столб. 2. Слова сіи списаны съ подлинника съ дипломатическою точностію, безъ всякаго измѣненія.

71.) О подсудности Бояръ и прочихъ сословій подробно изложено въ седьмой Главѣ.

72.) Въ тождествѣ идеи Уложенія съ идеею гражданскаго равенства легко убѣдиться, прочтеніемъ опредѣленій сей послѣдней идеи. Вотъ какъ она опредѣлена въ Projet de constitution 1795 года: L' égalité consiste en ce que la loi doit être la même pour tous, soit qu' elle protège, soit qu' elle punisse. (Art. I. §. 1). Вотъ опредѣленіе Екатерины Великой: Равенство гражданъ состоитъ въ »томъ, чтобы всѣ подвергнуты были тѣмъ же законамъ.« (Нак. 1767. 30 Іюня. ст. 34. См. Пол. Собр. Закон. N° 12.949) — Очевидно, что опредѣленія сіи совершенно тождественны съ опредѣленіемъ основной идеи Уложенія, которая содержится въ томъ, чтобы *всѣмъ Россіянамъ, безъ различія состоянія, судъ и расправа были равны.*

73.) Французы дѣйствительно провозглашали объ идеѣ гражданскаго равенства какъ о новомъ открытіи. Стоитъ только заглянуть на первую страницу ихъ Projet de Constitution (1795). чтобы увидать какимъ образомъ они принимались за дѣло законодательства.

74.) Великая ученица Монтескьё, Императрица Екатерина изложила свое опредѣленіе гражданскаго равенства въ 34 статьѣ Наказа. (Смотр. выше примѣч. 72) Читавъ со вниманіемъ Уложеніе, (что доказывается Указомъ 1767 года Апрѣля 20-го, напечатаннымъ въ

Пол. Собр. Законовъ подъ № 12. 877.) Императрица могла занять сіе опредѣленіе изъ Уложенія Царя Алексѣя Михаиловича. Сіе подтверждается и тѣмъ, что, Французы въ 1795 говорили о гражданскомъ равенствѣ, какъ о новости; слѣдовательно Монтескье не подробно развилъ свои понятія о семъ предметѣ.

75.) Царь Василій выразился такъ:» Мнѣ Великому Государю *всякаго человѣка*, не осудя *истиннымъ судомъ* съ Бояры своими, смерти не предавати, и вотчинъ и дворовъ, и животовъ у братьи ихъ и у женъ и у дѣтей не отъимати, будетъ которые съ ними въ мысли не были; . . . .

. . . .

да и доводовъ ложныхъ мнѣ Великому Государю не слушати, а *сыскивати всякими сыски накрѣпко* и ставити со очей на очи, чтобъ въ томъ православное Христіанство *безвинно* не гибло . . . . (См. Собр. Госуд. Грам. и Догов. Часть. II стр. 299.). Исторіографъ Карамзинъ, упоминая о сей клятвѣ Василія, говоритъ:« Царь мыслилъ, въ годину смятеній и бѣдствій, *дать гражданамъ то благо, коего не знали ни дѣды, ни отцы наши до человѣколюбиваго царствованія Екатерины Второй*. (Истор. Госуд. Рос. т. XII. стр. 5). Исторіографъ не сказалъ бы сего, еслибъ вникнулъ въ Уложеніе и основательно расмотрѣлъ его основную идею.

76.) Кромѣ Уложенія и Наказа, въ законодательствѣ нашемъ нигдѣ нѣтъ яснаго опредѣленія гражданскаго равенства, по крайней мѣрѣ я неnашелъ его при самомъ внимательномъ изученіи нашихъ законовъ Петра, Анны и Елизаветы.

77.) См. въ Литовскомъ Статутѣ первый Артикулъ перваго раздѣла.

78) Въ подтвержденіе сего ссылаюсь на превосходныя намѣренія Шуйскаго, которыя были отвергнуты его подданными; на мудрыя нововведенія Петра Великаго, которыя встрѣтили упорное сопротивленіе, и были приняты только по твердости характера Монарха-преобразователя.

79) О послѣдствіяхъ Уложенія изложено въ Главѣ девятой. Здѣсь нельзя повторять ихъ, ибо сіе повтореніе увеличило бы книгу безъ всякой ощутительной пользы.

80.) Сія догадка основана на томъ, что въ предисловіи Уложенія, гдѣ именно означены всѣ распоряженія и приказанія Царя касательно составленія Уложенія, не сказано ничего о расположеніи сей книги. Она подтверждается еще и тѣмъ, что составителямъ Уложенія предоставленъ былъ выборъ статей изъ источниковъ; сіе право несравненно важнѣе права расположенія выбранныхъ статей.

81.) Печатное Уложеніе раздѣлено на 25 Главъ, изъ коихъ

I.	Содержитъ	9	статей,
II.	———	22	———
III.	———	9	———
IV.	———	4	———
V.	———	2	———
VI.	———	6	———
VII.	———	32	———
VIII.	———	7	———
IX.	———	20	———
X.	———	287	———
XI.	———	34	———
XII.	———	3	———
XIII.	———	7	———
XIV.	———	10	———
XV.	———	5	———
XVI.	———	69	———
XVII.	———	55	———
XVIII.	———	71	———
XIX.	———	40	———
XX.	———	119	———
XXI.	———	104	———
XXII.	———	26	———
XXIII.	———	3	———
XXIV.	———	2	———
XXV.	———	21	———
	Всего	967	статей

Изъ сего обозрѣнія видно, что Главы: X (о судѣ), XX (о холопахъ) и XXI (объ уголовныхъ преступленіяхъ) суть самыя обшир-

ныя, а главы: V, XXIII и XXIV суть самыя краткія.

Впрочемъ сіе раздѣленіе Уложенія на Главы, и Главъ на статьи существуетъ только въ печатномъ Уложеніи. Въ письменномъ подлинникѣ Уложенія только первыя десять Главъ отмѣчены числами и имѣютъ заглавія; прочія же Главы не обозначены числами, хотя отдѣлены одна отъ другой. Между статьями оставлены промежутки, но статьи не сосчитаны, ибо передъ ними никакихъ числъ не выставлено. Сему причиною, вѣроятно, послужила поспѣшность, съ какою Уложеніе приведено къ окончанію.

82.) Указъ о Третейскомъ Судѣ долженъ былъ составить XVI Главу Уложенія, но, можетъ быть, ошибкою отнесенъ къ XV Главѣ, при переметкѣ Главъ Уложенія во время его печатанія. Самое слово *Указъ* о Третейскомъ Судѣ показываетъ, что составители Уложенія не смѣшивали Третейскаго Суда съ положеніемъ о дѣлахъ вершеныхъ, ибо слово сіе (*Указъ*) въ подлинникѣ Уложенія большею частію означаетъ начало Главы.

83.) См. примѣчаніе предыдущее. Сіе соединеніе Указа о цѣнахъ съ Главою о Казакахъ подтверждаетъ догадку о неисправности раздѣленія Главъ Уложенія при печатаніи.

84.) Окончаніе Уложенія подобно концу Литовскаго Статута, который также заключается постановленіемъ о Кормчахъ. Впрочемъ

сіе сходство не есть единственное между расположеніемъ Уложенія и Статута.

85.) Хотя Уложеніе не раздѣлено на Раздѣлы, а только на Главы, но однакоже ясно видно, что Раздѣлы могли существовать: ихъ нельзя опровергать и потому, что самыя Главы, начиная съ X, въ подлинникѣ не отличены числами и не имѣютъ заглавій. (См. выше прим. 81). Предположеніе мое о раздѣлахъ Уложенія вѣроятно и потому, что такое дѣленіе существуетъ въ Литовскомъ Статутѣ, который составители Уложенія имѣли въ виду при совершеніи труда своего.

86.) Изъ Указовъ 1700 года Февраля 18 и 1719 года Декабря 9 можно видѣть причину, по коей Петръ Великій предпринялъ исправленіе Уложенія. (См. въ Полн. Собр. Законовъ №№1765 и 3465.)

87.) Всѣ ссылки на Уложеніе помѣщены въ самомъ текстѣ, дабы не развлекать вниманія читателя; Главы Уложенія означены Римскими, а статьи—Арабскими числами.

88.) *Отдать виновнаго головою* значило предоставить его въ полную власть и распоряженіе обиженнаго. Сіе строгое наказаніе производилось безъ всякой пощады надъ знаменитѣйшими нашими соотечественниками. При семъ случаѣ нельзя не вспомнить о спасителѣ Отечества, *Пожарскомъ*, который за мѣстниче-

ство выданъ былъ головою. (См. Собр. Госуд. Грам. и Догов. Часть III №18.)

89.) Борьба Патріаршей власти съ Царскою есть замѣчательное явленіе въ Исторіи нашей. Мы о ней упомянули только кратко, ибо она не прямо касается нашего предмета. (См. Г. *IX*.) Свѣдѣнія о ней, собранныя Г. Бергомъ въ сочиненіи его о царствованіи Царя Алексѣя Михайловича, недостаточны и представлены не совсѣмъ въ истинномъ свѣтѣ.

90.) Краткое историческое извѣстіе о сотняхъ помѣщено выше, въ примѣчаніяхъ 29 и 30.

91.) Вотъ распоряженія Уложенія по сему предмету: »И за работу тѣмъ людемъ зачитати въ окупъ истцова иску мужескому полу по пяти рублевъ на годъ, а женкамъ и срослымъ дѣвкамъ противъ того вполы. А дѣтемъ ихъ, которые у нихъ будутъ больши десяти лѣтъ, по два рубли за годъ; а которые дѣти у нихъ будутъ недоросли меньши десяти лѣтъ, и тѣмъ недорослямъ въ окупъ истцова иску ничего не зачитати, потому что такіе недоросли въ таковы лѣта не работаютъ. А какъ такіе люди у истцовъ своихъ иски ихъ заработаютъ сполна, и ихъ отъ тѣхъ истцовъ отпустити на волю. А будетъ истцы ихъ помрутъ, а послѣ ихъ останутся дѣти, а они исковъ ихъ дотѣхъ мѣстъ сполна не заработаютъ и ихъ противъ того, чего они не заработаютъ, доживати тѣхъ умершихъ истцовъ у дѣтей. А какъ они отъ

тѣхъ истцовыхъ дѣтей отработаются, и ихъ потому же отпустити на волю.„

92.) Однакоже мужъ не всегда былъ крѣпокъ по женѣ. Исключенія изъ общаго правила такъ означены въ Уложеніи:„ А будетъ изъ за кого збѣжитъ крестьянка вдова, а мужъ ея за тѣмъ, изъ за кого она выбѣжитъ, написанъ въ писцовыхъ или въ отдѣльныхъ книгахъ и въ выписяхъ, или въ иныхъ въ какихъ крѣпостяхъ во крестьянѣхъ или въ бобыляхъ, а збѣжавъ та крестьянка выдетъ за мужъ за чьего кабальнаго человѣка, или за крестьянина, и ту крестьянку вдову тому помѣщику, за кѣмъ первой ея мужъ въ писцовыхъ или переписныхъ книгахъ или въ иныхъ крѣпостяхъ написанъ, отдати съ мужемъ.

А будетъ первой мужъ тое вдовы за тѣмъ, изъ за кого она выбѣжитъ, въ писцовыхъ и въ переписныхъ книгахъ и въ иныхъ какихъ крѣпостяхъ не написанъ, и той вдовѣ жити за тѣмъ, за чьего она человѣка или за крестьянина за мужъ выдетъ.

А будетъ изъ за кого выбѣжитъ крестьянинъ или бобыль, и въ бѣгахъ дочь свою дѣвку или вдову выдастъ за мужъ за чьего кабальнаго человѣка, или за крестьянина или за бобыля того, къ кому онъ прибѣжитъ, а послѣ того тотъ бѣглый крестьянинъ по суду доведется отдати съ женою и съ дѣтьми тому, изъ за кого онъ выбѣжитъ и съ тѣмъ бѣглымъ крестьс-

янином или и съ бобылемъ прежнему его помѣщику отдати и зятя его за кого онъ въ бѣгахъ дочь свою выдастъ. А будетъ у того зятя его, будутъ дѣти съ первою его женою, и тѣхъ его первыхъ дѣтей челобитчику не отдавати.

А будетъ тотъ бѣглый крестьянинъ или бобыль въ бѣгахъ дочь свою выдастъ за мужъ за чьего кабальнаго или старинпаго человѣка, или за крестьянина или за бобыля иного помѣщика или вотчинника, и ту крестьянскую дочь, которая въ бѣгахъ будетъ за мужъ выдана, отдати истцу съ мужемъ же ея.„ (Глав. XI. ст. 15. 16. 17. 18.) На подлинникѣ Уложенія отмѣчено, что статьи сіи составлены вновь при сочиненіи Уложенія.

93.) Случаи сіи означены въ Уложеніи, Глав. X. ст. 126: »А стрѣльцовъ съ Московскихъ и съ городовыхъ по судныхъ дѣламъ Государевыхъ пошлинъ и пересуду и праваго десятка съ ихъ стрѣлецкихъ исковъ съ двунадцати рублевъ не имати. А будетъ кто сторонней человѣкъ учнетъ искати на стрѣльцѣ на сто рублевъ, а по суду въ томъ иску стрѣлецъ будетъ виноватъ, и съ того иску со ста рублевъ пошлинъ не имати же. А которые стрѣльцы учнутъ искати на стороннемъ человѣкѣ больши двѣнадцати рублевъ, или сторонній человѣкъ учнетъ на стрѣльцѣ искати больши ста рублевъ, и стрѣлецъ въ томъ иску будетъ виноватъ, и

съ того иску, что больши того указу будетъ, имати пошлины съ рубля по гривнѣ, да съ суда пересуду по пяти алтынъ по четыре деньги, да праваго десятка по четыре деньги. А который истецъ сторонней человѣкъ въ своемъ иску во стѣ рубляхъ по суду будетъ виноватъ, или у крестнаго цѣлованія доведутся взяти пошлины на стороннихъ людехъ, а стрѣлецъ съ тѣмъ стороннимъ человѣкомъ помирится, и тѣ пошлины и пересудъ и правой десятокъ сыметъ на себя, для того, что на немъ съ того иску со ста рублевъ пошлинъ по Государеву указу имати не велѣно, и тѣ пошлины по указу взяти на томъ стрѣльцѣ, потому что онъ тѣ пошлины сыметъ на себя съ сторонняго человѣка воровствомъ. А стрѣлецкимъ дѣтемъ и братьѣ и племянникомъ, которые живутъ съ ними въ ихъ дворѣхъ не въ роздѣлѣ, о пошлинахъ тотъ же указъ, что и стрѣльцомъ.»

94.) »А которые стрѣлецкіе же и казачьи Головы и Сотники и стрѣльцы и казаки городовые учнутъ бити челомъ Государю о всякихъ управныхъ дѣлѣхъ на стороннихъ людей, или о сыску про стрѣлецкіе и казачьи земли и Государевы грамоты имъ по ихъ челобитью будутъ даны и съ управныхъ дѣлъ, кто учнетъ бити челомъ на стороннихъ людей, печатные пошлины имати по указу. А которые учнутъ бити челомъ Государю другъ на друга, а не на стороннихъ людей или о землякъ, и съ тѣхъ по-

шлинъ не имати, потому, что люди служилые, а земли за ними Государевы.» (Глав. XVIII. ст. 51.)

95.) »А у кого всякихъ чиновъ у Русскихъ людей дворы на Москвѣ въ Китаѣ и въ Бѣломъ и въ Земляномъ городѣ въ загородскихъ слободахъ: и тѣхъ дворовъ и дворовыхъ мѣстъ у Русскихъ людей Нѣмцамъ и Нѣмкамъ вдовамъ не покупати и въ закладъ не имати.» Ул. Глав. XIX. ст. 40.

96.) »А на которыхъ Нѣмецкихъ дворѣхъ поставлены Нѣмецкія кирки: и тѣ кирки сломати, и впредь въ Китаѣ и въ Бѣломъ и въ Земляномъ городѣ киркамъ не быти; а быти имъ за городомъ за Землянымъ, отъ церквей Божіихъ въ дальныхъ мѣстѣхъ.» Ул. Глав. XIX. ст. 40.

97.) Между вотчинами и помѣстьями была большая разница. Вотчиною называлось недвижимое имѣніе родовое, купленное или Высочайше пожалованное. Помѣстьемъ же называлась недвижимая собственность, даваемая за исполненіе Государевой службы; помѣстья обращались въ вотчины за службу (См. Ул. Глав. XVII. ст. 19. 20. 49.). Помѣстья давались, въ Московскомъ уѣздѣ, Боярину по двѣсти четвертей, Окольничимъ и Думнымъ Дьякамъ по 150, Стольникамъ, Стряпчимъ, Московскимъ дворянамъ, дьякамъ, Головамъ Московскихъ стрѣльцевъ и ключникамъ по 100, городовымъ дворянамъ, по выборамъ служащимъ, по 70, жильцамъ, стремяннымъ конюхамъ и сотникамъ Москов-

скихъ стрѣльцевъ по 50, каждому (Ул. Глав. XVI. ст. 1). Помѣстья давались изъ порозжихъ собственностей. (Ул. Глав. XVI. ст. 35. 36. 39.).

98.) Уложеніе не различаетъ *словами* движимаго отъ недвижимаго имущества, но различаетъ *дѣломъ*. Вотъ почему я рѣшился означить сіе различіе, хотя видимое, но не выраженное въ Уложеніи.

99.) Обыкновенно въ несовершенно образованныхъ государствахъ проценты строго запрещаются. Симъ доказывается только малое развитіе Политической экономіи въ сихъ народахъ. Они дозволяютъ помѣщику брать деньги за наемъ его земли, дозволяютъ промышленнику брать деньги за наемъ его рабочаго дня, но не дозволяютъ капиталисту брать деньги за наемъ его капитала. Въ сущности, наемъ земли, промышленныхъ способностей, капитала—одно и тоже; и если не предосудительно брать плату за службу земли, то ничѣмъ непредосудительнѣе брать плату за службу капитала. Но составители Уложенія разсуждали иначе и почитали взятіе процентовъ за преступленіе. Разумѣется, что Правительство можетъ назначать таксу процентовъ, но не должно гнать ихъ, дабы не отнять у промышленности необходимѣйшихъ ея орудій.

100.) Сей Полицейскій Уставъ обнародованъ въ Апрѣлѣ 1649 года, подъ заглавіемъ: Наказъ о градскомъ благочиніи (См. Полное Соб. Зак.

Томъ I й № 5 стр. 164). Онъ изданъ единственно для Москвы и имѣлъ цѣлію прекращеніе боя, грабежа, корчемства, употребленія табаку, всякаго воровства, безнравственности, зажигательства и пожаровъ, *по улицамъ и переулкамъ.* Власть Полицейскихъ Чиновниковъ, коихъ было два объѣздныхъ и пять рѣшеточныхъ прикащиковъ, ограничивалась только наблюденіемъ за общественнымъ порядкомъ. Въ случаѣ безпорядковъ и непослушанія, они записывали имена виновныхъ и представляли свои записки къ Боярамъ. Замѣчательно и то, что нѣкоторыя полицейскія преступленія (какъ напримѣръ: пожаръ) наказывались смертію.

101.) Разсматривая содержаніе Уложенія, я могъ бы представить еще нѣкоторыя распоряженія Уложенія по военному праву, по торговлѣ, по Финансамъ. Какъ сіи распоряженія не входятъ въ составъ моего сочиненія по моей цѣли и при томъ отдѣльно ничего не могутъ значить, ибо онѣ весьма малочисленны и неопредѣленны, то упомянуть о нихъ слѣдуетъ Историкамъ: военному, торговому, финансовому.

102.) Никто не станетъ оспоривать словъ моихъ, основанныхъ не на ложномъ патріотизмѣ, но на свидѣтельствѣ Исторіи и на доказательствахъ, замѣчаемыхъ ежедневно. Я могъ бы привести тысячу примѣровъ въ подкрѣпленіе словъ своихъ, еслибъ считалъ сіе нужнымъ.

103.) Къ сожалѣнію, истинный патріотизмъ

всегда согласится съ симъ замѣчаніемъ, вспомня отечественную Исторію. Укажу только на 1612 и 1812 годы.

104.) Вскорѣ послѣ изданія Уложенія, послѣдовало значительное смягченіе карательной системы. Указомъ 1653 года Октября 20 дня повелѣно: татей и разбойниковъ, содержавшихся въ тюрьмахъ, вмѣсто смерти, бить кнутомъ, у лѣвой руки отсѣчь палецъ и сослать въ Сибирскіе, Низовые и Украйные города съ женами и дѣтьми; а если опять уличатся въ татьбѣ и разбоѣ, то подвергать смертной казни (Полн. Собр. Зак. Т. I. стр. 301. № 105)

105.) Женъ, убившихъ мужей, закапывали живыхъ въ землю до 1689 года, когда сія жестокая казнь уничтожена навсегда и замѣнена отсѣченіемъ головы. (См. Пол. Собр. Законовъ Томъ III. стр. 15 № 1335).

106.) Дѣйствительно законы наши, въ настоящее время, совершенно очищены отъ всякой свирѣпости, хотя остались строгими. Тѣлесное наказаніе, до сихъ поръ сохранившееся, только строго, но не имѣетъ въ себѣ ничего нещаднаго, ибо самое сіе слово изгнано закономъ изъ отечественнаго Права. Сіе очищеніе нашего законодательства произошло въ слѣдствіе обстоятельствъ времени, кои заставили Императрицу Екатерину сказать, что безнаказанность рождается отъ суровости закона (См. Наказъ 1767. 30 Іюля. §. 208 въ Полн. Собр. Зак. №

12949). Одно только правило нашего уголовнаго права пугаетъ друзей человѣчества: — тѣлесное наказаніе, распространенное и на женскій полъ. Должно признаться, что тѣлесное наказаніе слишкомъ сурово для такого нѣжнаго, чувствительнаго и стыдливаго созданія, какова женщина.

107.) Говоря: *никогда не возвратится*, я принимаю въ соображеніе значительный шагъ къ просвѣщенію, совершенный Россіею въ последнее столѣтіе. Законъ всегда есть выраженіе общественнаго состоянія народа; онъ вызывается нуждою, условливается извѣстнымъ требованіемъ нравовъ и положеній общества. Въ какой степени смягчилась суровость нашихъ нравовъ посредствомъ образованія и просвѣщенія общественнаго, въ такой степени смягчилась и суровость закона. И такъ какъ мы идемъ впередъ, а не назадъ, по стезѣ образованія и просвѣщенія, то и законъ идетъ къ совершенствованію и не можетъ возвратиться въ первобытное, несовершенное состояніе. Сіе можетъ случиться только при одномъ условіи, когда мы сожжемъ плоды просвѣщенія, забудемъ правила образованности, истребимъ книги, запремъ школы, уничтожимъ промышленность, словомъ: рѣшимся на нравственное, умственное и гражданское самоубійство; но можетъ ли оно случиться? Слѣдственно я совершенно правъ, сказавъ рѣшительно, что свирѣпая суровость карatель-

ныхъ мѣръ Уложенія исчезла и *никогда не возвратится.*

108.) Фактъ сей описанъ Г. Берхомъ. См. царствованіе Царя Алексѣя Михайловича, часть I, стр. 48 и 49.

109.) См. Собраніе Госуд. Грам. и Догов. часть III. № XVIII. и царствов. Царя Алек. Михайл., соч. Берха, часть I, стр. 67 и 72.

110.) Олеар. Кн. III. Глав. XVI.—Лѣтопись о мятежахъ. — Исторія Пскова, изд. въ 1832 году.—Собр. Госуд. Грам. и Догов. часть IV. стр. 76 и 77.

111.) Подробности о семъ любопытномъ фактѣ временъ Царя Алексѣя Михайловича можно видѣть въ жизнеописаніи Никона, сочин. Иваномъ Шушеринымъ. (См. прим. 89).

112.) Ферберъ, Шведскій повѣренный въ дѣлахъ при Россійскомъ Дворѣ, писалъ отъ 7-го Марта 1647 года, что изданъ законъ о томъ, чтобы Русскіе не служили иностранцамъ, *но иностранцы надѣятся, что сіе запрещеніе будетъ забыто, ибо въ прежніе годы было такое же запрещеніе, но никто не исполнялъ его.* (Подлинныя письма Фербера сохранились въ собраніи рукописей Г. Вихмана и напечатаны въ Сѣверномъ Архивѣ 1822 года, № 2, стр. 155). Изъ сего видно, какъ исполнялись предписанія Правительства до изданія Уложенія.

113.) До Петра Великаго обыкновенно писали въ прошеніяхъ и письмахъ: холопъ Иващ-

ка, холопъ Тимошка и пр. Указомъ отъ 30 Декабря 1701 Петръ Великій запретилъ писаться пол-именами (См. Полн. Собр. Зак. Т. IV. стр. 181. № 1884).

114.) Въ 1786 году Императрица Екатерина замѣнила слово: рабъ, словомъ подданный. (См. Указъ 19 Февр. 1786 года. Пол. Собр. Зак. Т. XXII стр. 534. № 16329).

115.) О семъ безпрерывномъ стремленіи къ улучшенію внѣшней формы нашего отечественнаго законодательства подробнѣе сказано въ Главѣ II: *О составленіи и утвержденіи Уложенія*. Сочиненіе сіе писано гораздо прежде появленія свода Россійскихъ Законовъ. Теперь издано *историческое обозрѣніе сводовъ*, въ коемъ кратко и ясно изложена исторія Уложенныхъ Коммисій.

Конецъ.

ОПЕЧАТКИ.

Напечатано:		Слѣдуетъ		читать:
Стрн.	Стрк.			
36 ——	1.	Липовском	—	Липовскихъ
78 ——	17	актамъ	———	актомъ
100 ——	3	нѣмымъ	———	нѣмыхъ
102 ——	20	сословія	———	злословія
141 ——	22.	(1 (95)	———	(1795)

ОГЛАВЛЕНІЕ.

